

И. И. ГОРЕЛИК,
И. С. ТИШКЕВИЧ

**ВОПРОСЫ
УГОЛОВНОГО
ПРАВА
(ОСОБЕННОЙ ЧАСТИ)**

**В ПРАКТИКЕ
ВЕРХОВНОГО СУДА БССР**

Издательство „Вышэйшая школа“
Минск 1976

34С5
Г 67

Введение и гл. 1—2 написаны проф. И. И. Гореликом,
гл. 3—7 — проф. И. С. Тишкевичем

Г $\frac{11002-032}{М 304(05)-76}$ 18—76

© Издательство «Высшая школа», 1976.

ВВЕДЕНИЕ

В своей деятельности, толкуя законы, применяя действующее законодательство, суд должен стремиться установить не волю закона, что пропагандирует нормативная теория права, не волю законодателя времени издания закона, что никогда не может привести к правильному решению конкретного вопроса, а то, что фактически всегда имело и имеет место: закон толкуется и должен толковаться в соответствии с волей законодателя времени применения закона.

М. Д. Шаргородский

Значение судебной практики известно. Именно на практике проверяется рациональность отдельных уголовных законов и уголовного законодательства в целом. Практика подсказывает законодателю необходимость издания новых законов, отмены устаревших, совершенствования апробированных. Без изучения практики немислимо развитие теории права. Все это обуславливает необходимость изучения судебной практики.

В системе судебных органов особое место занимают их руководящие органы: Верховный Суд СССР и Верховные суды союзных республик. Постановления Пленума Верховного Суда СССР направляют судебную практику страны, нередко становятся вехой в уголовно-судебной политике.

Важное значение имеет и деятельность Верховных судов союзных республик. Они являются не только проводниками судебной политики, направляемой Верховным Судом СССР, но в связи с наличием в каждой республике своего Уголовного кодекса направляют в единое русло практику его применения в республике...

В постановлении № 2 Пленума Верховного Суда СССР от 7 июля 1971 г. «О дальнейшем совершенствовании деятельности судов по осуществлению правосудия в свете решений XXIV съезда КПСС» ярко показаны роль и значение Верховных судов союзных республик. В п. 6 этого постановления сказано: «Верховным судам союзных республик в соответствии с возложенной на них за-

коном обязанностью по осуществлению надзора за деятельностью нижестоящих судебных органов принимать меры к обеспечению правильного направления судебной практики, единообразного понимания и применения законов, предупреждения и своевременного исправления судебных ошибок. Необходимо обеспечить систематическое изучение практики применения судами законодательства, своевременно ставить вопросы, требующие дальнейшего развития и совершенствования советского законодательства, укреплять связь с правовой наукой, шире внедрять результаты научных исследований в деятельность судебных органов. При разработке руководящих разъяснений пленумов полнее учитывать запросы нижестоящих судов и рекомендаций научных учреждений, добиваться своевременного разрешения спорных вопросов, возникающих в судебной практике»¹.

В свете особой важности практики руководящих судебных органов большое значение имеет ее изучение и обобщение. Если практика Верховного Суда СССР по уголовным делам освещается и обобщается в многочисленных больших и малых научных трудах, посвященных отдельным вопросам уголовного права, а в прошлом подвергалась комплексному монографическому исследованию, то практика Верховного суда Белорусской ССР изучению и обобщению подвергалась лишь по отдельным вопросам.

Вышесказанное является частью Введения к книге о практике Верховного суда БССР по вопросам Общей части уголовного права². Ее изданием в какой-то мере восполнен пробел, связанный с отсутствием прежде монографических исследований практики Верховного суда республики.

Настоящая книга является продолжением названной и посвящена вопросам Особой части уголовного права в практике Верховного суда Белорусской ССР.

---

¹ Сборник..., с. 24. (Здесь и в дальнейшем, если не оговорено иное, приводятся действующие постановления Пленума Верховного Суда СССР, содержащиеся в книге «Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924—1973». М., Изд. «Известия Советов депутатов трудящихся СССР», 1974. В дальнейшем сокращенно именуется «Сборник...»)

² Горелик И. И., Тишкевич И. С. Вопросы уголовного права (Общей части) в практике Верховного суда БССР. Минск, 1973.

Практику Верховного суда республики авторы изучали, пользуясь следующими источниками: руководящими постановлениями Пленума Верховного суда БССР, протокольными постановлениями того же Пленума, обзорами и обобщениями судебной практики, обзорами кассационно-надзорной практики областных судов и Верховного суда БССР, надзорными определениями Верховного суда БССР, кассационными определениями того же суда, приговорами Верховного суда республики, протестами Председателя и заместителя Председателя Верховного суда БССР в Президиумы областных судов, протоколами научно-консультативного совета при Верховном суде БССР, статистическими данными МЮ БССР.

В работе охватывается период с 1961 г. (когда вступил в силу действующий Уголовный кодекс Белорусской ССР).

Работа имеет следующую структуру. В первой главе характеризуется состояние судимости в БССР. Без рассмотрения этого вопроса не была бы достаточно понятной судебная практика. При этом уделено внимание и тем статьям Особенной части кодекса, которые на практике не применяются или почти не применяются. Авторы пытаются объяснить причины этого. Они также исходят из того, что практика характеризуется не только тем, что и как она делает, но и тем, чего и почему она не делает.

Последующие главы посвящены вопросам квалификации преступлений Верховным судом Белорусской ССР.

Значение правильной квалификации преступлений не нуждается в обосновании. Исправляя ошибки нижестоящих судов по отдельным делам, Верховный суд БССР не только устранял нарушение социалистической законности в конкретном случае, но и направлял судебную практику, предостерегая от подобных ошибок в будущем. Этому содействовали издаваемые Верховным судом БССР обзоры судебной практики, в которых публикуются наиболее важные постановления Пленума и определения Судебной коллегии по уголовным делам по конкретным случаям.

Обобщая определенные категории уголовных дел, Пленум Верховного суда БССР давал и руководящие разъяснения, содержащие вопросы квалификации преступле-

ний. Однако в этой области деятельность Верховного суда БССР, как и Верховных судов других союзных республик, весьма ограничена, поскольку такие разъяснения обычно даются в руководящих постановлениях Пленума Верховного Суда СССР. Наличие последних не снимает ряда вопросов квалификации преступлений. Верховный суд БССР и разъясняет их в своих решениях по отдельным делам. В практике деятельности Верховного суда БССР имели место и руководящие разъяснения вопросов квалификации преступлений, которые по времени предшествовали руководящим постановлениям Пленума Верховного Суда СССР.

Анализируя практику Верховного суда БССР по вопросам квалификации преступлений, авторы ставили задачу теоретически обосновать, где в этом есть необходимость, то решение вопроса, которое представляется наиболее правильным, чтобы тем самым содействовать сознательному и рациональному применению уголовно-правовых норм.

Анализ практики Верховного суда БССР по вопросам Особенной части уголовного законодательства позволил авторам сформулировать или поддержать уже сформулированные другими авторами предложения, направленные, по их мнению, на усовершенствование законодательства и практики его применения. В этой связи также сформулированы отдельные предложения, которые могут быть учтены при совершенствовании практики Верховного Суда СССР и Верховного суда БССР по разъяснению вопросов квалификации преступлений.

Рассматривая вопросы квалификации преступлений Верховным судом Белорусской ССР, авторы не ставили цели рассмотреть все представляющие интерес случаи. Они ограничились лишь наиболее принципиальными, решающими новые проблемы, возникшие в практике, либо конкретизирующими разъяснения, содержащиеся в постановлениях Пленума Верховного Суда СССР, либо, наконец, представляющими значительный теоретический интерес.

ГЛАВА I. СУДИМОСТЬ И УГОЛОВНО-СУДЕБНАЯ ПОЛИТИКА ПО ОТДЕЛЬНЫМ КАТЕГОРИЯМ ДЕЛ

§ 1. Судимость по отдельным категориям дел в БССР в 1961—1974 гг.

1. Судимость в БССР за *особо опасные государственные преступления* в упомянутые годы была весьма незначительной — единичные случаи. В числе осужденных главным образом осужденные за измену Родине в годы Великой Отечественной войны — пособничество немецко-фашистским оккупантам. Не будь дел этой категории — и судимость за особо опасные государственные преступления приблизилась бы к нулю.

2. Несколько больший удельный вес в судимости занимали *иные государственные преступления*: 0,1—0,3% к числу всех осужденных. В числе осужденных за эти преступления в основном лица, признанные виновными по ст. 82 (нарушение правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного, водного и воздушного транспорта) и по ст. 85 (нарушение правил о валютных операциях, а также спекуляция валютными ценностями или ценными бумагами).

Количество осужденных по ст. 82 в эти годы колебалось от 11 до 56%, а по ст. 85 — от 7 до 61%¹. Заметное колебание в процентах осужденных объясняется единственно тем, что при незначительном фактическом их количестве каждая единица существенно влияет на ее процентную оценку.

Осужденные за бандитизм (ст. 74 УК) составляли от 9 до 21%, а в 1966, 1967, 1969—1974 гг. такие преступления вовсе не встречались.

Судимость за контрабанду (ст. 75 УК) отмечена лишь в отдельные годы и колебалась в пределах от 2 до 14%.

---

¹ Здесь и в дальнейшем, когда говорится о судимости по отдельной статье Кодекса, имеется в виду процент от числа всех осужденных по преступлениям, предусмотренным соответствующей главой УК.

Фальшивомонетничество (ст. 84 УК) в 1965—1968 гг. и в 1971—1974 гг. не встречалось, а в остальные годы были единичные случаи.

Незначительным и лишь в отдельные годы было количество осужденных по ст. 74¹ (действия, дезорганизующие работу исправительно-трудовых учреждений), 77 (уклонение от очередного призыва на действительную военную службу), 83 (повреждение путей сообщения и транспортных средств).

Несмотря на незначительное количество совершаемых государственных преступлений, они остаются наиболее опасными и требуют решительной борьбы. По отдельным из них Пленум Верховного Суда СССР принимал руководящие постановления. В постановлении № 5 от 12 сентября 1961 г. отмечалось, что со стороны «отдельных судов наблюдается недооценка общественной опасности»² фальшивомонетничества, спекуляции валютными ценностями и действий, дезорганизующих работу исправительно-трудовых учреждений. Пленум признал, что решительная борьба с этими преступлениями является важнейшей задачей судебных органов. В постановлении № 16 того же Пленума от 3 декабря 1962 г. обращено внимание судов на то, что «в целях усиления борьбы с преступностью важное значение имеет решительное пресечение попыток отдельных преступных элементов дезорганизовать деятельность исправительно-трудовых учреждений» и что «этому должно способствовать правильное и неуклонное применение судами закона, предусматривающего ответственность за такого рода действия»³.

3. Удельный вес осужденных за *преступления против социалистической собственности* за рассматриваемые годы не изменился. В 1961—1974 гг. в процентах к общему числу осужденных он соответственно составлял: 20,1; 18,4; 21,7; 24,3; 20,9; 15,6; 16,4; 17,3; 17,4; 18,1; 20,1; 20,7; 22,1; 21,8. И в абсолютных цифрах количество осужденных за эти преступления не проявляет тенденции к снижению. В общей таблице судимости преступления против социалистической собственности конкурируют с преступлениями против общественного порядка, общественной безопасности и здоровья населения, занимая в 1964 г.

² Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924—1973. М., 1974, с. 434, 437. В дальнейшем именуется «Сборник...»

³ Сборник..., с. 396—397.

первое место, в 1961—1962 гг. третье, в остальные годы второе место и лишь в 1966 г. четвертое место после названных и хозяйственных преступлений.

В числе осужденных за преступления против социалистической собственности главным образом лица, совершившие хищение этой собственности. В 1969 г., например, осужденные по ст. 96—98 (умышленное и неосторожное истребление социалистической собственности, недобросовестное отношение к ее охране) составляли 1%, в 1972 — 1,1% к числу всех осужденных за преступления, предусмотренные главой 7 УК.

Основную массу осужденных за хищения составляют лица, совершившие кражу (ст. 87 УК) и присвоение, растрату или хищение путем злоупотребления служебным положением (ст. 91 УК). Удельный вес осужденных по ст. 87 УК колебался в пределах 36—48%, а осужденных по ст. 91 УК — 33—52%.

Хищение государственного и общественного имущества путем присвоения, растраты или злоупотребления служебным положением по сравнению с другими видами хищения легче предупредить и в дальнейшем вовсе искоренить. Для достижения этой цели необходимо, как указано в постановлении № 4 Пленума Верховного Суда СССР от 11 июля 1972 г. «О судебной практике по делам о хищениях государственного и общественного имущества», «полностью закрыть все каналы хищений»⁴. Конкретизируя это положение применительно к ст. 91 УК, протокольное постановление Пленума Верховного суда БССР от 14 февраля 1973 г. «О судебной практике по делам о хищениях государственного и общественного имущества» отмечает: «в ряде организаций на работу, связанную с учетом, хранением и расходованием материальных ценностей, принимаются лица, не внушающие доверия, в прошлом судимые за корыстные преступления... В системе потребительской кооперации на должность заведующих магазинами принимаются несовершеннолетние, не имеющие опыта работы в торговле, надлежащий контроль за их деятельностью не устанавливается, что способствует присвоению ими социалистического имущества. Нередко руководители торговых организаций несвоевременно отстраняют от работы лиц, допускаю-

---

⁴ Сборник ..., с. 454.

щих недостатки ценностей, произвольно относят значительные и крупные недостатки к мелким и т. п., чем попустительствуют расхитителям».

Ранее в постановлении № 1 от 10 марта 1964 г. Пленум Верховного суда БССР обязал суды республики «при установлении фактов неправильного подбора кадров на материально ответственные должности, ненадлежащего учета... отсутствии должного контроля за деятельностью материально ответственных лиц... способствующих совершению преступлений, выносить частные определения, которыми об этом доводить до сведения соответствующих органов, а в необходимых случаях принимать меры к привлечению к ответственности виновных в таких упущениях должностных лиц».

Добиться того, чтобы ни один жулик не был допущен к полномочиям, связанным с хранением или распределением материальных ценностей,— а это вполне возможно — значит закрыть полностью каналы хищений путем присвоения, растраты, злоупотребления служебным положением. Это приведет к тому, что судимость за хищения социалистической собственности снизится на 30—40%.

Заманчивая, реальная и недалекая перспектива. Мы отдаем себе отчет в том, что это зависит не только и не столько от судебных органов, но активно содействовать этому они могут и должны. Пути воздействия достаточно четко определены в упомянутых постановлениях Пленума Верховного Суда СССР и Пленума Верховного суда БССР.

Сказанное полностью относится и к ликвидации хищений в особо крупных размерах (ст. 91¹ УК), совершаемых, как правило, теми же лицами, указанными в ст. 91 УК. Судимость по ст. 91¹ невелика: 0,1—0,8% в год.

Еще значительно число мелких хищений государственного и общественного имущества: в 1974 г.— 15,0% от всех осужденных за преступления, предусмотренные главой 7 УК. По сравнению с 1961 г. число осужденных по ст. 94 УК увеличилось в 1,3 раза.

Некоторую тенденцию к росту проявляет судимость за грабеж (ст. 88 УК): 0,6% в 1961 г.— 2,4% в 1974 г. Напротив, судимость за разбой (ст. 89 УК) такой тенденции не проявляет: 0,3% в 1961 г.— 0,2% в 1974 г.

Это относится и к судимости за мошенничество (ст. 90 УК).

Уголовно-судебная политика по делам о хищениях государственного и общественного имущества четко сформулирована в Законе и постановлениях Пленума Верховного Суда СССР № 5 от 31 марта 1962 г.⁵, № 8 от 14 июня 1962 г.⁶, № 13 от 23 октября 1963 г.⁷, № 6 от 24 июня 1968 г.⁸, № 1 от 11 апреля 1969 г.⁹ и уже упоминаемом постановлении № 4 от 11 июля 1972 г.¹⁰, а также в постановлении Пленума Верховного суда БССР «О судебной практике по делам о хищении государственного и общественного имущества» от 25 ноября 1961 г. с изменениями, внесенными постановлением от 12 июля 1963 г., и ранее упомянутыми постановлениями того же Пленума.

Главными направлениями этой политики являются: применение строгих мер наказания в отношении лиц, виновных в хищениях в крупных и особо крупных размерах, организаторов хищений и особо опасных рецидивистов; содействие в создании атмосферы нетерпимости вокруг расхитителей социалистической собственности, в том числе и лиц, совершающих мелкие хищения; выявление причин и условий, содействующих хищениям, и принятие всех возможных в судебной деятельности мер по их устранению.

4. *Преступления против личности* занимают первое (в 1961, 1962, 1965 гг.), второе (в 1963, 1964, 1966, 1973 гг.) и третье место (в остальные годы). Удельный вес этих преступлений в 1961—1974 гг. соответственно составлял: 22,9%; 18,7; 18,2; 20,1; 22,3; 15,9; 15,9; 16,5; 15,9; 16,0; 16,2; 15,5; 17,7%; 16,5%. Как видно, судимость за преступления против личности снижается. Если принять число осужденных за эти преступления в 1961 г. за 100%, то в 1973 г. оно составляло 86,2%.

Говоря о преступлениях против жизни, следует отметить уменьшение количества умышленных убийств при

---

⁵ Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924—1970. М., 1970, с. 401 (в дальнейшем именуется «Сборник... М., 1970.»).

⁶ Там же, с. 415.

⁷ Там же, с. 416.

⁸ Там же, с. 423.

⁹ Там же, с. 429.

¹⁰ Действующим остается постановление от 11 июля 1972 г.

отягчающих обстоятельствах (ст. 100 УК) и некоторое увеличение числа умышленных убийств при отсутствии отягчающих и смягчающих обстоятельств (ст. 101 УК). Если принять число осужденных по ст. 100 в 1961 г. за 100%, то в 1974 г. оно составляло 61,0%. Соответственно судимость по ст. 101 УК составляла 100% и 139,0%. Судимость за неосторожное убийство (ст. 104 УК) составляла в 1961 г. 1,7%, а в 1974 г.—1,2% (к числу всех осужденных за преступления против личности). Весьма редки случаи осуждения за убийство в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения (ст. 102), при превышении пределов необходимой обороны (ст. 103) и доведение до самоубийства (ст. 105).

Пленум Верховного Суда СССР в постановлении № 4 от 4 июня 1960 г. «О судебной практике по делам об умышленном убийстве», отмечая, что «судебные органы в основном правильно разрешают эти дела», указал, что «борьба с умышленными убийствами является одной из важнейших задач судебных органов»¹¹.

В несколько ранее принятом постановлении № 1 Пленума Верховного суда БССР от 25 февраля 1960 г. «О судебной практике по делам об умышленном убийстве» обращено внимание судов на то, что «умышленное убийство является тяжким уголовным преступлением, и с ним должна вестись самая решительная борьба как путем применения мер наказания, установленных законом, так и путем проведения профилактической работы, направленной на предупреждение преступлений... Задача заключается в том, чтобы вовлекать все более широкие массы трудящихся в дело борьбы с преступностью, особенно с таким тяжким и нетерпимым в условиях социалистического общества преступлением, как умышленное убийство». Дело в том, как отмечается в этом постановлении, что «большинство этих преступлений совершается в общественных местах (особенно в сельской местности) из хулиганских побуждений и в состоянии алкогольного опьянения».

В постановлении № 4 от 28 июля 1971 г. Пленум Верховного суда БССР снова подчеркивает, что «умышленное убийство является наиболее опасным из числа преступлений против личности, и решительная борьба с

---

¹¹ Сборник..., с. 463, 473.

ним в свете решений XXIV съезда КПСС, в которых особо подчеркнута забота партии о всемирной защите жизни и здоровья граждан, продолжает оставаться одной из важнейших задач судебных органов».

Развивая содержание основного направления уголовно-судебной политики по этой категории дел, Пленум Верховного суда БССР в постановлении от 28 июля 1971 г. указывает на необходимость «шире привлекать к участию в судебных процессах представителей общественности и коллективов трудящихся. Активнее разъяснять законы, направленные против пьянства и хулиганства, на почве которых во многих случаях совершаются умышленные убийства». Пленум также указывает, что «суды должны глубоко исследовать причины и условия, способствующие убийствам. Остро реагировать на факты примиренческого отношения некоторых руководителей предприятий, строек, колхозов, совхозов, учебных заведений и общественных организаций к пьяницам, нарушителям трудовой дисциплины и общественного порядка, а также на случаи непринятия органами милиции мер по сигналам граждан о семейных скандалах, истязаниях и угрозах убийства».

В числе преступлений против личности основное место занимают преступления против здоровья, особенно легкие телесные повреждения (ст. 110 УК). Судимость по этой статье составляла от 32 до 48% в 1961—1973 гг.

Судимость за менее тяжкое телесное повреждение (ст. 107 УК) составляла в эти годы 7,3—11,8%, а за умышленное тяжкое телесное повреждение (ст. 106 УК) 8,3—12,6%. Заметной была судимость за истязания (ст. 111 УК) — 2,1—4,8%.

Незначительной была судимость за причинение телесных повреждений в состоянии сильного душевного волнения (ст. 108 УК) и при превышении пределов необходимой обороны (ст. 109 УК).

Судимость за неосторожное причинение тяжкого или менее тяжкого телесного повреждения (ст. 112 УК) колебалась от 0,8 до 1,7% в год.

Единичными были случаи осуждения за заражение венерической болезнью. Появились (1972, 1973, 1974) случаи осуждения за уклонение от лечения венерической болезни (ч. 1 ст. 113 УК) и постановление в опасность заражения венерической болезнью (ч. 2 ст. 113 УК).

Из преступлений, опасных для жизни и здоровья¹², заметное место в статистике судимости занимает лишь незаконное производство аборта, составляя по несколько десятков осужденных в год. Один из авторов этой книги уже касался причин живучести этого преступления, несмотря на легализацию аборт¹³. В условиях легализации аборт¹⁴ и выравнивания соотношения в численности мужчин и женщин¹⁴ возможно существенное сокращение этих преступлений.

Определенную озабоченность вызывает судимость за изнасилование, не проявляющая тенденции к снижению: 5,7%; 5,1; 5,1; 5,7; 5,7; 7,1; 10,1; 8,9; 8,3; 8,7; 8,8; 8,9; 9,5; 9,0% (к числу всех осужденных за преступления против личности).

Отмечая, что «суды в основном правильно решают дела об изнасиловании», Пленум Верховного Суда СССР в постановлении № 2 от 25 марта 1964 г. «О судебной практике по делам об изнасиловании» обращает «внимание судов на необходимость вести решительную борьбу с таким опасным преступлением, как изнасилование, не допуская необоснованного ослабления ответственности в отношении лиц, совершивших это преступление»¹⁵.

Что касается других преступлений в области половых отношений, то удельный вес и абсолютное число их незначительны: судимость по ст. 117 УК (половое сношение с лицом, не достигшим половой зрелости) колеблется в пределах 0,3—0,9%, судимость по ст. 118 (развратные действия) — 0,4—1,0%, судимость по ст. 119 (мужеложство) — 0,02—0,7% к числу осужденных за преступления против личности.

За клевету (ст. 128 УК) характерна более или менее стабильная ежегодная судимость: 0,7—1,0%. Что касается оскорбления (ст. 129 УК), то судимость за это преступление проявляет прочную тенденцию к снижению: 9,3% в 1961 г.; 8,6 в 1962 г.; 6,7 в 1967 г.; 5,2 в 1970 г.;

¹² Систему преступлений против личности см. в кн.: Уголовное право БССР, часть Особенная. Минск, 1971, с. 112.

¹³ Горелик И. И. Ответственность за поставление в опасность по советскому уголовному праву. Минск, 1964, с. 154—160.

¹⁴ В возрасте до 46 лет включительно в 1959 г. женщин было больше, чем мужчин, на 7,4 миллиона, а в 1973 г. их число стало одинаковым. (О численности населения СССР — см. «Правда», 10 августа 1973.)

¹⁵ Сборник..., с. 483.

2,6% в 1974 г. Эта тенденция еще более наглядна при сравнении 1959 и 1974 гг. Если число осужденных за оскорбление в 1959 г. принять за 100%, то в 1974 г. оно составило всего 5%. За 16 лет судимость за оскорбление уменьшилась в 20 раз.

Резкое сокращение судимости за оскорбление объясняется двумя причинами: распространенной практикой передачи этих дел на рассмотрение товарищеского суда, которая стала складываться в конце пятидесятых годов, и ростом уровня сознания советских людей, повлекшим за собой действительное снижение случаев оскорбления.

Вероятнее всего, что дальнейшее развитие названных факторов приведет и к дальнейшему снижению судимости за оскорбление.

5. Судимость за *преступления против политических, трудовых и иных прав граждан* составляла 0,3—0,9% числа всех осужденных. В основном, а иногда и полностью это судимость за нарушение правил охраны труда и техники безопасности (ст. 137 УК): 84—100% от числа всех осужденных за преступления, предусмотренные главой 9 УК.

Обращает на себя внимание рост судимости по ст. 137 УК: в 1974 г. по сравнению с 1961 г. в 3,6 раза. Это объясняется главным образом постоянно повышающимся вниманием судебных органов к этой категории дел.

Пленум Верховного Суда СССР в постановлении № 4 от 30 мая 1967 г. «О практике рассмотрения судебных дел, связанных с нарушениями правил охраны труда и техники безопасности, и повышении роли судов в предупреждении этих правонарушений» констатировал, что, рассматривая гражданские дела о возмещении ущерба, причиненного рабочим и служащим увечьем либо иным повреждением здоровья, суды, «как правило, ограничиваются удовлетворением исков, а виновных в нарушениях правил охраны труда и техники безопасности не выявляют и не ставят в надлежащих случаях вопроса о привлечении их к законной ответственности». Пленум также отметил, что «имеют место случаи, когда по делам о грубых нарушениях правил охраны труда и техники безопасности, повлекших гибель людей или иные тяжкие последствия, необоснованно применяются не соответст-

вующие содеянному мягкие меры наказания или условное осуждение»¹⁶.

Пленум Верховного Суда СССР обратил внимание на необходимость «преодоления существующей среди отдельных работников недооценки общественной опасности этих правонарушений»¹⁷.

В постановлении от 30 марта 1973 г. «О выполнении судами постановления Пленума Верховного Суда СССР от 30 мая 1967 г.» Пленум констатировал, что, выполняя постановление от 30 мая 1967 г., суды «в основном правильно применяют законы об ответственности за нарушения правил охраны труда и техники безопасности». Вместе с тем Пленум отметил, что еще не обеспечивается принцип неотвратимости наказания, вследствие чего «должностные лица, создавшие на производстве обстановку, не обеспечивающую здоровых и безопасных условий труда, порой не несут за это предусмотренную законом ответственность». Пленум отметил, что «многими судами все еще недооценивается общественная опасность преступных нарушений правил охраны труда и техники безопасности, допускаются случаи применения к виновным наказания без учета тяжести наступивших последствий»¹⁸.

Уголовно-судебная политика по этой категории дел состоит в преодолении недооценки социальной опасности нарушений правил охраны труда и техники безопасности: обеспечении принципа неотвратимости наказания, назначении последнего соразмерно тяжести содеянного.

6. Судимость за *преступления против личной собственности* граждан в 1961—1974 гг. колебалась в пределах 7—13% от числа всех осужденных.

Сравнение судимости за хищение социалистической собственности и похищение чужого личного имущества показывает, что первые значительно более распространены: в 1974 г., например, количество осужденных за похищение чужого личного имущества составляло 56% от количества осужденных за хищение социалистического имущества. Доступ к последнему более облегчен: оно хранится на строительных площадках, полках складов и баз, магазинов самообслуживания, полях колхозов и сов-

¹⁶ Сборник..., с. 572—573.

¹⁷ Там же, с. 573.

¹⁸ «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1973, № 3, с. 10.

хозов. Напротив, к имуществу граждан проникнуть сложнее, к нему нет такого «доступа», а за дверью квартиры можно встретить и сопротивление, менее вероятное за дверьми магазина или склада.

Сейчас уже можно говорить о том, что вор меняет ориентацию с чужого личного имущества на социалистическое. Не вытекает ли отсюда необходимость закрыть доступ к социалистическому имуществу не путем замков и запоров, хотя и это нужно, а тщательным фильтром, через который не прошли бы те, которым нельзя доверять материальные ценности — народное достояние?

Среди преступлений против личной собственности наибольшее количество осужденных приходится на ст. 141 УК (кража) и наименьшее — на ст. 147 (неосторожное уничтожение и повреждение чужого личного имущества): в первом случае оно колеблется в пределах 62—73%, во втором — 0,0—0,4%.

Сравнение числа осужденных по ст. 141 и 87 УК показывает, что в последние годы большей является судимость по ст. 87: если принять число осужденных в 1974 г. по ст. 141 УК за 100%, то на ст. 87 УК приходится 140%.

Посягательства на чужое личное имущество путем грабежа (ст. 142 УК), разбоя (ст. 143 УК) более распространены, чем посягательства аналогичным способом на социалистическое имущество. В 1974 г. судимость по ст. 142 превышала судимость по ст. 88 в 5 раз, а по ст. 143 в сравнении с ст. 89 — в 23 раза. Более широкое применение ст. 142 объясняется квалификацией по ней срывания головных уборов и других мелких открытых хищений у граждан, в то время как открытые мелкие хищения социалистического имущества весьма редко становятся предметом судебного разбирательства. Более широкое применение ст. 143 объясняется тем, что распространены мелкие открытые хищения чужого личного имущества, которые, если сопровождались насилием, хотя бы опасным для здоровья, уже образуют состав разбоя.

Если число осужденных за хищение социалистического имущества путем мошенничества (ст. 90 УК) принять за 100% в 1974 г., то число осужденных за хищение таким же способом чужого личного имущества (ст. 144 УК) составит 111%. Несколько большая судимость по ст. 144 является главным образом следствием того, что хищение социалистической собственности путем мошенничества,

если оно совершается лицом, которому имущество вверено или находилось в его ведении, квалифицируется по ст. 91 УК, а не по ст. 90. Фактически же хищение социалистического имущества путем обмана значительно более распространено, чем похищение таким путем чужого личного имущества.

Число осужденных за умышленное уничтожение или повреждение чужого личного имущества (ст. 146 УК) превышает число осужденных за умышленное уничтожение или повреждение социалистического имущества (ст. 96 УК) в 7—13 раз. Уничтожение или повреждение чужого личного имущества более распространено в сельской местности и чаще выражается в поджогах на почве мести. Количество осужденных по ст. 146 УК составляет 6—8% от числа всех осужденных за преступления против личной собственности граждан.

7. Судимость за *хозяйственные преступления* составляла в упоминаемые годы 13—26% от числа всех осужденных. В основном хозяйственные преступления встречались в судебной практике как преступления самогоноварения: 83—93% от числа всех осужденных за хозяйственные преступления.

Значителен удельный вес судимости за самогоноварение и в общей судимости. В указываемые годы он достигал 28,5% (1962) и был не ниже 11,3% (1974).

Пленум Верховного суда БССР в постановлении № 5 от 27 декабря 1962 г. «О судебной практике по делам о самогоноварении» отметил, что «самогоноварение, являясь тяжелым наследием прошлого, носит в республике распространенный характер». Пленум обязал суды «обеспечить решительную борьбу с этим преступлением».

Для оценки эффективности уголовной ответственности за самогоноварение важны следующие сведения. Прежде всего основное количество составляют осужденные за самогоноварение без цели сбыта (до 98%). Далее, обращает на себя внимание то, что основным контингентом осужденных являются женщины (более 50%) и лица старше 50 лет, в том числе и женщины (более 34%). Это объясняется тем, что они берут вину на себя, зная, что ввиду наличия детей или престарелого возраста они к лишению свободы обычно не приговариваются. Не случайно за самогоноварение без цели сбыта суды чаще всего применяют штраф (до 70% осужденных), ус-

ловное осуждение (до 15%) и исправительные работы (до 10%).

При такой карательной политике вызывает сомнение целесообразность уголовной ответственности за самогонварение без цели сбыта. Представляется, что более эффективной будет административная ответственность за самогонварение без цели сбыта¹⁹. Борьба с таким правонарушением станет более оперативной, с меньшей затратой сил, исчезнет категория «подставных лиц», ныне осуждаемых за самогонварение, и, что также нельзя сбрасывать со счетов, на 13—20% сельские народные суды будут разгружены от уголовных дел (более 90% осужденных — жители сельской местности).

Судимость за спекуляцию (ст. 151 УК) колебалась от 3,9 до 9,5% от числа всех осужденных за хозяйственные преступления. Верховный Суд СССР оценивает спекуляцию как преступление, которое представляет «серьезную общественную опасность», что отмечено в постановлении Пленума от 20 сентября 1946 г. с изменениями, внесенными постановлениями Пленума от 18 сентября 1957 г. и от 14 марта 1963 г.²⁰.

Судимость за спекуляцию заметно снижается: если число осужденных в 1961 г. принять за 100%, то в 1974 г. оно составляло 70%. По мере дальнейшего увеличения выпуска товаров массового потребления поле деятельности спекулянтов все больше и больше будет суживаться и продолжение сокращения судимости за это преступление даже в самые ближайшие годы не вызывает сомнений.

Хотя судимость за обман покупателей и заказчиков (ст. 153) сравнительно мала, отмечается ее рост. Если число осужденных в 1961 г. принять за 100%, то в 1974 г. оно составило 388%. Рост судимости объясняется изменением редакции ст. 153 УК и усилением борьбы с этим преступлением. Пленум Верховного суда БССР в постановлении от 28 ноября 1973 г., отметив, что еще встреча-

---

¹⁹ Указом Президиума Верховного Совета Украинской ССР от 18 сентября 1973 г. «Об административной ответственности за изготовление или хранение самогона и аппаратов для его изготовления» установлен судебный порядок административной ответственности за такого рода действия (см.: *Сташис В. В.* Уголовно-правовая охрана социалистического хозяйства. Харьков, 1973, с. 43).

²⁰ Сборник..., с. 498.

ется недооценка судами социальной опасности этого преступления, указал на необходимость усилить борьбу с ним. Однако до суда доходят лишь единичные случаи, составляющие ничтожную часть зарегистрированных фактов обмана покупателей и заказчиков. Подавляющее большинство их не доходит до органов прокуратуры, а следовательно, и до суда. Чтобы обеспечить принцип неотвратимости наказания, необходимо прежде всего, чтобы органы управления торговлей и органы прокуратуры, осуществляющие надзор за законностью, приняли все необходимые меры для предания суду лиц, виновных в обмане покупателей и заказчиков.

Практика показывает, что там, где с обманом покупателей и заказчиков не ведется борьба, исключением является не то, что покупателя (заказчика) обсчитали, а то, что его не обсчитали²¹.

Единичны случаи судимости за приписки и другие искажения отчетности о выполнении планов (ст. 149¹ УК).

Однако и здесь имеет место несоблюдение принципа неотвратимости наказания. Пленум Верховного Суда СССР отмечает это в постановлении № 1 от 12 января 1973 г. «О судебной практике по делам о приписках и других искажениях отчетности о выполнении планов», указывая, что «некоторые должностные лица, совершившие обман государства, подстрекатели и организаторы этих преступлений остаются безнаказанными или наказываются без должностного учета тяжести совершенного деяния и причиненного ущерба». Давая политическую оценку этого преступления, Пленум говорит, что «борьба с приписками и другими искажениями отчетности о выполнении планов является весьма важной задачей, успешное решение которой невозможно без правильного применения закона, предусматривающего ответственность за эти преступления, и учета того, что такими противогосударственными действиями наносится вред народному хозяйству»²².

8. Судимость за *должностные преступления* снижалась. Если принять число осужденных за эти преступления в 1961 г. за 100%, то в 1974 г. оно составляло 64%.

---

²¹ См.: Цекон В. Счет... не в счет («Комсомольская правда», 11 августа 1973 г.).

²² Сборник..., с. 494, 495.

Наибольшим во все годы было число осужденных за злоупотребление служебным положением (ст. 166 УК) и халатность (ст. 168 УК). Число осужденных по этим статьям, почти равное между собой, в совокупности составляло ежегодно от 60 до 82% всех осужденных за должностные преступления.

Относительно должностных преступлений в целом Пленум Верховного Суда СССР в постановлении № 4 от 1 июля 1966 г. «О задачах судебных органов в связи с решениями XXIII съезда КПСС» обязал судебные органы «особое внимание уделить усилению борьбы с хищениями и взяточничеством, а также с должностными преступлениями — злоупотреблением служебным положением, халатностью, выпуском недоброкачественной продукции, приписками и другими искажениями отчетности»²³.

Еще ранее в постановлении № 5 от 12 сентября 1961 г. Пленум Верховного Суда СССР также обратил внимание судов на необходимость решительной борьбы с рядом особо опасных преступлений, в числе которых назвал и взяточничество, совершенное при отягчающих обстоятельствах²⁴.

После принятия Указа Президиума Верховного Совета СССР от 20 февраля 1962 г. «Об усилении ответственности за взяточничество»²⁵ принято Пленумом Верховного Суда СССР постановление № 9 от 31 июля 1962 г. «О судебной практике по делам о взяточничестве».

Отмечая, что «существующая недооценка особой общественной опасности этих преступлений преодолевается медленно», Пленум указал судебным работникам на необходимость «учитывать, что взяточничество, являющееся одним из позорных и отвратительных пережитков прошлого, доставшихся нашему обществу в наследство от капитализма, может быть окончательно искоренено решительными мерами со стороны административных, судебных органов и общественности»²⁶. Пленум обратил внимание судов на то, что «взяточничество... требует последовательной и решительной борьбы с ним, создания

---

²³ Сборник..., с. 7.

²⁴ Там же, с. 437.

²⁵ См. с. 19.

²⁶ Сборник..., с. 513.

вокруг взяточников обстановки нетерпимости и общественного осуждения». Пленум напомнил о необходимости «учитывать опасный характер действий не только взятокополучателей, но и взятокодателей, а также посредников»²⁷.

После принятия упомянутого Указа Президиума Верховного Совета СССР и постановления № 9 Пленума Верховного Суда СССР судимость по ст. 169, 169¹, 170 УК заметно увеличилась: если принять число осужденных в 1961 г. за 100%, то в 1974 г. оно составляло 196%. Оценивая эти цифры, следует иметь в виду, что абсолютное количество осужденных за взяточничество не превышает двузначного числа и достаточно раскрытия одной группы взяточников, чтобы в статистике судимости произошли заметные изменения.

9. В судимости за *преступления против правосудия*, удельный вес которых незначителен (в среднем в год 0,5%), первое место занимает судимость за заведомо ложные показания (ст. 177 УК): от минимальной в 1965 г.— 31,5%, до максимальной в 1966 г.— 71,2%. В 1974 г. она составляла 51,3% к числу всех осужденных за преступления против правосудия.

10. Судимость за *преступления против порядка управления* колебалась в пределах 1,8—4% от числа всех осужденных.

Наиболее распространенным преступлением против порядка управления является сопротивление работнику милиции или народному дружиннику (ст. 187¹ УК). Судимость по этой статье в 1962 г. составляла 19,6%; в 1974 г.— 36,7%. Судимость по ст. 188¹ УК (оскорбление работника милиции или народного дружинника) и ст. 189¹ (посягательство на жизнь работника милиции или народного дружинника), введенным в УК одновременно с ст. 187¹, была незначительной: по несколько человек в год. Лишь в 1963 г. судимость по ст. 189¹ была заметной — 4% от числа всех осужденных за преступления против порядка управления. Это объясняется тем, как отмечено в постановлении № 7 Пленума Верховного Суда СССР от 3 июля 1963 г. «О судебной практике по применению законодательства об ответственности за посягательства на жизнь, здоровье и достоинство работни-

²⁷ Сборник..., с. 516.

ков милиции и народных дружинников»²⁸, что в этот период «суды в своей практике по-разному определяют понятие посягательства на жизнь», необоснованно широко толкуют его.

В названном постановлении Пленум Верховного Суда СССР ориентировал суды «на необходимость решительной борьбы с посягательством на жизнь, здоровье и достоинство работников милиции и народных дружинников, со злостным неповиновением их законным распоряжениям и требованиям при исполнении ими своих обязанностей по охране общественного порядка»²⁹.

Второе место занимает судимость по ст. 189 (угроза или насилие в отношении должностного лица или гражданина, выполняющего общественный долг): в 1974 г.— 17,2%. Установление в 1966 г. уголовной ответственности за угрозу или насилие в отношении гражданина, выполняющего общественный долг³⁰, не вызвало роста судимости по ст. 189 УК.

Заметной была судимость за самоуправство (ст. 196 УК) и самовольный захват земли и самовольное строительство (ст. 195 УК). Судимость по ст. 195 в 1974 г. составляла 11,6%, а по ст. 196 — 1,9%. Если принять число осужденных по ст. 195 в 1961 г. за 100%, то в 1974 г. оно составляло 50%, а по ст. 196 соответственно 100% и 12%. Снижение судимости за самоуправство и самовольное строительство и самовольный захват земли является следствием укрепления законности в стране в целом, плодотворного влияния пропаганды советского права, уяснения гражданами своих прав и порядка их реализации.

Резко снизилась и судимость по ст. 197 УК (нарушение законов о записи актов гражданского состояния): если в 1961 г. число осужденных по ст. 197 составляло 10,2% к числу всех осужденных за преступления против порядка управления, то в 1974 г.— 0,1%. По сравнению с 1961 г. абсолютное число осужденных по ст. 197 УК в 1973 г. уменьшилось в 20 раз и составило всего несколько человек. В 1974 г. осужден 1 человек.

11. Судимость за *преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населе-*

²⁸ Сборник..., с. 478.

²⁹ Там же, с. 479—480.

³⁰ См. с. 22.

ния составляла в 1961—1974 гг. от общего числа осужденных соответственно: 19,1%; 15,2; 15,0; 17,3; 21,6; 29,6; 32,9; 32,8; 33,2; 33,2; 31,3; 29,9; 29,5; 32,4%. Начиная с 1966 г. судимость за эти преступления занимает первое место. Она возросла по сравнению с судимостью за другие преступления исключительно за счет судимости за хулиганство (ст. 201 УК).

Судимость по ст. 201 УК составляла в указанные годы (от числа осужденных за все преступления, предусмотренные главой 15 УК): 78,9%; 77,3; 71,2; 73,3; 73,5; 82,4; 83,7; 80,4; 76,8; 73,7; 66,9; 65,0; 61,6; 65,2%. Если принять число осужденных по ст. 201 УК в 1961 г. за 100%, то в последующие годы оно составляло: 91%; 73; 70; 84; 173; 188; 184; 198; 202; 142; 162; 192%. Снижение судимости в 1963—1965 гг. объясняется тем, что в этот период к ведению товарищеских судов было отнесено рассмотрение дел о совершенном впервые мелком хулиганстве³¹, которое толковалось весьма широко, и дел, которые ранее и особенно в последующие годы рассматривались как уголовно наказуемое хулиганство. Значительный рост судимости за хулиганство с 1966 г. вызван известным Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 г. «Об усилении ответственности за хулиганство»³².

Для полного представления о распространенности этого преступления определим удельный вес судимости за хулиганство в общей судимости в 1961—1974 гг.: 15%; 12; 11; 13; 16; 24; 27; 26; 25; 24; 21; 19; 18; 21%.

Отмечая, что «судебные органы республики правильно понимают задачу борьбы с хулиганством и осуществляют ее как методами предупреждения преступления, так и методами принуждения», Пленум Верховного суда БССР в постановлении № 1 от 12 июля 1963 г. «О практике судов Белорусской ССР по делам о хулиганстве» указал, что «решительная борьба с хулиганством, составляющая важнейшую задачу судебных органов на всех этапах социалистического общества, особо актуальное

---

³¹ Указ Президиума Верховного Совета БССР от 4 декабря 1963 г. «О внесении дополнений и изменений в Положение о товарищеских судах» (СЗ БССР 1963, № 36, ст. 367).

³² См. с. 24.

значение приобретает в период развернутого строительства коммунистического общества».

Пленум Верховного Суда СССР в постановлении № 9 от 16 октября 1972 г. «О судебной практике по делам о хулиганстве» обращает внимание на то, что «хулиганство продолжает оставаться опасным правонарушением, посягающим на общественный порядок, спокойствие граждан, нередко приводящим к совершению других, более тяжких преступлений». Поэтому, указал Пленум, «искоренение хулиганства, как и прежде, является одной из важнейших задач судебных органов»³³. Таким образом, определено направление судебной политики по делам о хулиганстве.

Судимость за нарушение правил безопасности движения и эксплуатации автотранспорта и городского электротранспорта (ст. 206, 206², ранее — ст. 206, 207, 207¹ УК) наглядно отражает теневые стороны технического прогресса в области автомобилестроения: количество жертв автоаварий растет по мере роста выпуска автомобилей. Оно конкурирует с числом умирающих от сердечно-сосудистых заболеваний и рака и проявляет тенденцию к дальнейшему росту. Если, например, в 1969 г. в БССР от автодорожных происшествий погибло 900 чел. и ранено 2742 чел.³⁴, то в 1974 г. эти цифры соответственно достигли 1306 и 6520³⁵.

Количество осужденных по известным причинам (гибель водителя, несколько жертв одной аварии, вина только пешехода) всегда меньше количества пострадавших. Судимость по упомянутым статьям в 1961—1974 гг. колебалась от 12 до 22%.

Более четкое представление о судимости за нарушение правил безопасности движения и эксплуатации автотранспорта и городского электротранспорта дают следующие цифры: если принять число осужденных в 1961 г. за 100%, то в последующие годы оно составляло: 99%; 114; 102; 122; 123; 128; 131; 184; 206; 231; 233; 240%.

Рост судимости соответствует увеличению выпуска автомобилей: в 1960 г. в СССР их было выпущено 23 тыс., в 1968 г. — 42,4 тыс.³⁶, а судимость в 1969 г. по сравне-

³³ Сборник..., с. 534—535.

³⁴ «Советская Белоруссия», 23 сентября 1970 г.

³⁵ «За безопасность движения», 1975, № 2, с. 22.

³⁶ БелСЭ, т. 1, с. 596.

нию с 1961 г. возросла в 1,8 раза. Если так будет продолжаться и в дальнейшем, то у человечества сложится неприглядная перспектива. Однако вина ложится не на автомобильную промышленность, а на людей, и люди могут и должны принять все меры для полного искоренения преступности этого вида. Конечно, роль уголовного закона в этом деле весьма вспомогательна, но заметна в комплексе профилактических средств. И должна быть использована вся его сила.

Пленум Верховного суда БССР в постановлении № 2 от 11 июля 1962 г. «О судебной практике по делам о нарушении правил безопасности движения и эксплуатации автотранспорта...», отмечая, что большинство этих дел рассматривалось правильно, обращал внимание судов на необходимость «решительной борьбы с фактами нарушения правил безопасности движения и эксплуатации автотранспорта или городского электротранспорта». Отмечая также, что «большинство этих дел судами разрешается в соответствии с требованиями закона», Пленум Верховного Суда СССР в постановлении № 11 от 6 октября 1970 г. «О судебной практике по делам об автотранспортных преступлениях» нацеливает суды «на необходимость дальнейшего улучшения их деятельности» по рассмотрению этой категории дел³⁷.

Судимость по ст. 206¹ (управление транспортными средствами в состоянии опьянения) в 1974 г. по сравнению с 1969 г. возросла в 17 раз. Это свидетельствует о том, что с пьянством водителей стали серьезно бороться. Как известно, значительное число автоаварий имеет причиной нетрезвое состояние водителя³⁸. И если бы удалось добиться искоренения случаев управления транспортными средствами в состоянии опьянения, то одно это существенно снизило бы число автоаварий. Применение ст. 206¹ УК должно активно содействовать этому.

Продолжался рост судимости за угон автотранспортных средств (ст. 207² УК): в 1966 г.— 3,2%; в 1974 г.— 7,6% от числа всех осужденных за преступления, предусмотренные главой 15 УК. При сравнении аб-

³⁷ Сборник..., с. 547—548.

³⁸ См.: *Куринов Б. А.* Автотранспортные преступления. М., 1970, с. 125; *Кишигина Е. В.* Ответственность за нарушение безопасности движения городского транспорта. М., 1966, с. 104.

солютных цифр выясняется, что судимость в 1974 г. возросла относительно 1966 г. в 3,5 раза.

Живучести этого преступления безусловно способствует оставление без присмотра транспортных средств в готовом для угона состоянии (с ключом зажигания и незапертой кабиной). Между тем Правила дорожного движения, утвержденные приказом министра внутренних дел СССР от 25 августа 1972 г. и введенные в действие с 1 января 1973 г.³⁹, в числе запрещений не указывают на это. Следовало ст. 14 названных правил дополнить пунктом «е», в котором указать, что «водителю запрещается... е) оставлять транспортное средство при работающем моторе или с ключом зажигания без надежного присмотра». Тогда можно будет за такое нарушение установить административную ответственность. Пока же при угоне транспортного средства водитель, содействовавший этому, остается только потерпевшим, хотя фактически является невольным пособником.

Много внимания Верховный Суд СССР и Верховный суд БССР уделяли вопросам ответственности за уклонение от общественно полезного труда. Еще до установления уголовной ответственности за злостное уклонение от выполнения решения о трудоустройстве и прекращении паразитического существования (ст. 204¹ УК), когда такие действия влекли административную ответственность, Пленум Верховного Суда СССР в постановлении № 6 от 12 сентября 1961 г. отмечал, что «основной целью законодательства об усилении борьбы с паразитическими элементами является приобщение лиц, ведущих антиобщественный образ жизни, к честному труду»⁴⁰.

В постановлении № 3 Пленума Верховного Суда СССР от 18 марта 1963 г. отмечается улучшение качества рассмотрения судами этих дел и содержится требование строго соблюдать законность, «с тем чтобы лица, злостно уклоняющиеся от общественно полезного труда и ведущие паразитический образ жизни, несли предусмотренную законодательством ответственность, а не виновные в этом граждане не были бы подвергнуты административному наказанию»⁴¹.

³⁹ Правила дорожного движения. М., 1972.

⁴⁰ Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924—1963. М., 1964, с. 317.

⁴¹ Там же, с. 326.

Пленум Верховного суда БССР в постановлении № 3 от 23 декабря 1963 г. отмечает, что большинство лиц, которые ранее вели антиобщественный паразитический образ жизни, приобщались к общественно полезному труду и что суды республики в основном правильно применяли Указ Президиума Верховного Совета БССР от 15 мая 1961 г. «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни»⁴². Пленум Верховного суда БССР указал судам на необходимость учитывать, что «в числе мер борьбы с паразитическими элементами главным является воспитание, профилактика, направленные на предупреждение тунеядства».

Судимость по ст. 204¹ УК составляла в 1970 г. 0,4%, в 1974 г. — 3,3%. В абсолютных цифрах за эти годы судимость по ст. 204¹ возросла в 8 раз. Это является следствием не увеличения числа лиц, ведущих антиобщественный, паразитический образ жизни, а целенаправленной деятельности административных органов и общественности по выявлению всех таких лиц, с тем чтобы полностью предупредить тунеядство, не совместимое с коммунистической нравственностью. Пленум Верховного Суда СССР в постановлении № 10 от 28 июня 1973 г. «О судебной практике по делам... о злом уклонении от выполнения решения о трудоустройстве...»⁴³ указал на обязанность судов «реагировать на недостатки в деятельности органов, осуществляющих борьбу... с уклонением от выполнения решения о трудоустройстве... в частности обращать внимание на несвоевременное выявление и привлечение к уголовной ответственности правонарушителей, на факты невыполнения администрацией и общественными организациями предприятий (строек) обязанностей по обеспечению трудового устройства направленных на работу лиц и проведения с ними воспитательной работы».

В деле предупреждения преступлений со стороны несовершеннолетних Пленум Верховного суда БССР дважды в постановлениях № 3 от 2 ноября 1962 г. и № 6 от 3 июля 1963 г. обращал внимание на то, что недопустимо оставлять безнаказанными взрослых за вовлечение несовершеннолетних в преступную или иную антиобщественную деятельность.

⁴² «Советская Белоруссия», 16 мая 1961 г.; СЗ БССР 1961, № 16, ст. 148.

⁴³ Сборник..., с. 570.

ственную деятельность (ст. 205 УК). Об этом же указано в постановлении № 8 Пленума Верховного Суда СССР от 12 сентября 1969 г. «О судебной практике по делам о вовлечении несовершеннолетних в преступную и иную антиобщественную деятельность». В этом постановлении прямо говорится, что «одним из обстоятельств, способствующих совершению несовершеннолетними преступлений и иных антиобщественных поступков, является вовлечение их взрослыми лицами в совершение этих действий»⁴⁴.

Установление в 1966 г. уголовной ответственности за вовлечение несовершеннолетних в пьянство (ст. 205 УК) и упомянутые постановления высших судебных инстанций определили более частое применение на практике ст. 205 УК. Судимость по этой статье в 1961 г. была 0,1, в 1974 г. — 0,8%. В абсолютных цифрах судимость по этой статье возросла по сравнению с 1961 г. в 1966 г. в 5,7 раза, в 1974 г. — в 18 раз.

12. В заключение остается обратить внимание на самые распространенные преступления, судимость за каждое из которых превышает тысячу человек в год.

К ним относятся преступления, предусмотренные ст. 87 (кража социалистической собственности), 91 (хищение социалистической собственности путем присвоения, растраты или злоупотребления служебным положением), 110 (умышленное причинение легкого телесного повреждения), 141 (кража чужого личного имущества), 155 (самогоноварение), 201 (хулиганство). В 1969 г. к ним присоединилась ст. 206 (нарушение правил безопасности движения и эксплуатации автотранспорта и городского электротранспорта).

Судимость по ст. 155 занимала первое место в 1961—1974 гг. и второе место — в последующие годы.

Судимость по ст. 201 занимала первое место в 1965—1974 гг., второе место — в 1961, 1962, 1964 гг., третье место — в 1963 г.

Судимость по ст. 110: третье место — в 1961 г., четвертое — в 1962, 1963, 1965, 1966 гг., пятое — в 1964 г., шестое — в 1967—1971 гг., седьмое — в 1972—1974 гг.

Судимость по ст. 141: третье место — в 1968—1970 гг.,

---

⁴⁴ Сборник..., с. 560.

четвертое — в 1961, 1967, 1971—1974 гг., пятое — 1966 г., шестое — в 1962—1965 гг.

Судимость по ст. 91 занимала второе место в 1963 г., третье — 1962, 1964—1967 гг., пятое — в остальные годы.

Судимость по ст. 87: третье место — в 1971—1974 гг., четвертое — в 1964, 1968—1970 гг., пятое — в 1962, 1963, 1965—1967 гг., шестое — в остальные годы.

Судимость по ст. 206 занимала шестое (1972—1974) и седьмое (1969—1971) места.

Судимость по указанным статьям в совокупности своей составляет более 60% всех осужденных (например, в 1961 г. — 62%, 1973 г. — 66%).

Не случайно Пленум Верховного Суда СССР и Пленум Верховного суда БССР уделяли особое внимание вопросам борьбы с этими преступлениями, формулируя направления уголовно-судебной политики. И если вниманием были обойдены преступления, предусмотренные ст. 110 и 141 УК, то, очевидно, только потому, что судебная политика по борьбе с ними не нуждалась в исправлении и направлении.

§ 2. Бездействующие статьи действующего кодекса

Для характеристики уголовно-судебной политики следует сказать и о тех статьях Уголовного кодекса, которые в рассматриваемые годы в судебной практике не применялись или почти не применялись.

В 1961—1974 гг. не было случаев осуждения по следующим статьям:

64, 66, 68 (террористический акт против представителя иностранного государства; вредительство; пропаганда войны);

71, 86¹ (нарушение национального и расового равноправия; укрывательство государственных преступлений);

127 (неоказание капитаном судна помощи терпящим бедствие на водном пути);

130, 133, 136, 138 (воспрепятствование осуществлению избирательного права; нарушение законных прав профсоюзов; отказ в приеме на работу или увольнение с работы беременной женщины или кормящей матери; нарушение авторских и изобретательских прав);

152, 162 (незаконное пользование товарными знаками; производство лесосплава или взрывных работ с нарушением правил охраны рыбных запасов);

172, 180 (привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности; разглашение данных предварительного следствия);

186², 193¹, 198, 200 (надругательство над Государственным гербом или флагом; злостное нарушение иностранцами и лицами без гражданства правил передвижения по территории СССР; незаконное пользование знаками Красного Креста и Красного Полумесяца; уклонение военнообязанного от воинского учета);

215, 220, 225 (незаконная пересылка легковоспламеняющихся или едких веществ; посев опийного мака или индийской конопли; порча памятников культуры).

К перечисленным статьям примыкают следующие статьи, судимость по которым в 1961—1974 гг. в среднем не превышает 1 человека в год:

63, 65 (террористический акт; диверсия);

81, 83, 86 (нарушение правил международных полетов; повреждение путей сообщения и транспортных средств; недонесение о государственных преступлениях);

93 (вымогательство государственного или общественного имущества);

116, 122, 123, 124, 126 (понууждение женщины к вступлению в половую связь; злоупотребление опекунами обязанностями; похищение или подмен чужого ребенка; незаконное лишение свободы; неоказание медицинской помощи больному);

131, 132, 135, 140 (подлог избирательных документов или нарушение тайны голосования; нарушение неприкосновенности жилища граждан; нарушение тайны переписки; воспрепятствование совершению религиозных обрядов);

149, 151¹, 154, 157, 159, 164 (выпуск недоброкачественной продукции; скармливание скоту и птице хлебопродуктов; выпуск в продажу недоброкачественных товаров; подделка знаков почтовой оплаты и проездных билетов; нарушение правил борьбы с болезнями и вредителями растений, потрава посевов);

173, 174, 175, 179, 183 (вынесение заведомо неправосудного приговора; заведомо незаконный арест или задержание; принуждение к даче показаний; понуждение

свидетеля или потерпевшего к даче ложных показаний или эксперта к даче ложного заключения; самовольное возвращение высланного в запрещенные для проживания места);

186³, 193 (организация или активное участие в групповых действиях, нарушающих общественный порядок; нарушение правил въезда и проживания в пограничной полосе);

208¹, 217, 218, 223 (самовольная без надобности остановка поезда; нарушение правил, установленных в целях борьбы с эпидемиями; загрязнение водоемов и воздуха; изготовление или сбыт порнографических предметов)⁴⁵.

Перечисленные статьи Уголовного кодекса можно разделить на две группы: статьи, предусматривающие преступления, действительно не встречающиеся или почти не встречающиеся в нашей жизни, и статьи, которые по разным причинам не применяются, хотя предусмотренные ими преступления имеют место.

К преступлениям первой группы прежде всего относятся особо опасные государственные преступления (ст. 63—66, 68). Отсутствие враждебных классов и морально-политическое единство советского народа подорвали базу для таких преступлений, равно как и для преступлений, предусмотренных ст. 186¹ и 186² УК.

Закономерно и почти полное отсутствие преступлений в области избирательного права (ст. 130—132). Выступление коммунистов и беспартийных в едином избирательном блоке, отсутствие оппозиции и предвыборной борьбы между кандидатами в депутаты или народные судьи — все это исключает и злоупотребления при проведении выборов. И если в единичных случаях в отдельные годы они и встречаются, то, как правило, на почве личных неприязненных отношений между виновным и кандидатом.

Ряд деяний, признаваемых законом преступными,

---

⁴⁵ Этот перечень следовало бы еще дополнить за счет отдельных частей тех статей УК, где сформулирована ответственность за поставление в опасность (например, ч. 1 ст. 137 УК, предусматривающей ответственность за нарушение правил техники безопасности, которое могло повлечь несчастные случаи с людьми). О том, что эти нормы почти не имеют практического применения, в литературе уже сказано.

встречается редко или вовсе не встречается. Это объясняется разными причинами.

Специфика социалистического производства исключает такие преступления, как незаконное пользование товарными знаками (ст. 152), выпуск в обращение поддельных почтовых марок (ст. 157), производство лесосплава или взрывных работ с нарушением правил, установленных в целях охраны рыбных запасов (ст. 162).

Совершение таких преступлений, как привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности (ст. 172), вынесение заведомо неправосудного приговора (ст. 173), заведомо незаконный арест (ст. 174), принуждение к даче показаний (ст. 175) и т. д., противоречит характеру социалистического правосудия, его принципам и организации.

Организация дела, постоянный контроль госорганов и общественности объясняют отсутствие или единичность случаев преступлений, предусмотренных ст. 122, 193¹, 193, 200, 215, 217.

Природными условиями республики, ее географией можно объяснить отсутствие преступлений, предусмотренных ст. 127, 183, 220. Последнюю статью вообще можно исключить из УК, так как опийный мак и индийская конопля в республике не культивируются.

Отдельные преступления могут встречаться в единичных случаях в силу специфики, связанной со способом действия (преступления, предусмотренные ст. 83, 93, 164, 225).

Бездействие названных и некоторых других статей Уголовного кодекса является вполне естественным. Однако количество дел той или иной категории еще не определяет значение соответствующих уголовных законов: последние всегда выполняют и предупредительно-воспитательную функцию. И то, что ряда преступлений нет на практике или они встречаются крайне редко и только в отдельные годы, в определенной степени обусловлено наличием соответствующих уголовных законов, признающих такие деяния преступлениями.

Другое дело, когда уголовные законы, предусматривающие ответственность за деяния, встречающиеся в жизни и нередко, не применяются. Это происходит по следующим причинам.

Во-первых, из-за несовершенства самого закона. Так,

отсутствие случаев применения ст. 138 УК объясняется краткостью сроков давности привлечения к уголовной ответственности за это преступление — один год со дня совершения его, т. е. со дня выхода произведения в свет. Ознакомление с книгой, подозрение в плагиате, постановка вопроса об этом, реакция издательства, обычно не заинтересованного в возникновении дела, назначение экспертизы, изучение книги ею, заключение, передача материалов в органы прокуратуры,— года на все это недостаточно.

Во-вторых, вследствие того, что преступления не становятся известными органам власти. Если потерпевшая не заявит об имевшем место понуждении ее лицом, от которого она находится в служебной или материальной зависимости, к вступлению в половую связь (ст. 116 УК), то и дела не может возникнуть. Нельзя практически проследить за исполнением запрещения скормливать скоту и птице хлеб и хлебопродукты (ст. 151¹ УК). Отказ от приема на работу или увольнение с работы женщины по мотивам ее беременности, а равно отказ в приеме на работу матери, кормящей грудью, по этим мотивам фактически обосновывается соответствующим лицом совсем иными побуждениями и доказать наличие состава преступления едва ли возможно.

Латентная преступность всегда существовала и будет в дальнейшем. Однако следует отличать латентную преступность, выявление которой находится в зависимости от того, как работают соответствующие административные органы, и латентную преступность, выявление которой меньше всего зависит от качества работы этих органов. Упоминаемые нами бездействующие статьи действующего кодекса как раз касаются латентных преступлений второй группы.

Наконец, отсутствие в судебной практике некоторых дел о преступлениях, встречающихся в жизни и весьма нередко, объясняется исключительно недостатками в работе административных и иных государственных органов. Имело бы место более широкое применение ст. 126 УК, если бы дела о неоказании медицинской помощи не задерживались в органах здравоохранения, принимающих в ложно понятых интересах престижа медицины решения о наложении дисциплинарных взысканий, но не о передаче материалов следственным органам.

Пленум Верховного Суда СССР в постановлении № 7 от 19 октября 1971 г. «О судебной практике по делам о выпуске недоброкачественной или некомплектной продукции» отмечает, что «выпуск из промышленных предприятий недоброкачественной, некомплектной или нестандартной продукции наносит ущерб социалистической экономике и интересам потребителей. Решительная борьба с преступным выпуском таких изделий является одной из важнейших задач судебных органов»⁴⁶.

Однако судебные органы могут решать эту задачу, только если на их рассмотрение будут поступать соответствующие уголовные дела. В БССР в 1962, 1965—1970, 1973 гг. они не поступали, а в остальные годы было всего несколько дел. Так же обстоит дело и с судимостью по ст. 154 УК. Что касается ст. 218 УК, то за все годы, о которых идет речь в настоящей работе, суды применяли ее всего четыре раза и было осуждено четыре человека.

Почему виновные не привлекаются к уголовной ответственности? О том, что имеет место недооценка социальной опасности этих преступлений, спора нет. Однако чем в свою очередь вызвана эта недооценка? Почему органы прокуратуры не возбуждают уголовных дел даже в тех случаях, когда о выпуске недоброкачественной продукции, о загрязнении водоемов и воздуха сообщает печать?

Непривлечение к уголовной ответственности за деяния, образующие состав преступления, независимо от того, из каких побуждений это имеет место, противоречит принципу неотвратимости наказания и является нарушением социалистической законности.

Верховному суду БССР следовало бы изучить причины бездействия статей УК, которые должны действовать. И можно начать со ст. 149 УК. Пленум Верховного Суда СССР в упомянутом постановлении обязал Верховные суды союзных республик «периодически изучать и обобщать судебную практику по делам о выпуске недоброкачественной, нестандартной или некомплектной продукции и шире использовать эти материалы для устранения причин и условий, способствующих изготовлению и выпуску такой продукции»⁴⁷, Верховный суд БССР не может

⁴⁶ Сборник..., с. 489.

⁴⁷ Там же, с. 493.

изучать судебную практику по применению ст. 149 УК, поскольку такой практики, можно сказать, нет, но вместе с органами прокуратуры и другими заинтересованными организациями он мог бы изучить причины, в силу которых дела о выпуске недоброкачественной продукции не доходят до суда.

ГЛАВА 2. КВАЛИФИКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЛИЧНОСТИ

§ 1. Умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах

1. Согласно ст. 100 УК, наказывается лишением свободы на срок от 8 до 15 лет со ссылкой или без ссылки или смертной казнь «умышленное убийство: а) из корысти; б) из хулиганских побуждений; в) в связи с выполнением потерпевшим служебного или общественного долга; г) двух или более лиц; д) женщины, заведомо для виновного находившейся в состоянии беременности; е) совершенное с особой жестокостью или способом, опасным для жизни многих людей; ж) с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение, а равно сопряженное с изнасилованием; з) совершенное особо опасным рецидивистом либо лицом, ранее совершившим умышленное убийство, за исключением убийства, предусмотренного статьями 102 и 103 настоящего Кодекса».

Исчерпывающий перечень отягчающих обстоятельств в ст. 100 и содержание ее санкции, допускающей применение смертной казни, обязывают к исключительной точности при определении каждого отягчающего обстоятельства.

Пленум Верховного Суда СССР в постановлении № 9 от 3 июля 1963 г. дал разъяснения лишь отягчающих обстоятельств, указанных в пп. «а», «г», «е», «ж» (в части убийства, сопряженного с изнасилованием) и «з»¹.

Разъяснения Пленума Верховного Суда СССР, данные в постановлении, не всегда вносили полную ясность в характеристику соответствующего отягчающего обстоятель-

---

¹ Сборник..., с. 478. В настоящее время постановление Пленума Верховного Суда СССР от 3 июля 1963 г. заменено постановлением № 4 того же Пленума от 27 июня 1975 г. «О судебной практике по делам об умышленном убийстве» («Бюллетень Верховного Суда СССР», 1975, № 4). В этом постановлении получили разъяснения и другие квалифицирующие обстоятельства, указанные в ст. 100 УК.

ства. Это, в частности, относится к понятию особой жестокости.

В этой связи приобретает важное значение практика квалификации Верховным судом БССР конкретных случаев, развивающая и детализирующая положения постановления Пленума Верховного Суда СССР, разъясняющая те положения, которые по разным причинам не нашли отражения в этом постановлении.

2. Убийство *из корысти* Пленум Верховного Суда СССР в постановлении № 9 от 3 июля 1963 г. определяет как убийство, совершенное «из побуждений, направленных на получение всякого рода материальной выгоды ...или с намерением избавиться от материальных затрат»². В литературе эта формула конкретизируется путем перечня и к убийству из корысти относят убийство с целью: завладения имуществом или деньгами; получения иной материальной выгоды на внешне законных основаниях (например, наследства, должности, квартиры); сохранения имущества, которое должно быть передано другому лицу; получения вознаграждения (наемный убийца)³.

Отдельные авторы считают, что корыстным следует считать и убийство, совершенное ради спасения своего малоценного имущества. Это мотивируется тем, что, спасая свое малоценное имущество, виновный желает получить определенную материальную выгоду — удержать это имущество. Еще отмечается, что такое деяние «красноречиво свидетельствует о его низменных корыстных побуждениях»⁴.

Однако с этим согласиться нельзя. О том, что мотивом убийства являются в таком случае низменные побуждения, спора нет. Но эти низменные побуждения не являются все-таки корыстными, ибо виновный не стремится завладеть чужим имуществом или незаконно получить материальную выгоду.

Как указывает М. Д. Шаргородский, «убийство, со-

---

² Сборник..., с. 479. В постановлении № 4 от 27 июня 1975 г. эта формулировка дополнена словами «либо из иных корыстных побуждений».

³ Комментарий к Уголовному кодексу БССР. Минск, 1971, с. 193; Бородин С. Квалификация убийства по действующему законодательству. М., 1966, с. 50.

⁴ Побегайло Э. Ф. Умышленные убийства и борьба с ними. Воронеж, 1965, с. 100.

вершенное при охране личного имущества, не является убийством из корыстных побуждений»⁵. Из этого исходит и Верховный суд БССР, считая, что корысть в смысле пункта «а» ст. 100 УК всегда связана с незаконным получением материальной выгоды.

Г. осуждена за убийство своего сожителя К. Преступление совершено при следующих обстоятельствах. Они познакомились в 1964 г. в Саратовской области. По предложению Г. он оставил семью, продал свое имущество и переехал с Г. в одну из деревень Брестской области, где они поселились у родителей Г. Вскоре между ними возникли ссоры. К. предлагал переехать в другое место и после отказа Г. уехать от родителей вернулся к жене. Через короткое время он возвратился к Г., но она его не пустила в дом. Он ночевал во дворе, но утром они помирились.

Вскоре снова начались ссоры и К. ушел на другую квартиру. 17 сентября 1967 г. К. пришел к Г., предложил помириться и переехать жить в г. Кобрин, но Г. снова отказалась уехать от родителей. После этого К. стал требовать, чтобы Г. вернула ему 200 руб. из числа тех 500 руб., которые он выручил за продажу части своего имущества и передал Г., когда стал с ней сожительствовать. 100 руб. он взял и израсходовал, когда на несколько дней возвращался к своей первой жене. На эти требования Г. ответила отказом и между ними возникла ссора, во время которой К. ударил Г. по лицу, а она схватила с плиты кастрюлю с кипятком и вылила на лицо К. Когда К. упал, она взяла в сенях топор и ударами обухом по голове убила его.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда БССР (определение от 23 января 1968 г.) признала, что Г. неправильно осуждена за убийство из корысти. Из материалов дела видно, что после того, как они разошлись с К., она возвратила ему все вещи, а что касается денег, то они были израсходованы во время совместной жизни. Несмотря на это, Г. согласна была вернуть К. еще 100 руб., но при свидетелях, что также подтверждается материалами дела. До совершения убийства Г. просила К. прийти вместе со своим сослуживцем Н., чтобы при

---

⁵ Курс советского уголовного права. Часть Особенная. Т. 3. Под ред. *Беляева Н. А.* и *Шаргородского М. Д.* Л., 1973, с. 505.

нем передать деньги. Однако 17 сентября К. пришел один.

Коллегия признала, что удержание Г. части денег К. не было незаконным и что требование К. возврата денег явилось лишь поводом для возникновения ссоры между ними.

3. Убийством *из хулиганских побуждений* является убийство, совершенное без какого-либо повода или при наличии неадекватного повода со стороны потерпевшего.

Так, Верховный суд БССР признал правильным осуждение по п. «б» ст. 100 УК Д., признанного виновным в том, что он 7 ноября 1967 г., будучи в нетрезвом состоянии, на переходном мосту через железнодорожные пути станции Могилев-1, встретив незнакомых ему супругов П., без какого-либо повода с их стороны стал избивать П. руками и металлическим складным метром, а затем, когда Д. убежал и П. погнался за ним и догнал его, Д. схватил П. за ноги и сбросил его через перила с моста. При падении П. получил множество повреждений головы, груди и печени, в результате чего на месте скончался. В определении судебной коллегии по уголовным делам от 5 марта 1968 г. указано, что убийство без какого-либо повода со стороны потерпевшего должно квалифицироваться как убийство из хулиганских побуждений.

Та же коллегия в определении от 2 июня 1970 г. признала правильной квалификацию по п. «б» ст. 100 УК убийства, совершенного П. при следующих обстоятельствах. Утром 3 февраля 1970 г., затем в 11.00 и около 15.00 П. в своем доме распивал самогон. В 16.00 он беспричинно стал избивать жену, которая, вырвавшись из рук П., убежала из дому. Находившийся на печи отец жены П. престарелый К. упрекнул П. в бродяжничестве, за что П. стал бросать на печь поленья, после чего схватил К. за ноги и стащил с печи. Когда потерпевший ползком добрался до кровати, П. набросился на него, стал наносить удары по голове и другим частям тела стулом и скамейкой, после чего вытащил К. во двор и бросил в снег. От полученных телесных повреждений К. здесь же скончался. Коллегия оставила кассационную жалобу осужденного, в которой он просил переqualифицировать совершенное им преступление на ст. 101 УК, без удовлетворения, указав, что тот факт, что потерпевший упрекнул П. в бродяж-

ничестве, не мог быть поводом для его избиения и лишения жизни.

В практике еще встречаются ошибки, связанные с тем, что понятие «хулиганские побуждения» отождествляется с понятием хулиганства в целом, в результате чего убийство квалифицируется по п. «б» ст. 100 УК, если оно было связано с нарушением общественного порядка.

Верховный суд БССР исправляет такие ошибки. Так, по ст. 15 и п. «б» ст. 100 УК был осужден Б., совершивший покушение на убийство своей бывшей жены при следующих обстоятельствах. 6 июня 1972 г. в 4.30 Б., будучи в нетрезвом состоянии, пришел в помещение коровника во время дойки коров и предложил своей бывшей жене Е. помириться, но она отказалась. Он напился молока и снова предложил помириться, но она ответила, что мириться не хочет. Через некоторое время, когда Е., наклонившись, доила корову, Б. в присутствии других колхозников напал на Е. и стал с большой силой наносить ей удары топором — киркой по голове и рукам, которыми она закрывала голову. Смерть не наступила по не зависящим от осужденного причинам. Суд первой инстанции квалифицировал преступление по ст. 15 и 100 (п. «б») на том основании, что покушение на убийство было совершено в присутствии других лиц и повлекло за собой нарушение общественного порядка. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда БССР в определении от 22 сентября 1972 г. признала квалификацию неправильной, указав, что «Б. покушался на убийство не из хулиганских побуждений, как признал суд, а из-за неприязненных личных взаимоотношений, на почве мести за то, что она отказалась помириться и продолжать совместную жизнь.» Коллегия далее указала, что «не дает основания квалифицировать действия осужденного по ст. 15 и 100 (п. «б») и то обстоятельство, что покушение совершено в присутствии людей и повлекло нарушение общественного порядка, так как, согласно указанному выше закону, отягчающим обстоятельством признается убийство из хулиганских побуждений, а не убийство, повлекшее нарушение общественного порядка. При таких обстоятельствах действия осужденного следует квалифицировать по ст. 15 (ч. 2) и 101 УК БССР».

Определение коллегии основано на законе. Понятие «хулиганские побуждения» (в ст. 100 УК) и понятие «ху-

лиганство» (в ст. 201 УК) не тождественны. В последней «хулиганские побуждения» характеризуют лишь один из элементов этого состава преступления. Поэтому определение убийства из хулиганских побуждений как только убийства, связанного с нарушением общественного порядка, является, с одной стороны, необоснованно широким, поскольку охватывает собой и убийства на почве личных неприязненных отношений, что исключает хулиганские побуждения (это и имело место в деле Б.), с другой стороны, необоснованно узким, поскольку хулиганские побуждения, толкнувшие на убийство, могут и не сопровождаться нарушением общественного порядка. Поэтому убийство из хулиганских побуждений будет и в том случае, когда оно не было связано с нарушением общественного порядка: убийство в отсутствие свидетелей (убийство девушки, отклонившей предложение проводить ее до дому, парня, не давшего прикурить, мужчины, отказавшегося «распить бутылку», прохожего, который почему-то не понравился и т. п.).

Другие ошибки, еще встречающиеся в судебной практике и исправляемые Верховным судом БССР, заключаются в том, что хулиганские побуждения отождествляются с состоянием опьянения, в котором находился в момент совершения убийства виновный.

Известно, что большинство хулиганских проявлений, квалифицируемых по ст. 201 УК, а равно убийств, квалифицируемых по п. «б» ст. 100 УК, совершается в состоянии опьянения. Однако состояние опьянения так же не предрешает наличия хулиганских побуждений, как и отсутствие такого состояния само по себе не исключает их. Убийство из хулиганских побуждений имеет место, если оно совершается при отсутствии повода со стороны потерпевшего или при наличии неадекватного повода, независимо от того, находился ли виновный в момент совершения преступления в состоянии опьянения. Наличие последнего должно оцениваться в рамках, определенных в п. 12 ст. 38 УК, и при отсутствии других отягчающих обстоятельств, указанных в ст. 100, образует состав преступления, предусмотренный ст. 101 УК.

4. Убийство в связи с выполнением потерпевшим своего служебного или общественного долга имеет место, если совершается на почве мести за служебную или общественную деятельность или для того, чтобы сделать невоз-

возможным выполнение или продолжение такой деятельности.

Понятия служебного и общественного долга в литературе раскрыты весьма подробно и широкое толкование общественного долга общепринято. Однако в судебной практике возник вопрос о том, является ли исполнением общественного долга деятельность по защите потерпевшего его родственником. Вопрос, в частности, возник в связи с делом Д.

Последний признан виновным в том, что днем 30 июня 1967 г. покушался на убийство своей жены, убил тестя и покушался на убийство тещи. Преступления совершены при следующих обстоятельствах. Проживая в деревне П. Копыльского района Минской области, Д. систематически пьянствовал и на этой почве учинял скандалы в семье. В упомянутый день Д. пришел домой в нетрезвом состоянии, принес с собой бутылку водки, половину выпил один, а вторую часть стал пить в присутствии жены, которая сделала ему замечание и предложила выпить вместе с ней, чтобы отметить ее день рождения. В ответ на это Д. набросился на жену и нанес ей удар кухонным ножом в голову. Защищаясь, жена схватилась рукой за лезвие ножа, который сломался, и вырвала его из рук Д. На крик жены о помощи прибежали ее родители, проживавшие в соседнем доме, и стали защищать дочь, отняли ее от Д. и, чтобы предотвратить убийство, которым Д. угрожал, убежали вместе с ней из дома. Тогда Д., взяв из соседней комнаты охотничье ружье и патроны, начал преследовать убегающих. Он произвел выстрел в сторону тещи, но не попал. Продолжая преследование, Д. догнал тестя и выстрелом из ружья ранил его.

Спасаясь, потерпевший забежал в дом гр-на Л., Д. последовал за ним и в доме выстрелом в упор убил его. Оставив убитого, Д. возвратился к лежавшей на земле теще и с целью убийства нанес ей несколько ударов прикладом по голове.

Оспаривая квалификацию по п. «в» ст. 100 УК, адвокат в своей кассационной жалобе указал, что «нельзя признать правильным вывод суда о том, что тесть был убит в связи с выполнением им общественного долга, так как он вмешался как родственник и защищал свою дочь, а не выполнял общественный долг».

Упоминаемая коллегия Верховного суда БССР (определение от 19 декабря 1967 г.) не согласилась с доводами кассационной жалобы, признав применение к виновному п. «в» ст. 100 (в числе других законов) правильным. Коллегия указала, что содержание общественного долга не связано с тем, состоит ли убитый и тот, кого он защищал, в родственных или каких-либо иных отношениях. Иное решение означало бы, что закон признает родственные отношения обстоятельством, препятствующим гражданину выполнить свой общественный долг. Не имеет значения, какие чувства руководили тем, кто защищал другое лицо, важно, что он препятствовал преступной деятельности виновного.

В этой связи представляется спорным мнение, высказанное Пленумом Верховного Суда СССР в постановлении от 1 декабря 1962 г. по делу А., в котором сказано, что ответственность по п. «в» ст. 100 УК наступает лишь в том случае, если убит сам выполнявший служебный или общественный долг, а не его родственник⁶.

Как отмечает М. Д. Шаргородский, «такое толкование можно было бы признать правильным, если считать, что квалифицирующим обстоятельством в этом составе является личность потерпевшего. Между тем, следует полагать, что основанием повышения ответственности являются мотивы действия субъекта»⁷.

Продолжая эту мысль, можно сказать, что мнение Верховного Суда СССР по делу А. ведет к необоснованному смягчению ответственности виновного. Если на почве мести за служебную или общественную деятельность был убит не исполнитель этой деятельности, а его сын или дочь, мать или жена, то виновный, согласно мнению Верховного Суда СССР по делу А., должен отвечать не за убийство при отягчающих обстоятельствах, а за простое убийство. Между тем мотивы убийства не меняются в зависимости от того, убит ли гражданин за свою служебную или общественную деятельность либо близкий ему человек. Подчас виновному легче реализовать свой умысел по отношению к беспомощному ребенку, старику или женщине, чем в отношении самого должностного лица либо общественного работника. Убийство в таком случае

⁶ См.: «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1963, № 2, с. 26.

⁷ Курс советского уголовного права. Часть Особенная. Т. 3. Под ред. *Беляева Н. А. и Шаргородского М. Д.*, с. 513.

является не чем иным, как актом мести самому лицу, выполнявшему свой служебный или общественный долг. Поэтому имеются все основания для применения п. «в» ст. 100 УК за такое убийство.

Вызывает сомнения указание Пленума Верховного Суда СССР, содержащееся в постановлении № 7 от 3 июля 1963 г. «О судебной практике по применению законодательства об ответственности за посягательство на жизнь, здоровье и достоинство работников милиции и народных дружинников», о том, что «посягательство на жизнь работника милиции или народного дружинника независимо от наступления преступного результата надлежит рассматривать как оконченное преступление и квалифицировать только по ст. 191² УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик»⁸ (ст. 189¹ УК БССР).

Мы уже отмечали в главе I, что в части, относящейся к посягательству на жизнь работника милиции или народного дружинника, цель Указа Президиума Верховного Совета СССР от 15 февраля 1962 г., на основании которого в УК введена ст. 189¹, не согласуется с санкцией, содержащейся в этой норме. В этой связи мы считаем правильным предложение квалифицировать по ст. 189¹ УК лишь случаи покушения на убийство работника милиции или народного дружинника, а убийство квалифицировать по п. «в» ст. 100 УК⁹.

Квалификация такого убийства по ст. 189¹ УК при необходимости применить высшую меру наказания требует установления еще какого-либо квалифицирующего обстоятельства, указанного в ст. 100 либо ст. 38 УК, в то время как при квалификации по п. «в» ст. 100 достаточно того, что убийство совершено в связи с выполнением работником милиции или народным дружинником своих обязанностей по охране общественного порядка. Нет никаких оснований для признания такого убийства менее опасным, чем убийство другого лица, выполнявшего свой служебный или общественный долг. Как справедливо отмечает Э. Ф. Побегайло, «сам термин «посягательство на жизнь» по своему этимологическому смыслу означает покушение на убийство. Убийство — это уже не посягатель-

⁸ Сборник..., с. 532.

⁹ Побегайло Э. Ф. Умышленные убийства и борьба с ними. Воронеж, 1965, с. 78.

ство на жизнь, а лишение жизни». При такой квалификации «все становится на свое место»: покушение на убийство работника милиции или народного дружинника выделено в самостоятельный состав преступления (ст. 189¹ УК), снабженный достаточно суровой санкцией, соответствующей цели усиления ответственности, провозглашенной в упомянутом Указе; лишение жизни работника милиции или народного дружинника рассматривается, согласно закону об ответственности за убийство, в связи с выполнением потерпевшим своего служебного или общественного долга (п. «в» ст. 100 УК). Целесообразно поэтому в названное постановление Пленума Верховного Суда СССР внести соответствующие коррективы.

5. Пленум Верховного Суда СССР во второй части п. 4 постановления № 9 от 3 июля 1963 г. разъясняет, что «убийство следует признать совершенным с особой жестокостью в тех случаях, когда потерпевшему непосредственно перед лишением жизни или в процессе совершения убийства заведомо для виновного причинялись особые мучения или страдания путем пытки, истязания, нанесения большого количества ран, применения мучительно действующего яда и пр. Особая жестокость может выражаться и в причинении заведомо для виновного особых страданий близким потерпевшему лицам, присутствующим на месте преступления, глумлении над трупом и т. п.»¹⁰.

Согласно этому разъяснению убийство с особой жестокостью имеется в двух случаях: когда потерпевшему перед лишением жизни или в процессе убийства причиняются особые мучения и страдания и виновный это знает; когда смерть хотя и причиняется сразу, но имеются такие обстоятельства, которые свидетельствуют о зверстве и безжалостности виновного, и эти обстоятельства виновному известны.

В первом случае особая жестокость содержится в способе убийства и, кроме самого деяния, характеризует и

---

¹⁰ Сборник..., с. 479. В постановлении Пленума Верховного Суда СССР № 4 от 27 июня 1975 г. «О судебной практике по делам об умышленном убийстве» такое определение особой жестокости сохранилось, но добавлено, что особой жестокостью не является уничтожение или расчленение трупа с целью скрыть преступление.

личность виновного. Во втором случае особая жестокость характеризует только личность виновного.

Особая жестокость, характеризующая деяние, состоит в том, что потерпевшему причиняются особые страдания, которые не необходимы для лишения потерпевшего жизни. При этом не требуется, чтобы виновный ставил перед собой цель причинения потерпевшему прижизненных мучений и особых страданий. Иногда он прибегает к определенному мучительному способу лишения жизни потому, что иным не располагает либо считает, что таким способом легче достичь результата — лишения потерпевшего жизни. Однако п. «е» ст. 100 УК применяется лишь в тех случаях, когда виновный сознавал, что причиняет потерпевшему особые страдания.

Причинение потерпевшему прижизненных страданий и мучений не исключает убийства с особой жестокостью и тогда, когда виновный вынуждает потерпевшего к самоубийству. В этой связи представляет интерес дело Ц., рассмотренное судебной коллегией по уголовным делам Верховного суда БССР по кассационной жалобе осужденного.

Последний по приговору судебной коллегии по уголовным делам Минского областного суда от 21 июня 1967 г. признан виновным в покушении на убийство с особой жестокостью своей жены. Преступление совершено при следующих обстоятельствах.

Ц. систематически пьянствовал, скандалил и избивал жену. Она неоднократно пресила мужа изменить свое отношение к ней и предупреждала, что в ином случае она вынуждена будет расторгнуть брак. В ответ на предупреждение Ц. угрожал потерпевшей убийством, снова избивал, за что в июле 1966 г. был наказан.

В январе 1967 г. Ц. оставил работу, перешел на иждивение жены, продолжал пьянствовать и избивать ее. 20 апреля 1967 г. Ц., будучи в нетрезвом состоянии, снова побил потерпевшую, необоснованно обвинив ее в супружеской неверности. Решив, что дальнейшая совместная жизнь невозможна, 21 апреля жена Ц. решила уйти из дому к своей подруге и там поселиться. Примерно в 17.00 она зашла в свою квартиру, чтобы забрать вещи. Узнав о намерении жены оставить его, Ц., будучи пьяным, закрыл дверь на ключ, угрожая ножом, заставил ее снять платье и, несмотря на просьбы о пощаде, начал бить ру-

ками и ногами по голове и другим частям тела. Затем Ц. привязал веревку, сделал петлю и, продолжая избивать и угрожать ножом, заставлял ее повеситься. В то же время он требовал написать записку о его непричастности к ее смерти.

Когда Ц. отказалась повеситься, виновный открыл окно квартиры, расположенной на четвертом этаже, и, снова угрожая ножом, заставлял ее выпрыгнуть из окна. Потерпевшая вновь стала просить о пощаде, но Ц. продолжал наносить ей побои по голове и угрожать ножом, требуя выпрыгнуть из окна. В результате насилия и издевательства со стороны мужа Ц., опасаясь, что будет зарезана, выпрыгнула из окна четвертого этажа и от падения на землю получила менее тяжкие телесные повреждения.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда БССР обоснованно пришла к выводу, что «совокупность всех действий Ц., направленных на лишение жизни потерпевшей, свидетельствует об особой жестокости». В тезисе к этому коллегия указала, что «действия виновного, принуждавшего потерпевшую путем неоднократных избиений и угроз ножом покончить жизнь самоубийством, следует квалифицировать как покушение на убийство с особой жестокостью».

Будет ли особая жестокость в том случае, если потерпевшему причинено множество ударов и ранений, но оказалось, что смерть наступила после первого из них? Если виновный не знал о том, что последующие ранения наносятся уже мертвому человеку, то сознание им того, что он причиняет потерпевшему мучения и особые страдания, не исключает применения п. «е» ст. 100 УК. Положение не меняется и в том случае, когда виновный знает, что смерть потерпевшего уже наступила, и наносит повреждения трупам, поскольку здесь уже имеет место глумление над телом. В этих двух случаях имеется особая жестокость, относящаяся к характеристике личности виновного.

Такой практики придерживается и Верховный суд БССР. Так, К. признан виновным в том, что в ночь на 17 января 1966 г., находясь в нетрезвом состоянии, стал избивать свою жену С., душить ее, а затем, схватив топор, нанес ей пять ударов острием по голове, из них четыре удара, когда она находилась в лежащем положении. Не отрицая вины, К. в кассационной жалобе ссылаясь на

то, что уже от первого удара топором по голове С. упала мертвой на пол и поэтому последующие удары по голове не носили характера мучений. Судебная коллегия по уголовным делам в определении от 17 мая 1966 г. не приняла во внимание аргумент осужденного, на основе которого он просил переqualифицировать совершенное им преступление с п. «е» ст. 100 на ст. 101 УК, указав, что если даже К. и знал, что смерть наступила от первого удара, то его последующие действия (нанесение множества ударов топором по голове) свидетельствуют о зверстве осужденного, глумлении над телом потерпевшей и, тем самым, об особой жестокости.

В этом плане важным является и определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда БССР от 3 апреля 1964 г. по делу С., в котором указано, что «расчленение трупа может рассматриваться как проявление особой жестокости убийцы лишь в случае глумления над трупом. Если же расчленение преследует исключительно цель сокрытия следов преступления, то убийство при отсутствии других данных, свидетельствующих об особой жестокости, а также иных отягчающих обстоятельств, указанных в ст. 100 УК БССР, должно квалифицироваться по ст. 101 УК».

Данному выше определению особой жестокости Пленум Верховного Суда СССР в постановлении № 9 от 3 июля 1963 г. предпослал в первой части п. 4 указание о том, что для наличия состава убийства с особой жестокостью необходимо установить, что «виновный действовал с умыслом, направленным на совершение преступления с особой жестокостью». В этой части разъяснение Пленума вызвало на практике неясности.

Что могло означать «действовал с умыслом, направленным на совершение убийства с особой жестокостью»?

Если это означало, что п. «е» ст. 100 УК применяется в случаях, когда виновный сознает, что он причиняет потерпевшему перед лишением жизни или в процессе этого особые мучения или страдания, либо сознает, что причиняет страдания близким потерпевшему лицам, присутствующим на месте преступления, то об этом четко сказано во второй части ст. 4 упоминаемого разъяснения.

Если же это означало, что для инкриминирования особой жестокости необходимо, чтобы виновный сознавал, что он проявляет такую жестокость, то тем самым проб-

лема переводилась в область субъективной оценки виновным своих действий. По меньшей мере бесполезно ждать того, чтобы убийца, за редким исключением, зная о правовых последствиях квалификации содеянного по п. «е» ст. 100 УК, оценил свои действия как особую жестокость. «Особая жестокость» — оценочное понятие, и оценка эта принадлежит судящему субъекту.

Между тем в судебной практике разъяснение, содержащееся в первой части п. 4 постановления Пленума Верховного Суда СССР, нередко воспринималось как необходимость для применения п. «е» ст. 100 УК устанавливать умысел на особую жестокость в смысле оценки виновным своих действий. Так, например, К. во время ссоры с двоюродным братом перочинным ножом нанес ему восемь ударов в грудь, поясницу, шею и лицо и продолжал бы наносить удары, если бы подоспевшими лицами не был обезоружен. Судебная коллегия по уголовным делам Гомельского областного суда приговором от 22 августа 1967 г. признала в действиях К. покушение на убийство с особой жестокостью. Одноименная коллегия Верховного суда БССР пришла к выводу, что «в материалах дела не имеется доказательств того, что К. имел умысел на убийство потерпевшего с особой жестокостью. Тот факт, что в процессе покушения на убийство он нанес несколько ножевых ранений, не может служить основанием для квалификации преступления по п. «е» ст. 100 УК БССР». И, сославшись на первую часть п. 4 разъяснения Пленума Верховного Суда СССР в постановлении от 3 июля 1963 г., коллегия переквалифицировала преступление на ст. 15 и 101 УК.

Какие в материалах дела могли быть доказательства умысла на убийство с особой жестокостью? Разве нанесение множества прижизненных ударов в разные части тела и сознание виновным того, что он режет и долго режет живое тело, не являются доказательством «умысла на убийство с особой жестокостью»? Здесь скрывалось не что иное, как требование того, чтобы сам виновный оценил свои действия как особо жестокие. Весьма четко такая позиция выразилась в определении той же коллегии по делу Х. Считая, что он неправильно осужден за покушение на убийство с особой жестокостью (приговор судебной коллегии по уголовным делам Гомельского областного суда от 21 октября 1967 г.), хотя нанес потер-

певшей с целью убийства пять ножевых ранений, судебная коллегия Верховного суда БССР в определении от 8 декабря 1967 г., переквалифицировав преступление на ст. 15 и 101 УК, обосновала это тем, что «потерпевшая не подтвердила, что осужденный угрожал ей убийством с особой жестокостью. Сам же способ покушения на убийство — нанесение четырех ранений в области головы и шеи — в данном случае не дает оснований для квалификации действий по признаку особой жестокости»¹¹.

В судебной практике республики возник вопрос о квалификации убийства, совершенного двумя лицами, если лишь одно из них действовало с особой жестокостью.

С. и Г. совершили убийство Ч. при следующих обстоятельствах. С. узнал, что житель деревни Модейки Ч. намеревается сообщить органам власти о том, что он, С., занимается самогонварением. На вечере животноводов, где находился и Ч., С. договорился с Г. убить Ч. С этой целью Г. вызвал Ч. из клуба якобы для того, чтобы выпить на квартире у С. Подойдя к дому С., Г. и С., желая удостовериться, что Ч. нечем защищаться, обыскали его, а затем повели к лесу и там стали избивать.

С. наносил удары Ч. в разные части тела инструментом, предназначенным для прокола брюшной полости животных при заболеваниях острой трептомией, а Г. бил Ч. только руками. На теле убитого обнаружены 24 колото-резаные раны, из них 6 на голове, одна из которых проникает в полость черепа, 3 — на спине, одна из которых проникает в грудную полость, 2 — в области шеи и 12 — в области лица.

Поставленный вопрос о квалификации действий соисполнителя (в данном случае Г.) является частью вопроса о вменении соисполнителю или соучастнику отягчающих (в том числе квалифицирующих) обстоятельств, относящихся к личности исполнителя. Он возникает, разумеется, лишь тогда, когда эти обстоятельства известны соисполнителю или соучастнику.

---

¹¹ Поэтому правильно Пленум Верховного Суда СССР в постановлении № 4 от 27 июня 1975 г. отказался от формулировки, содержащейся в ч. 1 п. 4 Постановления от 3 июля 1963 г., разъяснив, что «особая жестокость связывается как со способом убийства, так и с другими обстоятельствами, свидетельствующими о проявлении виновным особой жестокости».

Возможны три варианта решения. Согласно первому из них, обстоятельства, характеризующие личность исполнителя, если они влияют на квалификацию преступления, как это имеет место при умышленном убийстве, совершенном с особой жестокостью, не определяют квалификацию действий соисполнителя. В таком случае по п. «е» ст. 100 УК должны квалифицироваться только действия С. Такой взгляд учитывает лишь объективные свойства содеянного и не учитывает того, что соисполнителю известны обстоятельства, относящиеся к личности исполнителя, и, несмотря на это, он содействует ему в его преступной деятельности. В данном случае Г. знал, что С. совершает убийство с особой жестокостью и вместе с ним с целью лишения жизни потерпевшего избивал его руками.

Согласно второму варианту, все обстоятельства, относящиеся к личности исполнителя и влияющие на квалификацию преступления и наказание, вменяются и соисполнителю, поскольку они были ему известны. Такой взгляд ведет к переоценке значения субъективных свойств содеянного. В данном случае пришлось бы не только квалифицировать действия Г. по п. «е» ст. 100 УК, но и определить ему такое же наказание, как и С., действовавшему с особой жестокостью.

Согласно третьему варианту, действия соисполнителя должны квалифицироваться по тому же закону, что и действия исполнителя, поскольку ему известны обстоятельства, относящиеся к личности первого, и, несмотря на это, он оказывает ему содействие. Однако, поскольку повышенная ответственность законом установлена именно в связи с обстоятельствами, относящимися к личности, при назначении наказания должно учитываться, кого из участников преступления характеризуют эти обстоятельства.

Верховный суд БССР придерживается третьей точки зрения. Судебная коллегия по уголовным делам в определении от 23 августа 1966 г. по упоминаемому делу признала квалификацию по п. «е» ст. 100 УК, данную судебной коллегией по уголовным делам Гродненского областного суда в приговоре от 21 июля 1966 г., правильной как в отношении С., так и в отношении Г. Наказание же им назначено разное: С.— высшая мера, Г.— длительный срок лишения свободы.

Позиция Верховного суда БССР представляется единственно правильной, соответствующей понятию преступления, как совокупности объективных и субъективных признаков общественно опасного деяния, и принципу личной ответственности, основанной на степени опасности содеянного и степени опасности личности виновного.

6. Понятие умышленного убийства, совершенного *«способом, опасным для жизни многих людей»*, достаточно четко определено в п. 5 постановления № 9 Пленума Верховного Суда СССР от 3 июля 1963 г., согласно которому для квалификации убийства, совершенного таким способом, *«необходимо установить, что, осуществляя умысел на убийство определенного лица, виновный применил такой способ причинения смерти, который заведомо для виновного был опасен для жизни не только одного человека»*¹².

Верховный суд БССР при рассмотрении конкретных дел уточнял это понятие применительно к случаям умышленного убийства, совершенного с применением огнестрельного оружия.

По делу С. судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда БССР отвергла ссылку осужденного на то, что он покушался на убийство матери, но при этом случайно ранил еще одного человека, указав в определении от 3 июля 1966 г., что осужденный, *«стреляя в мать их охотничьего ружья, заряженного дробью, видел, что за ней находится еще один человек, т. е. пытался убить мать способом, опасным для жизни многих людей»*.

По делу Е., осужденного по п. «е» ст. 100 УК, та же коллегия признала неправильным приговор Минского областного суда и переквалифицировала преступление на ст. 101 УК, мотивируя это тем, что *«Е. произвел прицельный выстрел в С. с расстояния 2—3 метров. Опасность этого выстрела для жизни других лиц его сознанием не охватывалась»*. По другим делам Верховный суд БССР указывал, что *«прицельный выстрел, произведенный в*

---

¹² Сборник..., с. 479. В постановлении № 4 от 27 июня 1975 г. Пленум Верховного Суда СССР внес в эту формулировку редакционные изменения, указав, что *«виновный сознавал, что он применяет такой способ причинения смерти, который опасен для жизни не только одного человека»*.

упор, не может рассматриваться как способ убийства, опасный для жизни многих людей».

В этой связи обращает на себя внимание формулировка упоминаемого квалифицирующего обстоятельства как убийства, совершенного способом, опасным для жизни «многих людей». Между тем в судебной практике этот способ признается имеющим место, даже если опасность создается для жизни только еще одного человека, кроме убитого. Очевидно, что опасность для жизни «многих людей» и опасность для жизни «другого человека» — понятия не тождественные. Признание практикой достаточным для состава умышленного убийства, предусмотренного п. «е» ст. 100 УК, создания опасности для жизни хотя бы одного лица, кроме убитого, было бы целесообразно отразить в формулировке закона, заменив в нем слова «многих людей» словами «другого лица».

§ 2. Умышленное убийство и умышленное тяжкое телесное повреждение, повлекшее смерть

1. Наличие специального состава умышленного тяжкого телесного повреждения, повлекшего смерть потерпевшего (ч. 2 ст. 106 УК), вызывает значительные трудности при его разграничении с умышленным убийством. Они объясняются прежде всего тем, что тяжким телесным повреждением признается не только телесное повреждение, повлекшее «потерю зрения, слуха или какого-либо органа, либо утрату его функций, душевную болезнь или иное расстройство здоровья, соединенное со стойкой утратой трудоспособности не менее чем на одну треть, или повлекшее прерывание беременности, либо выразившееся в неизгладимом обезображении лица», но и телесное повреждение, которое не повлекло таких последствий, но было опасным для жизни в момент нанесения. Если, следовательно, при нанесении телесных повреждений виновный сознает, что они опасны для жизни, то, по всей вероятности, он не может не сознавать, что может наступить и смерть потерпевшего. Одного этого достаточно, чтобы увидеть, насколько тесно переплетаются составы преступлений, предусмотренные ст. 101 (100) и 106 УК.

Не случайно их разграничению посвящена значитель-

ная литература¹³. Много внимания этому уделяется Верховным Судом СССР¹⁴ и Верховным судом БССР.

Умышленное тяжкое телесное повреждение, повлекшее смерть потерпевшего, при умысле на причинение тяжкого телесного повреждения и неосторожной вине к смерти квалифицируется по ч. 2 ст. 106 УК. Не имеет значения, мог ли быть устранен смертельный исход своевременным оказанием помощи. Нанесение тяжких телесных повреждений, повлекших смерть потерпевшего, при наличии умысла на убийство квалифицируется по ст. 101 или 100 УК, независимо от того, наступила ли смерть немедленно или спустя некоторое время. Когда у лица, нанесшего потерпевшему телесные повреждения, был прямой умысел на убийство, но смерть не наступила по не зависящим от виновного причинам, его действия квалифицируются как покушение на убийство.

Как видно, разграничение тяжкого телесного повреждения, повлекшего смерть, и умышленного убийства проводится по характеру психического отношения виновного к смерти. Теоретически разграничение затруднений не вызывает. Практически же возникают значительные трудности из-за сложности определения характера психического отношения виновного к содеянному.

Верховный суд БССР при разрешении конкретных дел судит о наличии или отсутствии умысла на лишение жизни при умышленном нанесении тяжких телесных повреж-

---

¹³ Кроме соответствующих глав и параграфов в монографических исследованиях преступлений против личности или только преступлений против здоровья, см. следующие статьи: *Филлипов А.* Отграничение телесных повреждений от других преступлений против личности («Советская юстиция», 1964, № 6); *Исмаилов И. О.* О тяжких телесных повреждениях, повлекших смерть потерпевшего («Вестник ЛГУ», 1966, № 5; вып. 1); *Бородин С.* Разграничение умышленных убийств и тяжких телесных повреждений, повлекших смерть потерпевшего («Социалистическая законность», 1958, № 1); *Михайлов М., Милько Ю.* Квалификация телесных повреждений, повлекших смерть («Советская юстиция», 1965, № 6); *Лубшев.* Умышленное тяжкое телесное повреждение, повлекшее смерть («Советская юстиция», 1971, № 22); *Чхеидзе А.* Разграничение умышленного тяжкого телесного повреждения и покушения на убийство («Социалистическая законность», 1972, № 11); *Тишкевич И.* Некоторые вопросы квалификации убийств («Вопросы уголовного права и процесса». Минск, 1960).

¹⁴ См.: Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР по уголовным делам 1959—1971. М., 1973, с. 200—240.

дений на основании того, каким способом, применением каких орудий, в какую часть тела и в какой обстановке виновный наносил телесные повреждения потерпевшему.

По делу С. (определение судебной коллегии по уголовным делам от 1 декабря 1970 г.), который острием топора нанес сильный удар по голове Т., в результате чего последней были причинены тяжкие телесные повреждения, признана правильной квалификация преступления как покушение на убийство. Коллегия отвергла ссылку С. в кассационной жалобе на то, что у него не было умысла на убийство Т., указав, что, «нанося удар лезвием топора по голове потерпевшей, С. действовал с прямым умыслом на лишение ее жизни».

По делу М., который из хулиганских побуждений ударил Б. ножом в левое бедро, у паховой складки, в результате чего была повреждена бедренная вена, что вызвало обильное кровотечение и смерть Б., Пленум Верховного суда БССР переквалифицировал преступление со ст. 100 УК на ч. 2 ст. 106 УК. В постановлении от 2 сентября 1965 г. по этому делу Пленум указал: «Объяснение М., что у него не было намерения убить Б., подтверждается характером нанесенного потерпевшему ранения в бедро, которое обычно не влечет за собой смертельный исход. В данном случае смерть Б. явилась результатом неблагоприятно сложившихся для потерпевшего обстоятельств, вызванных тем, что удар пришелся по крупному кровеносному сосуду ноги».

В приведенных случаях виновные применили оружие, способное причинить смерть. Различная квалификация обусловлена тем, что в первом из них удар наносился в жизненно важный орган, во втором — в иной орган.

Нанесение потерпевшему ударов в жизненно важные органы невооруженной рукой, ногами или головой само по себе еще не предопределяет правовой оценки наступившей в результате таких ударов смерти. Содеянное квалифицируется в зависимости от силы ударов, их количества и интенсивности.

Р. осужден народным судом по ст. 101 УК. Он признан виновным в том, что на почве мести Л. дважды ударил его рукой в живот, отчего Л. на месте происшествия умер. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда БССР (определение от 7 июля 1972 г.) переквалифицировала преступление Р. на ч. 2 ст. 106 УК. Кол-

легия указала на отсутствие доказательств наличия у Р. умысла на убийство Л. Нанося удары невооруженной рукой в живот потерпевшему, Р. хотел причинить ему телесные повреждения и не предвидел, что они могут повлечь за собой смерть. Количество ударов невооруженной рукой не дает оснований считать, что Р. желал причинить потерпевшему смерть или сознательно допускал возможность такого исхода.

Напротив, в деле П. и Д. Пленум Верховного суда БССР (постановление от 26 июня 1968 г.) признал правильной квалификацию их преступления по ст. 101 УК. В процессе ссоры с Г. осужденные нанесли ему по одному удару в лицо, отчего Г. упал. Лежащего Г. они продолжали избивать ногами в голову и в правый бок. От полученных повреждений Г. на месте преступления умер. Отклоняя протест заместителя Прокурора БССР, в котором ставился вопрос о переквалификации преступления на ч. 2 ст. 106 УК по тем основаниям, что П. и Д. умысла на убийство не имели и что, кроме того, наступление смерти было вызвано не только физической травмой, но и наличием у потерпевшего патологических изменений сосудов головного мозга, о чем осужденные не знали, Пленум указал следующее. Нанесение ударов ногами, обутыми в ботинки, в жизненно важный орган — голову и то, что эти удары наносились с большой силой и лежащему человеку, свидетельствуют о том, что виновные сознавали возможность убийства Г. и к последствиям своих действий относились безразлично. Что касается ссылки на болезненное состояние Г., то, согласно заключению судебно-медицинской экспертизы, изначальной причиной кровоизлияния у Г. являются не патологические изменения стенок сосудов головного мозга, а сотрясение головного мозга, т. е. механический фактор, обусловленный травмой.

Практика Верховного суда БССР позволяет сформулировать следующие положения о разграничении составов умышленного убийства и умышленного тяжкого телесного повреждения, повлекшего смерть:

состав *умышленного убийства* имеет место, если телесные повреждения наносились в жизненно важные органы и таким орудием или способом, которые свидетельствуют о сознании виновным неизбежности или возможности причинения смерти потерпевшему;

состав *умышленного тяжкого телесного повреждения*, повлекшего смерть потерпевшего, имеет место, если она наступила вследствие телесных повреждений не жизненно важных органов (а), либо жизненно важных органов, но орудием или способом, не свидетельствующим о сознании виновным возможности причинения смерти (б)¹⁵.

2. Умышленное тяжкое телесное повреждение, повлекшее смерть (ч. 2 ст. 106 УК), граничит с неосторожным убийством (ст. 104 УК).

Глубокое разграничение этих составов дано в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 10 января 1947 г. по делу Е.¹⁶

14 сентября 1945 г., в первой половине дня, Е. услышала плач своей четырехлетней дочери. Выйдя во двор, она увидела, что девочку били два мальчика, один из которых убежал, а другой — Женя Самсонов отошел к окну комнаты, где он проживал со своими родителями. Е. схватила его и отодрала за уши; когда же он ударил ее игрушечным ружьем, она ударила его один или два раза рукой по голове (родители ребенка говорят об одном ударе, другие свидетели — о двух). На Жене была шапка — суконный солдатский шлем. Никаких признаков причинения какого-либо ущерба здоровью Жени его родители ни в тот день, ни в следующий не заметили, за исключением того, что мальчика сильно клонило ко сну. 16 сентября, когда он с родителями находился на уборке картофеля, у него поднялась высокая температура. Мать объяснила это тем, что, возможно, на огороде Женя проглотил сырую картошку. С диагнозом врача о пищевой интоксикации ребенок был направлен в больницу, где на следующий день, 17 сентября, скончался. Судебно-медицинское вскрытие установило, что смерть последовала от перелома обеих теменных костей с точечным кровоизлиянием под мягкую мозговую оболочку и сотрясением мозга. Согласно заключению эксперта, эти повреждения могли получиться от удара по голове тупым твердым предметом, возможно, рукой, сжатой в кулак, или даже просто ладонью со значительной силой.

---

¹⁵ Комментарий к Уголовному кодексу БССР. Минск, 1971, с. 208—209.

¹⁶ «Судебная практика Верховного Суда СССР», 1947, вып. 1, с. 9 и след.

Пленум Верховного Суда СССР признал неправильной квалификацию преступления, совершенного Е., как умышленного тяжкого телесного повреждения, повлекшего смерть. Хотя удар по голове Жени был нанесен умышленно, это, как отмечает Пленум, не означает, что и само тяжкое телесное повреждение было причинено Жене умышленно. Удар был нанесен по голове без использования какого-либо орудия, что могло бы свидетельствовать об умысле на причинение тяжкого телесного повреждения. Удар был нанесен голой рукой, хотя, может быть, и сжатой в кулак, но, как можно судить по заключению медицинской экспертизы, он не был нанесен с такой силой, которая сама по себе могла бы свидетельствовать о наличии у Е. предвидения возможности причинения мальчику опасного для его жизни повреждения.

Пленум пришел к выводу, что Е., нанося умышленно удар мальчику, вместе с тем по неосторожности причинила ему опасное для жизни телесное повреждение, повлекшее в дальнейшем его гибель. Преступление Е. было квалифицировано как неосторожное убийство, а не умышленное тяжкое телесное повреждение, повлекшее смерть.

Неосторожное отношение к смерти Пленум усмотрел в том, что Е. знала возраст Жени Самсонова, знала о его слабом здоровье. Поэтому она обязана была с большей осмотрительностью относиться к возможным последствиям своего поведения. И если Е. должна была сознавать, что от ее действий могло наступить опасное для жизни Жени телесное повреждение, то она должна была и могла сознавать и возможность его гибели.

Постановление Пленума Верховного Суда СССР по делу Е. имело существенное значение для уяснения практикой различий в составах умышленного тяжкого телесного повреждения, повлекшего смерть, и неосторожного убийства в случаях (а именно они являются сложными), когда лишение жизни — результат незначительных ударов. Публикация этого постановления и комментариев к нему известных советских ученых и в то время членов Верховного Суда СССР¹⁷ способствовали уяснению практикой вопроса разграничения упоминаемых составов пре-

¹⁷ Исаев М. М., Пионтковский А. А. Вопросы уголовного права, военно-уголовного права и уголовного процесса в судебной практике Верховного Суда СССР. М., 1947, с. 20 и след.

ступлений. И хотя постановление по делу Е. не является руководящим, оно обладает, выражаясь словами М. М. Исаева, «властью авторитета».

Таким же образом разграничивает составы умышленного тяжкого телесного повреждения, повлекшего смерть, и неосторожного убийства и Верховный суд БССР.

Показательным в этом отношении является дело Ш. 10 февраля 1972 г. Д. пришел к Ш. и дал ему деньги для передачи сыну, учащемуся Несвижской автошколы. Там же в доме Ш. угостил Д. спиртными напитками. Уходя от Ш., Д. поймал во дворе индюшку и пошел по направлению к шоссе, ведущему к его дому. Заметив это, Ш. догнал Д. на поле, отнял у него индюшку и дважды ударил кулаком в живот, от чего тот упал.

Шедший на обед отец Ш. поднял Д. и привел к себе домой, а затем потерпевший был отправлен в больницу, где 17 марта 1972 г. умер.

Согласно заключению судебно-медицинского эксперта, смерть Д. наступила в результате разрыва петли тонкого кишечника, осложнившегося фиброзно-гнойным воспалением брюшины и двусторонней нижнедолевой очаговой гнойной пневмонией. Разрыв петли тонкого кишечника мог произойти от действия тупого твердого предмета, каким мог быть и кулак человека, при условии, если желудочно-кишечный тракт переполнен пищей и газами.

На основании этого заключения и показаний Д. на предварительном следствии незадолго до смерти о том, что Ш. дважды ударил его кулаком в живот, народный суд пришел к выводу, что Ш., нанося удары кулаком в живот, предвидел и сознательно допускал возможность наступления тяжких последствий, т. е. действовал с кс-венным умыслом на причинение тяжких телесных повреждений. Поэтому преступление было квалифицировано по ч. 2 ст. 106 УК БССР.

Заместитель Председателя Верховного суда БССР внес протест в судебную коллегия по уголовным делам Верховного суда БССР о переквалификации действий Ш. с ч. 2 ст. 106 на ст. 104 УК БССР. Определением от 27 октября 1972 г. протест был удовлетворен. Коллегия указала следующее. Правильно установив фактические обстоятельства дела, суд дал им неправильную правовую оценку. Из материалов дела видно, что у Д., кроме разрыва петли тонкого кишечника, никаких внутренних и

наружных телесных повреждений не обнаружено. Осужденный Ш. показал, что, возмущившись действиями Д., похитившего индюшку, он догнал его и дважды ударил рукой. Д. упал, так как был пьян, а он взял индюшку и ушел домой. Умысла на причинение Д. тяжких телесных повреждений он не имел.

Далее коллегия указала, что обстоятельства, при которых совершено преступление, характер и мотивы действий Ш. позволяют сделать вывод, что, нанося два удара невооруженной рукой в живот Д., Ш. не предвидел не только возможности причинения ему смерти, но и тяжких телесных повреждений, хотя должен был и мог предвидеть возможность наступления таких последствий.

Преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 106 УК, слагается из действия (удара, толчка), первичного последствия (тяжкого телесного повреждения), вторичного последствия (смерти потерпевшего). Вина к действию может выражаться только в прямом умысле, к первичному последствию — в любой форме умысла, ко вторичному последствию — в неосторожности.

Преступление, предусмотренное ст. 104 УК, с объективной стороны слагается из тех же компонентов. При этом вина к действию может быть умышленной (прямой умысел) или неосторожной, а вина к первичным и вторичным последствиям только неосторожной.

Таким образом, в тех случаях, когда действие является умышленным, а смерть причинена по неосторожности, разграничительный признак остается один — характер вины к тяжким телесным повреждениям: умысел (ч. 2 ст. 106 УК) и неосторожность (ст. 104 УК). Поэтому Верховный суд БССР в тезисе к делу Ш. и указал, что «умышленный характер действий виновного не исключает неосторожной вины в отношении наступивших последствий — тяжких телесных повреждений и смерти потерпевшего».

Разграничивая составы умышленного тяжкого телесного повреждения, повлекшего смерть, и неосторожного убийства, следует также иметь в виду, что умысел на причинение телесного повреждения может быть конкретизированным и неконкретизированным. Для составов телесных повреждений характерным является неконкретизированный умысел: виновный сознает, что своими действиями причиняет потерпевшему телесные повреж-

дения, относясь безразлично к тому, будут ли они тяжкими или иными. Поэтому при наличии неконкретизированного умысла на причинение телесных повреждений, если они оказались тяжкими и повлекли в дальнейшем смерть потерпевшего, что виновный мог предвидеть, применяется ч. 2 ст. 106 УК.

§ 3. Изнасилование

1. Изнасилованием ст. 115 УК называет «половое сношение с применением физического насилия, угрозы или использованием беспомощного состояния потерпевшей».

До сих пор остается дискуссионным уголовно-правовое понятие полового сношения. Медики считают им естественную половую связь лиц разного пола¹⁸. Соответственно этому ряд криминалистов определяет и понятие полового сношения в смысле ст. 115 УК. Авторы комментария к ст. 117 УК РСФСР (ст. 115 УК БССР) указывают, что насильственное удовлетворение половой страсти с женщиной в извращенной форме этой статьей не предусматривается и должно квалифицироваться в зависимости от того, состав какого преступления в них содержится (умышленное тяжкое телесное повреждение, умышленное менее тяжкое телесное повреждение, умышленное легкое телесное повреждение)¹⁹. Авторы комментария к ст. 121 УК Латвийской ССР (ст. 115 УК БССР) считают, что насильственное удовлетворение половой страсти без совершения полового акта должно квалифицироваться в зависимости от обстоятельств как развращение несовершеннолетних или хулиганство²⁰.

Напротив, другие авторы комментария к ст. 117 УК РСФСР считают, что состав преступления, предусмотренный этой статьей, имеется при насильственном совершении полового акта с женщиной «в нормальной или извращенной форме»²¹. В комментарии к ст. 115 УК БССР

¹⁸ Сердюков М. Г. Судебная гинекология. М., 1957, с. 84; Шалаев Н. Г. Судебно-медицинское обоснование некоторых вопросов разграничения и квалификации половых преступлений («Вопросы криминалистики и криминологии». Душанбе, 1968, с. 114).

¹⁹ Комментарий УК РСФСР. М., 1963, с. 277.

²⁰ Комментарий Уголовного кодекса Латвийской ССР. Рига, 1967, с. 294.

²¹ Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР 1960 г. Л., 1962, с. 234.

также указано, что «половым сношением является естественная половая связь. В смысле ст. 115 половым сношением является также половая связь в извращенной форме, если виновный действовал с целью удовлетворения половой страсти»²².

Верховный суд БССР применяет ст. 115 УК как в тех случаях, когда имело место насильственное половое сношение с женщиной в естественной форме, так и при насильственном удовлетворении половой страсти с ней в извращенных формах. Так, признано правильным осуждение Т. по ст. 115 УК за то, что под угрозой насилия он принудил погерпевшую к сношению *per anum*. По делу Г. признана правильной квалификация по той же статье преступления, выразившегося в том, что виновный, страдающий половым бессилием, удовлетворял половую страсть тем, что завлекал маленьких девочек в уединенные места — пустыри, подвалы, темные подъезды — и руками совершал дефлорацию.

Пленум Верховного Суда СССР в постановлении № 2 от 25 марта 1964 г. «О судебной практике по делам об изнасиловании»²³ прямого ответа на вопрос о квалификации насильственного удовлетворения половой страсти с женщиной в извращенных формах не дал.

С физиологической точки зрения половые извращения, т. е. удовлетворение половой страсти не путем соединения половых органов лиц противоположного пола, не являются половым сношением. Различны биологические последствия полового сношения и полового извращения. Различны и социальные последствия таких связей, их социальная опасность. Поэтому справедливо разграничение в законодательстве изнасилования как насильственного полового сношения с женщиной и удовлетворения половой страсти с ней в извращенной форме. Однако из советских уголовных кодексов эти разграничения проведены только в УК Украинской ССР и в УК Эстонской ССР. Так, УК Украинской ССР в ст. 117 формулирует состав изнасилования (в тех же словах, что и УК БССР), а в ст. 118 состав «удовлетворение половой страсти в извращенных формах с применением физического насилия, угрозы или с использованием беспомощного состояния

---

²² Комментарий к Уголовному кодексу БССР. Минск, 1971, с. 214.

²³ Сборник..., с. 482.

потерпевшей». В качестве наказания ст. 118 предусматривает лишение свободы на срок до пяти лет.

По указанным выше причинам выделение такого состава, а тем самым разграничение насильственного удовлетворения половой страсти с женщиной в естественной форме и в извращенной форме представляется обоснованным²⁴ и должно быть проведено и в УК БССР. В настоящее же время распространительное толкование изнасилования, даваемое Верховным судом БССР, является правильным и иным быть не может. Отказ от применения ст. 115 УК в случаях насильственного удовлетворения половой страсти с женщиной в извращенных формах неизбежно повлек бы за собой явную недооценку социальной опасности таких преступлений. Однако при назначении наказания следует учитывать форму преступного удовлетворения половой страсти.

Одним из признаков изнасилования является цель удовлетворения половой страсти. В обзоре следственной и судебной практики по делам о половых преступлениях, составленном Верховным судом БССР совместно с Прокуратурой республики и Министерством охраны общественного порядка (ныне Министерством внутренних дел БССР), отмечается, что имеют место случаи, когда хулиганские действия в отношении женщины неправильно квалифицируются как покушение на изнасилование, хотя обстоятельства дела свидетельствуют об отсутствии у подсудимого умысла на изнасилование.

Ж., находясь в нетрезвом состоянии, вечером встретил гражданку М., повалил ее на землю и ущипнул за ногу выше колена, а когда она закричала, Ж. убежал. Действия Ж. были расценены как покушение на изнасилование и квалифицированы по ст. 15 и 115 (ч. 1) УК. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда БССР (определение от 11 июля 1967 г.) переквалифицировала преступление Ж. на ч. 2 ст. 201 УК. Действия, совершенные Ж., не свидетельствуют о том, что он имел целью вступление в половую связь или удовлетворение половой страсти в какой-либо извращенной форме. По своему содержанию эти действия Ж. являлись хулиганскими, отличающимися исключительным цинизмом.

²⁴ Более подробная аргументация содержится в статье *Игнатова А. Н.* Некоторые вопросы квалификации половых преступлений («Вопросы борьбы с преступностью», вып. 17. М., 1972, с. 55 и след.).

2. Объективная сторона изнасилования состоит в половом сношении с применением «физического насилия, угрозы или с использованием беспомощного состояния потерпевшей».

В судебной практике затруднения вызывает определение понятия беспомощности, особенно если имело место половое сношение с женщиной, находившейся в состоянии опьянения, либо душевнобольной, или малолетней. Эти вопросы неоднократно были в поле зрения кассационной и надзорной практики Верховного суда БССР.

Состояние опьянения, в котором находилась женщина во время совершения с ней полового акта, само по себе не свидетельствует о ее беспомощном состоянии. Наличие либо отсутствие его зависит от того, отдавала ли женщина себе отчет в происходящем, и, следовательно, вступала ли она в интимные отношения по своей воле или помимо своей воли. Об этом свидетельствуют два нижеприводимых дела.

М. осужден по ч. 3 ст. 115 УК за изнасилование несовершеннолетней П. (возраст 15 лет и 4 месяца). Преступление совершено при следующих обстоятельствах. М., находясь в командировке, познакомился с воспитанницей детского дома П. и пригласил ее вместе с девочками в дом отдыха, где расположилась киноэкспедиция, членом которой он являлся. Когда вечером П. вместе со своей подругой пришли к М., он рассказывал им о работе в кино, о жизни артистов, что на девочек произвело впечатление, и пригласил их приходиться в другой раз.

Через 9 дней П. вместе с тремя товарищами ее возраста (две девочки и мальчик) вечером снова пришли к М., чтобы послушать его рассказ о кино. М. всех пригласил в свою комнату, угостил водкой, а затем товарищей П. отправил домой, а ее оставил у себя в комнате, пообещав вскоре проводить домой.

Оставшись вдвоем с П., М. пытался уговорить ее вступить с ним в половую связь, но она отказалась, объяснив, что ей плохо от выпитой водки. В приговоре далее сказано, что, «когда П. уснула, М., воспользовавшись ее опьянением и беспомощным состоянием, помимо ее воли и желания, совершил с ней половой акт, т. е. изнасиловал ее». На следующее утро М. ушел на работу, а П. оставалась у него в комнате, где и была обнаружена работниками детского дома.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда БССР (определение от 22 декабря 1965 г.) переквалифицировала преступление, совершенное М., на ч. 1 ст. 117 УК, признав, что в данном случае имело место добровольное половое сношение с лицом, не достигшим половой зрелости.

Коллегия исходила из того, что, хотя П. в момент совершения с ней полового акта и находилась в состоянии опьянения, она отдавала себе отчет в происходящем. Это подтверждается тем, указывает коллегия, что П. на предварительном следствии и в суде подробно рассказала о всех действиях М. Кроме того, ее поведение у М. (она с ним танцевала, целовалась, а когда ее товарищи ушли, осталась с М. наедине) свидетельствует о том, что она не возражала против вступления с ним в интимные отношения. После совершения полового акта П. не ушла от М., а осталась в его комнате и не хотела уходить даже тогда, когда за ней приехали работники детского дома. Все это свидетельствует о том, что П. добровольно вступила с М. в интимные отношения.

Иная оценка состояния опьянения дана той же коллегией (в определении от 27 декабря 1968 г.) по делу С. и Л. Они признаны виновными в том, что изнасиловали несовершеннолетнюю Ч., используя ее беспомощное состояние, вызванное алкогольным опьянением.

Преступление совершено при следующих обстоятельствах. Ч. вместе с родителями приехала из города в деревню В. на похороны родственницы. Во время поминок в результате бесконтрольности родителей и по настоянию взрослых Ч. выпила значительное количество спиртных напитков (до этого случая она никогда их не употребляла), после чего со своей знакомой, тоже нетрезвой, пошла на танцы в соседнюю деревню, где встретила незнакомых ей С. и Л.

Так как Ч. стала нехорошо, С. и Л. повели ее к колодцу, напоили водой. После этого они вывели Ч. за деревню и поочередно вступили с ней в половую связь.

Осужденные в кассационных жалобах указывали, что потерпевшая вступила в половую связь с ними добровольно, и просили переквалифицировать преступление на ч. 1 ст. 117 УК.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда БССР признала, что преступление С. и Л. правиль-

но квалифицировано как изнасилование с использованием беспомощного состояния потерпевшей. Об этом, указывает коллегия, свидетельствуют следующие обстоятельства. Осужденные С. и Л., а также свидетель Т. показали, что Ч. все время жаловалась на плохое самочувствие, ее тошнило и рвало. Она просила осужденных, когда сознание ее прояснилось, отвести ее домой. Когда ее вывели за деревню, она не реагировала на то, что ее раздевают, будучи обнаженной, не обнаруживала стеснения присутствием лиц мужского пола, во время совершения с ней полового акта пела.

Приведенные определения судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда БССР свидетельствуют о том, что состояние беспомощности, связанное с опьянением, подтверждается не самим фактом алкогольного опьянения потерпевшей, а ее поведением во время совершения с ней полового акта. По этим данным мы судим о том, отдавала ли себе потерпевшая отчет в происходящем и вступала ли она в интимную связь добровольно либо помимо своей воли.

Вступление в половую связь с душевнобольной Верховный суд БССР признает изнасилованием, если потерпевшая страдала такой болезнью, вследствие которой она не понимала характера и последствий половой связи, и если виновный знал о такой болезни потерпевшей.

Такая трактовка вытекает из определения судебной коллегии по уголовным делам от 7 июля 1967 г. по делу К.

Последний признан виновным в том, что склонил к половому сношению М., страдавшую психическим заболеванием в форме отсталости умственного развития на уровне резко выраженной дебильности. В кассационной жалобе осужденный ссылался на то, что не был осведомлен о психическом заболевании М., но лишь знал, что она не достигла половой зрелости, и просил переквалифицировать преступление с ч. 3 ст. 115 УК на ч. 1 ст. 117 УК.

Признав, что К. осужден правильно, коллегия указала на то, что осужденный, проживая в деревне И. по соседству с семьей М., знал о неполноценности умственного развития потерпевшей и ее заболевании, что он воспользовался ее состоянием, завел в нежилой дом, расположенный на его приусадебном участке, и вступил с М. в половую связь. После этого К. систематически совер-

шал с М. с октября 1966 г. и до 8 марта 1967 г. половые акты.

Согласно заключению судебно-психиатрических экспертов, М. во время сожительства с К. и в момент исследования страдала психическим заболеванием в форме резко выраженной дебильности и не была в состоянии предусмотреть последствий своего сожительства с К., не могла отдавать отчета в своих действиях и руководить ими. Коллегия указала на то, что К., как видно из материалов дела, знал, что М. «недоразвита на мозг». На протяжении длительного времени он был близко знаком с семьей М., жил с ними по соседству и ежедневно у них бывал.

Коллегия пришла к выводу, что имело место изнасилование путем использования беспомощного состояния потерпевшей, поскольку потерпевшая была душевнобольной, страдала такой болезнью, вследствие которой не отдавала себе отчета в характере отношений, в которые она вступала, и поскольку виновный знал о таком состоянии потерпевшей.

Добровольное вступление в половую связь с душевнобольной, если болезнь является такой, что она не исключает понимания характера и последствий половой связи, не образует состава изнасилования. Состав данного преступления нет и в том случае, когда о болезни женщины и ее неспособности в результате этого понимать характер и последствия половой связи мужчина не осведомлен. Такие случаи возможны при случайных связях мужчины и женщины, которые не знали друг друга. Однако последнее обстоятельство само по себе не свидетельствует о неосведомленности мужчины о психическом заболевании женщины, поскольку оно проявилось в поведении ее до вступления в интимную связь. Поэтому Верховный суд БССР обращает внимание на необходимость тщательного выяснения осведомленности обвиняемого о психическом состоянии потерпевшей.

Добровольное половое сношение с малолетней образует состав изнасилования либо полового сношения с лицом, не достигшим половой зрелости (ст. 117 УК), исключительно в зависимости от того, понимала ли потерпевшая характер и значение совершаемых с ней действий. Решающим, хотя не единственным фактором суждения об этом, является возраст потерпевшей. Не вызывает сомне-

ний наличие изнасилования при вступлении в половую связь с девочкой дошкольного возраста или возраста, соответствующего первым классам школы. При превышении десятилетнего возраста вследствие условий, в которых росла и воспитывалась потерпевшая, не исключено, хотя и в редких случаях, понимание девочкой характера и последствий половой связи. Поэтому и не представляется возможным решить вопрос о разграничении упоминаемых составов по возрастному признаку потерпевшей.

Определением судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда БССР от 22 января 1965 г. признано правильным осуждение за изнасилование В., который вступил в половую связь с семилетней Н.

К. был предан суду по ч. 2 ст. 15 и ч. 3. ст. 115 УК. Суд квалифицировал преступление по ч. 2 ст. 15 и ч. 1 ст. 117 УК. К. признан виновным в том, что, будучи в лесу наедине с 13-летней А., с ее согласия снял с нее трусы, но вследствие половой слабости не мог вступить в половую связь. В кассационном протесте, направленном в Верховный суд БССР, указывалось, что суд первой инстанции без достаточных оснований переквалифицировал преступление, поскольку потерпевшая имела возраст 13 лет и в силу этого не могла полностью отдавать себе отчет о всем происходящем.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда БССР (определение от 17 сентября 1968 г.) признала квалификацию преступления, данную в суде, правильной. На предварительном следствии и в судебном заседании К. утверждал, что он имел намерение жениться на А. и рассчитывал увести ее к своим родителям, так как по обычаям цыган (оба они принадлежат к этой народности) у них часто девушки выходят замуж в возрасте 14—15 лет. С согласия А. он пытался вступить с ней в половую связь, но не смог этого сделать в связи с временным половым бессилием.

Показания К. подтвердила в судебном заседании потерпевшая А. Она также показала суду, что никакого насилия К. к ней не применял, что она сама дала согласие на вступление в половую связь.

3. Часть 2 ст. 115 УК предусматривает повышенную ответственность за «изнасилование лицом, ранее совершившим такое преступление».

Разъясняя содержание этой нормы, Пленум Верховного Суда СССР в постановлении № 2 от 25 марта 1964 г. указал, что она «подлежит применению независимо от того, был ли виновный осужден за ранее совершенное изнасилование, было ли оконченным изнасилование и является ли виновный исполнителем либо иным участником этих преступлений» (п. 7).

В практике возникли вопросы о том, будет ли изнасилование повторным, если в связи с первым преступлением не поступала жалоба потерпевшей, либо в обоих случаях потерпевшей было одно и то же лицо.

По первому вопросу Верховный суд БССР придерживается взгляда, согласно которому применение ч. 2 ст. 115 УК допустимо лишь в тех случаях, когда по каждому из совершенных преступлений имеется жалоба потерпевших. Если по одному из преступлений отсутствует такая жалоба, хотя бы потерпевшая и подтверждала факт совершения в отношении ее преступления, но отказалась от письменного заявления об этом, ч. 2 ст. 115 УК не может быть инкриминирована виновному.

Так, Г., будучи привлеченным к уголовной ответственности за изнасилование Н., назвал еще 6 женщин, которых он насиловал. Следователь разыскал их и от каждой получил подтверждение заявления Г. Однако все они отказались от письменного заявления о случившемся и привлечения Г. к ответственности. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда БССР признала, что при таких обстоятельствах действия Г. правильно квалифицированы по ч. 1 ст. 115 УК.

Такая позиция является единственно правильной, поскольку она вытекает из специфики данного преступления, отнесенного законодателем к категориям дел частного публичного обвинения, что обеспечивает оптимальную охрану чести и достоинства женщины. Иная позиция, согласно которой для признания повторности не требуется жалобы потерпевшей и достаточно события преступления²⁵, повлекла бы за собой необходимость участия потерпевшей помимо ее желания в судебном расследовании совершенного по отношению к ней насилия, широкую огласку происшедшего с ней случая и дополнительно

---

²⁵ Блиндер Б. А. Ответственность за изнасилование по советскому уголовному праву. Автореф. канд. дис. Ташкент, 1966, с. 24.

травмировала бы ее психику. Представляется, что такая позиция означает непонимание причин отнесения изнасилования к делам частнопубличного обвинения.

При изнасиловании дважды одной и той же потерпевшей следует различать повторное совершение преступления и продолжаемое. Последнее имеет место в том случае, если виновный в течение небольшого промежутка времени (одного вечера, одной ночи) несколько раз насилует потерпевшую. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда БССР не усмотрела повторного изнасилования в том, что К. с применением физического насилия и угрожая топором изнасиловал Ш., а через некоторое время, воспользовавшись ее беспомощным состоянием, снова вступил с ней в половую связь (определение от 12 июня 1964 г.).

Изнасилование одной и той же потерпевшей считается повторным и квалифицируется по ч. 2 ст. 115 УК, если второе преступление совершено после определенного промежутка времени и связано с новым лишением потерпевшей свободы. (Изнасилование часто связано с лишением потерпевшей свободы.)

Изнасилование одним лицом одной и той же потерпевшей является повторным, только если первое преступление было законченным. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда БССР (определение от 27 февраля 1970 г.) признала правильной квалификацию действий К. по ч. 1 ст. 115 УК. К. был признан виновным в том, что в июне 1969 г. покушался на изнасилование Б., а 16 октября того же года изнасиловал ее.

Отказ от признания в таких случаях повторности является правильным. Первое преступление лишь стадия в осуществлении преступного намерения. Реализация этого намерения в другой раз не является новым преступлением.

Каждая стадия реализации преступления, каким бы промежутком времени они ни разделялись, не может рассматриваться в качестве самостоятельного преступления. Уголовная ответственность за приготовление и покушение установлена для того, чтобы можно было предотвратить преступную деятельность до ее полного осуществления, поскольку и она является социально опасной, а не для того, чтобы после окончания преступления инкриминировать виновному приготовление и покушение, за кото-

рые он в свое время не привлекался к ответственности. Если преступление доведено до конца, оно тем самым поглощает собой предварительную преступную деятельность.

Сказанное полностью относится и к изнасилованию потерпевшей, на что виновный ранее покушался, но не смог довести преступление до конца. Разумеется, повторность имеется, если совершено покушение на изнасилование потерпевшей, которую виновный уже ранее изнасиловал. В таком случае должны применяться ст. 15 и 115 (ч. 2) УК.

4. Изнасилование, совершенное группой лиц (ч. 3 ст. 115 УК), согласно разъяснению Пленума Верховного Суда СССР, содержащемуся в постановлении № 2 от 25 марта 1964 г., имеет место «в случае, когда лица, принимавшие участие в изнасиловании, действовали согласованно в отношении потерпевшей, причем как групповое изнасилование должны квалифицироваться не только действия лиц, совершивших насильственный половой акт, но и действия лиц, содействовавших им путем применения насилия к потерпевшей». Здесь же Пленум говорит, что «при этом действия лиц, лично не совершавших насильственного полового акта, но путем применения насилия к потерпевшей содействовавших другим в ее изнасиловании, должны квалифицироваться по части 3 ст. 117 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик как соисполнителей этого преступления, а не как пособников»²⁶.

Отдельные вопросы, связанные с понятием группового изнасилования, остаются в судебной практике спорными. К ним прежде всего относится вопрос о квалификации действий женщины, являвшейся участником группы. Так, А. после распития спиртных напитков с мужем стала подстрекать его к изнасилованию своей родственницы, проживавшей в соседней комнате. Когда потерпевшая стала оказывать сопротивление, А. помогла свалить ее, а потом держала за ноги в то время, когда ее муж совершал насилие.

В литературе высказано мнение о квалификации таких действий женщины по ч. 3 ст. 115 УК. Тем самым

---

²⁶ Сборник..., с. 486.

признается, что указанное разъяснение Пленума Верховного Суда СССР в равной мере относится ко всем участникам группы — мужчинам и женщинам. Такая квалификация аргументируется тем, что изнасилование является сложным преступлением, включающим насилие и половое сношение. «Поскольку оконченным преступление считается после совершения всех действий, входящих в совершение сложного преступления, возможно совершение такого преступления несколькими лицами, когда каждый выполняет только часть состава, например один применяет насилие к потерпевшей, а другой совершает половое сношение»²⁷.

Такая аргументация не согласуется с тем, что изнасилование является преступлением со специальным субъектом — им может быть только мужчина. Поэтому действия женщины — участника группы должны квалифицироваться по ст. 17 и ч. 3 ст. 115 УК. Такая квалификация применена судебной коллегией по уголовным делам Верховного суда БССР по вышеупомянутому делу А. Она представляется единственно правильной. Применение ч. 3 ст. 115 УК отражает то обстоятельство, что женщина была участником группы, содействуя другим лицам в совершении ими преступления, поскольку это содействие выражалось в согласованных действиях в отношении потерпевшей с целью преодоления ее сопротивления. Применение ст. 17 УК отражает тот факт, что женщина не может быть фактическим исполнителем этого преступления. Квалификация участия женщины в групповом изнасиловании только по ч. 3 ст. 115 УК означала бы нонсенс.

Так же Верховный суд БССР решает вопрос и о квалификации действий женщины, явившейся организатором изнасилования.

К., Ф., А. и Н. — подростки в возрасте 16—17 лет, проживая на одной улице, дружили между собой и часто встречались со своей сверстницей З. В одну из таких встреч К. высказал З. намерение всех своих товарищей изнасиловать М. — подругу З. В ответ на это З. обещала, что приедет с М. на автобусную остановку, расположенную недалеко от леса, где они ранее встречались. В ус-

²⁷ Игнатов А. Н. Некоторые вопросы квалификации половых преступлений («Вопросы борьбы с преступностью», вып. 17. М., 1972, с. 64).

ловленное время З. и ничего не подозревавшая М. приехали к этому месту, где их уже ждали К., Ф., А. и Н.

По пути к лесу К. предлагал М. вступить в половую связь. Когда М. отказалась и пыталась уйти домой, З. заверила ее, что К. шутит и никто ее не тронет. В лесу К. снова стал приставать к М., предлагая вступление в половую связь в присутствии его товарищей и З. С целью обмануть их М. сказала, что придет к ним завтра. Тогда З. заявила, чтобы они не слушали М., так как она их обманывает. Когда М. стала оказывать сопротивление, З. стала подстрекать К. к более активным действиям, упрекая его в медлительности и пассивности. По команде З. один из участников группы расстелил плащ, другой повалил на него М., а К., угрожая ножом, первым изнасиловал М. Затем это сделали остальные.

В упоминаемом постановлении Пленума Верховного Суда СССР разъяснено, что «действия лиц, организовавших изнасилование группой, следует квалифицировать по ч. 3 ст. 117 УК РСФСР и соответствующих статей УК других союзных республик независимо от того, что другие участники в соответствии со ст. 10 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик не были привлечены к уголовной ответственности»²⁸.

З. явилась организатором изнасилования группой. Однако, поскольку она не является специальным субъектом данного преступления, судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда БССР (определение от 29 сентября 1967 г.) квалифицировала действия З. по ст. 17 и ч. 3 ст. 115 УК.

Квалификация преступления женщины — участника группы или ее организатора по ст. 17 и ч. 3 ст. 115 УК не противоречит упомянутому разъяснению Пленума Верховного Суда СССР, в котором имеются в виду действия участника группы или ее организатора — мужчины. Подобное поведение женщины — явление исключительно редкое и в судебной практике, на материалах которой дано указанное разъяснение, могло и не встретиться, вследствие чего оно и не получило отражения в этом постановлении. Во всяком случае ранее по другим делам о преступлениях со специальным субъектом Верховный Суд

²⁸ Сборник..., с. 486.

СССР указывал на недопустимость квалификации как исполнителя действий лица, не удовлетворяющего требованиям специального субъекта. Так, Пленум Верховного Суда СССР в постановлении № 7(6)V от 3 апреля 1940 г. разъяснил, что лица, воспользовавшиеся незаконным разрешением и обработавшие в личных целях земли, принадлежащие колхозу или совхозу, подлежат ответственности как соучастники преступления нарушения законов о национализации земли (ст. 87-а УК РСФСР 1926 г., ст. 122 УК БССР 1928 г.), а лица, выдавшие такое разрешение,— как исполнители данного преступления²⁹. По одному конкретному делу тот же Пленум указал, что «действия недолжностного лица, скрывшего вместе с должностным лицом от учета при инвентаризации неоприходованный материал, являющийся экономией от раскроя, с целью использовать его в дальнейшей работе для получения премиального вознаграждения, следует квалифицировать как соучастие в должностном преступлении, т. е. по ст. 109 УК через ст. 17 УК РСФСР»³⁰ (ст. 196¹ и 24 УК БССР 1928 г.).

Хотя в приведенных случаях физическим исполнителем преступлений являются недолжностные лица, их действия квалифицированы как соучастие, а не исполнение. Тем более не могут квалифицироваться как исполнение действия женщины — участника группы или ее организатора, не способной быть физическим исполнителем преступления, предусмотренного ст. 115 УК.

Если по хозяйственным, должностным и другим преступлениям, где требуется специальный субъект, иное лицо, по мнению Верховного Суда СССР, не может быть исполнителем этого преступления, то, очевидно, и по делам об изнасиловании не могут квалифицироваться без применения ст. 17 УК действия лица, не могущего быть специальным субъектом этого преступления. Такой взгляд полностью соответствует направлению деятельности Верховного Суда СССР и реализуется в практике Верховного суда БССР.

Является ли участником группы лицо, отнявшее оружие у уже подвергающейся нападению с целью изнасилования женщины?

²⁹ Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда Союза ССР 1940. М., 1941, с. 18.

³⁰ «Судебная практика Верховного Суда СССР», 1951, № 4, с. 4.

В судебной практике БССР вопрос возник в связи с делом Л. Последний вместе с Г. и их знакомыми женщинами О. и С. договорились о вечеринке с распитием спиртных напитков, для чего собрались на квартире у О. После пирушки Л. и О. вышли в соседнюю комнату, а Г. и С. остались наедине. Г. стал приставать к С., добиваясь вступления в половую связь. Поскольку С. отказалась, Г. стал применять насилие. Защищаясь, С. схватила со стола нож и нанесла им удары Г., но вошедший в комнату Л. по просьбе Г. отобрал нож у С. и вышел из комнаты. После этого С. была изнасилована Г. (Из определения судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда БССР от 25 февраля 1966 г. по делу Г. и Л.).

Брестским областным судом преступление Г. и Л. квалифицировано по ч. 3 ст. 115 УК. Тем самым Л. признан участником группы вместе с Г.

Такая квалификация представляется правильной, соответствующей понятию группового изнасилования, данному в упоминаемом постановлении Пленума Верховного Суда СССР.

Хотя предварительно Г. и Л. не договаривались о совместных действиях, в момент покушения Г. на изнасилование их действия были согласованы и направлены на преодоление сопротивления потерпевшей.

Выделение группового изнасилования в качестве отягчающего (квалифицирующего) обстоятельства основано исключительно на том, что сопротивление потерпевшей предупреждается или парализуется действиями нескольких лиц. Л. при самом процессе изнасилования не присутствовал, но своими действиями он лишил потерпевшую возможности сопротивляться, в чем отдавал себе отчет. Без содействия Л. исполнитель не мог бы довести преступление до конца.

Поэтому лицо, с целью содействия другому лицу в изнасиловании отнявшее оружие у потерпевшей, котрым она защищалась, подлежит ответственности вместе с непосредственным исполнителем по ч. 3 ст. 115 УК.

ГЛАВА 3. КВАЛИФИКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ИЛИ ЛИЧНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

§ 1. Понятие хищения государственного или общественного имущества и отграничение этого деяния от других преступлений

1. При хищении виновный умышленно, противоправно и безвозмездно обращает с корыстной целью государственное или общественное имущество в свою собственность или собственность других лиц. При этом происходит переход имущества, уже являвшегося государственной или общественной собственностью к моменту хищения, в незаконное владение виновного. Последний не приобретает и не может приобрести права собственности на это имущество, но фактически ставит себя на место собственника, распоряжается похищенным имуществом как своим собственным. Поэтому во многих определениях хищения, даваемых учеными, говорится о наличии у виновного корыстной цели обращения государственного или общественного имущества в свою собственность или собственность других лиц¹. Этот признак подчеркивается и в постановлении № 4 Пленума Верховного Суда СССР от 11 июля 1972 г. «О судебной практике по делам о хищениях государственного и общественного имущества»². Если какой-либо из указанных признаков отсутствует, нет состава хищения государственного или общественного имущества. Эти признаки позволяют отграничить хищение от действий, не влекущих уголовной ответственности или наказуемых по другим статьям Уголовного кодекса.

Как показало изучение и обобщение следственной и судебной практики Верховным судом, Министерством юстиции, Прокуратурой и МВД Белорусской ССР, а также изучение практики Верховного суда БССР и дру-

¹ См., например: Уголовное право. Часть Особенная. М., 1966, с. 117; Уголовное право, часть Особенная. М., 1969, с. 96; Курс советского Уголовного права, т. IV. М., 1970, с. 307—308; Уголовное право БССР, часть Особенная. Минск, 1971, с. 68.

² Сборник..., с. 445—448.

гих судов, проведенное непосредственно автором данной главы, при квалификации хищений все еще допускаются ошибки, связанные, в частности, с неправильным пониманием объективных и субъективных признаков хищения.

Встречаются случаи, когда хищением государственного или общественного имущества признаются лишь внешне сходные с этим преступлением действия, не связанные с незаконным изъятием государственного или общественного имущества из владения социалистической организации или ее представителей или совершенные без корыстной цели.

Например, П. по приговору народного суда Миорского района от 17 января 1969 г. был признан виновным в совершении в числе других действий также повторного хищения государственного имущества путем присвоения, т. е. в преступлении, предусмотренном ч. 2 ст. 91 УК. Хищение, по мнению суда, выразилось в том, что П., работая директором Браславского головного маслозавода, в 1966—1967 гг. присвоил 420 руб. государственных средств путем оформления документов на оказание материальной помощи работникам завода из фонда ширпотреба. В действительности хищения не было, так как указанные деньги были израсходованы на различные хозяйственные нужды завода, не предусмотренные сметой (на покупку насоса «Дон», мотора и других деталей к автомашине и других необходимых материалов и на оплату работ по монтажу заводского оборудования). Признав установленным расходование денег на заводские нужды, народный суд тем не менее признал П. виновным в хищении 420 руб.

Не соглашаясь с такой оценкой указанных действий П., заместитель Прокурора БССР внес протест в Судебную коллегия по уголовным делам Верховного суда БССР. В протесте ставился вопрос об исключении из приговора обвинения в хищении 420 руб. и прекращении производства по делу в этой части.

Судебная коллегия в определении от 27 февраля 1970 г. пришла к выводу, что описанные выше действия П. должны быть переквалифицированы по ч. 1 ст. 166 УК, поскольку 420 руб. П. не присвоил, а их израсходование на хозяйственные нужды завода представляет собой «злоупотребление служебным положением, связанное с

грубым нарушением финансовой дисциплины и причинением существенного вреда предприятию»³.

В приведенном примере у виновного не было обязательной для хищения корыстной цели — обращения денег в свою собственность или с корыстной целью в собственность других лиц: 420 руб. израсходованы, хотя и с нарушением установленных правил, на нужды социалистической организации.

Вместе с тем Верховный суд БССР правильно считает, что при совершении хищения государственного или общественного имущества двумя или более соисполнителями у некоторых из них (но не у всех!) может отсутствовать мотив личной корыстной заинтересованности. Его отсутствие не исключает наличия состава хищения, но может быть учтено судом при определении меры наказания.

Именно к такому выводу пришла Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда БССР в определении от 22 февраля 1972 г. по делу Г. и С., приговоренных народным судом Молодечненского района 24 декабря 1971 г. к лишению свободы по ч. 2 ст. 87 УК.

Г. и С. во время совместной поездки по личным делам на автомашине по предложению Г. заехали на колхозное поле и похитили для него из бурта пять мешков (315 кг) картофеля, которые Г. отвез домой (С. во время возвращения с поля сошел с автомашины и ушел к себе домой).

Верховный суд БССР, применив ст. 42 УК, заменил назначенное С. наказание одним годом исправительных работ по месту работы с удержанием в доход государства 20% заработка. При этом он в числе других смягчающих обстоятельств сослался и на то, что «инициатором хищения являлся Г., по существу он вовлек в совершение

---

³ Мы полагаем, что Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда БССР необоснованно не согласилась с предложением заместителя Прокурора БССР о прекращении уголовного дела, поскольку у П. не было необходимой для привлечения к ответственности по ч. 1 ст. 166 УК корыстной или иной личной заинтересованности (см. с. 208—210). Во всяком случае, коллегия не указала, в чем выразилась такая заинтересованность, и даже не поставила вопрос о том, была ли она вообще. Действия П. по незаконному израсходованию 420 руб. были не должным преступлением, а должностным проступком (подробнее вопрос о разграничении должностного преступления и должностного проступка рассмотрен нами в кн.: Горелик И. И., Тишкевич И. С. Вопросы уголовного права (Общей части) в практике Верховного суда БССР. Минск, 1973, с. 78—81).

преступления С., который материальной выгоды не преследовал».

2. В практике судебных органов республики не было ясности по вопросу о том, имеется ли состав хищения государственного или общественного имущества в действиях должностного лица, получающего в виде взятки деньги или иное имущество, заведомо принадлежащее социалистической организации. Одни суды квалифицировали такие действия только как получение взятки. Другие суды, напротив, исходили из того, что в этих случаях имеется также состав хищения государственного или общественного имущества.

Для того чтобы внести единообразие в решение данного вопроса, Пленум Верховного суда БССР в постановлении № 3 от 25 ноября 1961 г. «О судебной практике по делам о хищениях государственного и общественного имущества» разъяснил судам, что «получение должностным лицом лично или через посредников заведомо государственного или общественного имущества в виде взятки за выполнение или невыполнение в интересах дающего какого-либо действия, которое должностное лицо должно было или могло совершить с использованием своего служебного положения, следует квалифицировать не только как получение взятки, но и как хищение государственного или общественного имущества».

В Постановлении не говорилось о том, следует ли в этих случаях (и при каких обстоятельствах) усматривать хищение также в действиях взяткодателей и посредников. Этот вопрос требовал разъяснения, и в него была внесена ясность Пленумом Верховного Суда СССР.

Давая более подробное, развернутое разъяснение по рассматриваемому вопросу, Пленум Верховного Суда СССР в п. 4 постановления № 9 от 31 июля 1962 г. «О судебной практике по делам о взяточничестве» указал, что повышенная ответственность за дачу, получение взятки не может исключать ответственности за связанные со взяточничеством другие, не менее опасные преступления, такие, в частности, как хищение народного добра. В связи с этим Пленум разъяснил судам: «Получение по предварительному сговору должностным лицом в виде взятки заведомо государственных или общественных средств надлежит квалифицировать по совокупности преступлений как получение взятки и хищение государственного

или общественного имущества путем злоупотребления служебным положением при отягчающих обстоятельствах.

Действия взяточдателей и посредников, обращающих в свою собственность при передаче взятки часть государственных или общественных средств, а также действия должностного лица, изымающего и передающего эти средства в виде взятки в целях удовлетворения личных интересов, должны квалифицироваться как совокупность взяточничества и хищения»⁴.

В этом последнем случае имеется, в зависимости от обстоятельств дела, хищение государственного или общественного имущества в форме присвоения, растраты или злоупотребления служебным положением (ст. 91 УК). Пленум Верховного Суда СССР специально подчеркнул, что взяточдатель может отвечать за хищение передаваемого в виде взятки государственного или общественного имущества лишь в том случае, когда он это делает «в целях удовлетворения личных интересов». Необходимость установления такого признака непосредственно вытекает из понятия хищения как корыстного преступления.

3. При рассмотрении в 1973 г. судебными органами республики конкретных уголовных дел возник вопрос о том, как следует понимать абзац 2 п. 13 постановления № 4 Пленума Верховного Суда СССР от 11 июля 1972 г. «О судебной практике по делам о хищении государственного и общественного имущества». В нем сказано: «Действия должностного лица, связанные с незаконным завладением государственными и общественными денежными средствами для приобретения и последующей реализации товаров, добытых преступным путем, надлежит квалифицировать по статьям, предусматривающим ответственность за хищение»⁵.

В редакционной статье «Судебная практика по делам о хищении государственного и общественного имущества», опубликованной в журнале «Бюллетень Верховного Суда СССР», указывается, что приведенное разъяснение Пленума вызвано тем, что в судебной практике по-разному квалифицировались действия должностных лиц, кото-

---

⁴ Сборник..., с. 517—518.

⁵ Там же, с. 449.

рые за так называемый «левый товар» расплачиваются государственными или общественными денежными средствами, например изъятыми из выручки магазина.

Карагандинским областным судом осуждены по ст. 76⁴ УК Казахской ССР (хищение) бывшие заведующие отделами и продавцы ряда магазинов — К., Н. и др. за то, что от гражданки Г. (осужденной по данному делу) приняли для продажи через магазины галантерейные товары на сумму 9935 руб., добытые преступным путем, оплатили товар изъятыми из выручки магазинов деньгами и, реализовав его по более высокой цене, разницу присвоили. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда Казахской ССР, рассмотрев дело в кассационном порядке, признала правильной квалификацию действий осужденных как хищение, указав, что, приобретая сторонние товары в корыстных целях, они использовали для этого деньги, изъятые из выручки магазинов. Президиум Верховного суда республики приговор суда и определение коллегии оставил без изменения.

Некоторые суды считали такие действия злоупотреблением служебным положением, ссылаясь на то, что умысел виновных не был направлен на безвозмездное изъятие государственных средств.

В связи с этим Пленум Верховного Суда СССР и разъяснил, что указанные действия надлежит квалифицировать по статье, предусматривающим ответственность за хищение⁶.

Но следует ли понимать это разъяснение Пленума в том смысле, что указанная квалификация должна применяться независимо от содержания и направленности умысла должностного лица? Нам думается, что нет. Ведь возможны и чаще всего встречаются случаи, когда, приобретая товары, добытые преступным путем, должностное лицо (чаще всего заведующий магазином) лишь временно заимствует часть выручки для оплаты товара с намерением возратить затем эту сумму после реализации товаров, что и подтверждается последующими действиями данного лица (присваивается лишь разница между вырученной от продажи «левого товара» суммой и позаимствованной из выручки). Следовательно, в рассматриваемом случае налицо так называемое «временное по-

⁶ «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1972, № 5, с. 46.

займствование» государственных или общественных средств без цели присвоения, которое нельзя рассматривать как хищение⁷. Поэтому рассматриваемые преступные действия должностного лица следует квалифицировать как совокупность злоупотребления служебным положением, вызывшегося во временном позаймствовании вверенных государственных или общественных средств и использовании торгового учреждения для реализации «левого товара» (ст. 166 УК), приобретения имущества, заведомо добытого преступным путем (ст. 203), и спекуляции (ст. 151).

Лишь в том случае, когда умысел виновного был направлен на хищение взятых из выручки денег, а намерение погасить образовавшуюся недостачу возникло лишь после этого (например, в связи с ожидавшейся ревизией), в указанной выше квалификации ст. 166 должна быть заменена ст. 91 (или 94) УК.

Иное понимание данного вопроса противоречило бы общему понятию хищения, прочно сложившемуся в теории и судебной практике, и соответствующему смыслу действующего уголовного законодательства.

Комментируемое разъяснение Пленума Верховного Суда СССР нельзя рассматривать в отрыве от других его разъяснений, относящихся к характеристике признаков хищения. В частности, в п. 3 постановления № 4 от 11 июля 1972 г. указывается, что от хищения путем злоупотребления служебным положением «суды должны отличать такое злоупотребление служебным положением, которое, хотя и было совершено по корыстным мотивам и причинило материальный ущерб государству или общественной организации, однако не связано с безвозмездным обращением социалистического имущества в свою собственность или собственность других лиц (например, ...временное пользование имуществом без намерения обратить его в личную собственность или в собственность других лиц)»⁸.

При временном позаймствовании отнюдь не обязательно, чтобы лицо намерено было возвратить то же имущество (в смысле индивидуально определенной вещи). Для временного пользования могут быть взяты предметы,

⁷ См.: Кригер Г. А. Квалификация хищений социалистического имущества. М., 1974, с. 76.

⁸ Сборник..., с. 446.

определяемые родовыми признаками, с намерением возвратить аналогичные вещи или деньги с намерением возвратить такую же сумму через некоторое время. Важно лишь, чтобы имело место именно временное позаимствование имущества (т. е. изъятие, сопряженное с намерением возвратить его), а не хищение под видом такого позаимствования. Голословное, ничем не подкрепленное утверждение виновного о том, что изъятая им из выручки сумма денег позаимствована лишь временно, не исключает хищения, так как в этом случае действует, на наш взгляд, презумпция вины в хищении, которая может быть опровергнута конкретными обстоятельствами дела. В противном случае любой преступник мог бы избежать ответственности за хищение, заявив при задержании, что он намерен был взять имущество лишь на определенное время, без цели обращения его в свою собственность или собственность другого лица.

4. В практике судебных органов республики вызывало трудности решение вопроса о том, как следует квалифицировать действия водителей и кондукторов рейсовых автобусов, которые, не выдавая пассажирам билетов, присваивают полученные от них в качестве платы за проезд деньги, а также действия часовых мастеров, фотографов и других работников государственных предприятий и общественных организаций, присваивающих деньги, полученные от клиентов за выполнение их заказов, не оформленных надлежащим образом. Имеется ли в этих и других сходных случаях состав хищения государственного или общественного имущества (ст. 91 или 94 УК) или действия виновных нужно рассматривать как частнопредпринимательскую деятельность либо как причинение имущественного ущерба государственной или общественной организации путем обмана или злоупотребления доверием, не являющееся хищением (ст. 92 УК)? Этот вопрос возникал в связи с тем, что в литературе предлагалось второе из указанных решений, т. е. отрицалось наличие хищения в действиях виновных⁹. Какие же доводы приводятся в обоснование этого мнения?

---

⁹ Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР 1960 г. Л., 1962, с. 197; Михайленко П., Носенко А. Преступления против социалистической собственности. Киев, 1961, с. 21; Советское уголовное право, часть Особенная. Киев, 1968, с. 169—170; Панов Н. И. Уголовная ответственность за причинение имущественного ущерба путем обмана

М. Лысов считает, что присвоение работником государственного учреждения, предприятия или общественной организации полученных с клиентов денег следует рассматривать как хищение государственного или общественного имущества только тогда, когда выполняемые работы были надлежащим образом оформлены, а плата за них передана в кассу учреждения, предприятия или организации либо уполномоченному на это лицу. Если же работник социалистической организации, на которого возложена обязанность одновременного приема заказов, их выполнения и расчета с клиентом за выполнение работы, присваивает деньги, полученные с клиентов за выполнение не оформленных должным образом работ, то эти действия нельзя рассматривать как хищение государственного или общественного имущества. Они являются частнопредпринимательской деятельностью, но если при выполнении таких работ лицо использует сырье, материалы, запасные части и другие предметы, принадлежащие государству или общественной организации, виновный отвечает также за хищение¹⁰.

Следственные и судебные органы нашей республики решали этот вопрос иначе. Они всегда рассматривали присвоение работником государственного учреждения, предприятия или общественной организации денег, полученных от пассажиров, клиентов, заказчиков и других граждан в качестве платы за выполнение для них тех или иных работ, как хищение государственного или общественного имущества независимо от того, было ли оформлено выполнение работы надлежащим образом, но при условии, если данное лицо уполномочено принимать такую плату от имени социалистической организации.

Так были квалифицированы, например, действия Г. и С. Работая шоферами 2-го автобусного парка г. Минска

или злоупотребления доверием. Автореф. дис. на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Харьков, 1973, с. 6, 9, 10, 16—17; *Майоров С. Е.* Некоторые вопросы квалификации причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 94 УК РСФСР).— «Труды Высшей следственной школы МВД СССР», вып. 1. Волгоград, 1969, с. 199—201.

¹⁰ *Лысов М.* Разграничение хищений, частнопредпринимательской деятельности и причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием («Советская юстиция», 1965, № 21, с. 23, 24).

и перевоза пассажиров из Минска в другие населенные пункты, они получали в кассе парка автобусные билеты для продажи их в пути следования тем пассажирам, которые не взяли билетов в кассе. Г. и С. систематически путем неоднократной продажи одних и тех же билетов присваивали полученные от пассажиров их автобуса деньги за проезд. Делалось это следующим образом. Получая от пассажиров плату за проезд, Г. и С. выдавали им билеты. Впоследствии, по прибытии на станцию назначения, граждане по просьбе шоферов возвращали билеты. В билетах и их корешках Г. и С. вытравляли реквизиты при помощи уксусной эссенции и продавали их вторично, а полученные от первой реализации деньги присваивали. Всего Г. было присвоено 138 р. 11 к., а С.— 25 р. 16 к. По приговору народного суда Октябрьского района г. Минска от 3 июня 1963 г., измененному определением Судебной коллегии по уголовным делам Минского областного суда от 26 июля 1963 г., Г. осужден по ч. 1 ст. 91, а С.— по ч. 1 ст. 94 УК.

В приведенном примере поступление денег от пассажиров в фонд социалистической организации было оформлено выдачей проездных билетов, а затем деньги присвоены путем повторной продажи билетов, что дало возможность скрыть совершенное хищение. Но положение, по нашему мнению, нисколько не меняется и в случае, когда шофер или кондуктор билетов пассажирам не выдает или выдает на меньшую сумму, чем положено, а полученные деньги или часть их присваивает. Поэтому правильно был признан виновным в хищении государственных средств З., который, работая шофером 2-го автобусного парка г. Минска, во время поездки получил от 25 пассажиров деньги в сумме 51 р. 13 к., но билетов им не выдал с целью присвоения указанной суммы. Когда в двух километрах от г. п. Желудок автобус был остановлен линейным контролером, З. не открыл дверь салона автобуса и не дал возможности проверить у пассажиров билеты. Затем с целью сокрытия совершенного преступления З. возвратился на автобусную станцию Желудок, выдал там 16 пассажирам билеты на сумму 31 р. 04 к., а в пути следования выдал билеты на сумму 20 р. 09 к. еще девяти оставшимся пассажирам. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда БССР в определении от 17 ноября 1972 г. пришла к выводу, что действия З.

правильно признаны хищением государственного имущества¹¹.

Разумеется, о хищении может идти речь в случаях, когда лицо уполномочено принимать от граждан плату за оказание им социалистической организацией тех или иных услуг. Если работник, непосредственно выполняющий соответствующую работу, не наделен правилом расчета с клиентами, то получение им и присвоение платы за выполненную работу в обход установленных правил оформления заказов и расчета с клиентами должно рассматриваться как преступление, предусмотренное ст. 92 УК или — если имеются признаки частнопредпринимательской деятельности — ч. 1 ст. 150 УК. В этих случаях, как правильно отмечает М. Д. Лысов, плата за выполненные работы передается клиентом не в собственность государственной или общественной организации, а непосредственно в личную собственность исполнителя работ и, следовательно, такие суммы нельзя рассматривать как поступившие в фонд социалистической организации¹². Поэтому шофер грузовой автомашины за ее использование для перевозки в частном порядке грузов или пассажиров и присвоение полученных за такую перевозку денег отвечает по ст. 92 УК¹³.

¹¹ Определение по делу З. представляет интерес и в отношении понятия оконченного хищения. В нем указывается, что в приговоре народного суда Ленинского района г. Минска от 29 августа 1972 г. действия З. были неправильно квалифицированы по ст. 15 и 91, ч. 1, УК. З. уже изъял 51 р. 13 к. государственных средств и имел реальную возможность пользоваться и распоряжаться ими по своему усмотрению. Поэтому вывод суда о том, что хищение окончено не было и что в данном случае имело место покушение на хищение государственного имущества, является необоснованным. В соответствии с п. 10 постановления № 4 Пленума Верховного Суда СССР от 11 июля 1972 г. «хищение следует считать оконченным, если имущество изъято и виновный имеет реальную возможность им распоряжаться по своему усмотрению или пользоваться им». (Сборник..., с. 448).

Данного вопроса — разграничения оконченного хищения и покушения на него — мы касаться не будем, поскольку он уже рассмотрен нами в кн.: *Горелик И. И., Тишкевич И. С. Вопросы уголовного права (Общей части) в практике Верховного суда БССР. Минск, 1973, с. 124—128.*

¹² См.: *Лысов М. Указ. статья, с. 23.*

¹³ На необходимость такого дифференцированного подхода к оценке рассматриваемых действий водителей автомашин обращено внимание в Комментарий к Уголовному кодексу БССР. Минск, 1971, с. 181.

Однако нельзя согласиться с М. Д. Лысовым и другими авторами в том, что не может рассматриваться как хищение государственного или общественного имущества присвоение сумм, полученных с клиентов, заказчиков, лицом, уполномоченным на оформление выполнения работы и получение денег, если такое оформление не было сделано. Ведь и в этих случаях деньги поступают в социалистическую организацию, поскольку вручаются лицу, уполномоченному принимать плату от имени этой организации и за выполнение ею определенных работ. То, что заказ в этом случае не оформляется, является лишь способом сокрытия хищения, более ухищренной формой завладения государственным или общественным имуществом с целью избежать ответственности.

Н. И. Панов правильно указывает, что «право собственности у социалистических организаций на имущество, поступающее от отдельных граждан в качестве обязательных платежей, возникает с момента передачи им этого имущества, то есть с момента вручения имущества представителям социалистических организаций, уполномоченным на его получение и оприходование. Поэтому обращение последними в личную пользу имущества, переданного гражданами в собственность государственных или общественных организаций в качестве платы за полученные имущественные услуги, должно рассматриваться как хищение социалистического имущества. Причем для ответственности не имеет значения, были или не были оформлены виновным соответствующие документы на получение от граждан денежных средств (обязательных платежей)»¹⁴. Мысль правильная, заслуживающая поддержки. Но далее тот же автор сводит на нет свое утверждение, продолжая: «Важно другое, чтобы гражданин, вручая свое личное имущество представителю социалистической организации, фактически передавал его в собственность этой организации. Если же имущество, подлежащее поступлению от отдельных граждан государственным или общественным организациям в качестве обязательных платежей, передается не в собственность этих организаций, а в собственность виновного, то оно не может быть признано поступившим в фонд социалистической организации (например, получение кондуктором ав-

---

¹⁴ Панов Н. И. Указ. автореферат, с. 16.

тобуса денег от пассажиров, которые оплачивают стоимость проезда, но передают деньги в личную собственность кондуктора и не требуют выдачи им билетов). Обращение в личную собственность такого имущества лицом, обладающим правом расчета с гражданами, не может рассматриваться как хищение социалистического имущества. При наличии всех прочих условий подобные действия должны квалифицироваться по ст. 87 УК УССР»¹⁵ (ст. 92 БССР). Вот с этим уже трудно согласиться.

И в подобных случаях деньги передаются в качестве платежа не частному лицу, а представителю социалистической организации, уполномоченному на получение от граждан платы за соответствующие услуги. Станут ли деньги фактически достоянием социалистической организации, зависит от честности указанного представителя, а не от усмотрения плательщика. Передавая деньги, последний не вправе распоряжаться ими по своему усмотрению и решать вопрос, куда должны они поступить: в фонд социалистической организации или в личную пользу уполномоченного на получение платежей лица. Мы сознательно избегаем слов «в собственность» этого лица, так как собственником ввиду незаконности его действий он не становится и не может стать. Это хорошо понимают и плательщик, и лицо, получающее деньги не за личную услугу, а за выполнение им определенных работ в качестве представителя социалистической организации.

Вносимая клиентами, заказчиками плата за те или иные услуги или работы, выполняемые социалистической организацией, включает не только оплату затраченного ее представителями труда, но и стоимость использованных для этого сырья, материалов, электроэнергии, амортизацию машин и другие компоненты, учитываемые при определении размеров платежа. Следовательно, виновный, присваивающий вносимые в социалистическую организацию суммы, еще до этого незаконно, в корыстных целях распорядился как своим собственным тем или иным имуществом, принадлежащим государственному учреждению, предприятию и общественной организации. Учитывая данное обстоятельство, сторонники критикуемой нами точки зрения указывают на наличие в подобных

---

¹⁵ Панов Н. И. Указ. автореферат, с. 16—17.

случаях совокупности частнопредпринимательской деятельности и хищения государственного или общественного имущества. М. Д. Лысов пишет: «Иногда (лучше было бы сказать: как правило — **И. Т.**) при выполнении указанных работ лицо использует сырье, материалы, запасные части и другие предметы, принадлежащие государству или общественной организации. Все содеянное при таких обстоятельствах необходимо рассматривать как совокупность составов частнопредпринимательской деятельности и хищения»¹⁶. Но мы полагаем, что в этих случаях нет совокупности, а имеется лишь состав хищения, так как умысел виновного направлен на завладение всей поступающей в социалистическую организацию суммой денег, а не только стоимостью затраченных при производстве работы материалов, запасных частей и т. п. О частнопредпринимательской деятельности в рассматриваемых случаях, как нам представляется, можно говорить лишь тогда, когда работник социалистической организации, прикрываясь вывеской этой организации, выполняет частные заказы без использования принадлежащих организации сырья, материалов, электроэнергии и т. д., т. е. по сути дела выполняет заказ не как работник данного предприятия, учреждения, а как частное лицо, лишь прикрывающее свою частнопредпринимательскую деятельность работой в социалистической организации. Но в этом случае нет хищения государственного или общественного имущества.

Авторы, отрицающие наличие хищения в случаях присвоения работником государственного учреждения, предприятия или общественной организации платы за произведенную ими для плательщика работу без оформления заказа в установленном порядке, вынуждены признать наличие хищения в случаях составления фиктивного документа о производстве работ. М. Д. Лысов по этому поводу указывает, что «иногда оформление заказов может сопровождаться совершением различного рода злоупотреблений: выписывание фиктивных квитанций, выписывание квитанций на часть полученных от клиента сумм и др. Во всех подобных случаях, когда злоупотребление своим служебным положением осуществляется для завладения государственным или общественным иму-

---

¹⁶ Лысов М. Указ. статья, с. 24.

ществом, такие действия подпадают под признаки ст. 92 УК РСФСР»¹⁷ (ст. 91 УК БССР). Но спрашивается, какая разница между этими случаями и присвоением соответствующих сумм при выполнении вовсе не оформленных заказов? Направленность умысла преступника одна и та же, объективные признаки преступления также аналогичны. Может быть, разница состоит в том, что в отношении одного клиента виновный не опасается разоблачения, а другого побаивается и поэтому создает видимость оформления заказа? Однако какое это может иметь значение для решения вопроса о наличии в его действиях состава хищения государственного или общественного имущества? Хищение будет в обоих случаях. Другое дело, что может встать вопрос и об ответственности за подлог документов, если они подделаны с целью хищения или для его сокрытия.

Обоснованно указывая, что при хищении происходит незаконное завладение имуществом, которое в момент совершения преступления является собственностью государственных или общественных организаций, некоторые авторы неправильно, как нам представляется, определяют момент перехода имущества в собственность социалистической организации. Так, С. Е. Майоров пишет: «В соответствии... со ст. 30 «Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик» право собственности у приобретателя имущества возникает с момента передачи этого имущества. Передачей признается вручение вещи приобретателю. Согласно этому положению, для признания имущества собственностью государственных или общественных организаций необходимо, чтобы данное имущество поступило в фонды этих организаций и в установленном порядке было учтено по стоимости, весу, размеру, количеству и т. п.»¹⁸. Мы полагаем, что для признания имущества государственным или общественным достаточно, чтобы оно было передано представителю социалистической организации в виде платы за ту или иную услугу, обязательного платежа и т. д., и вовсе не обязательно, чтобы деньги или иное имущество поступили в кассу, на склад предприятия или организации и были точно подсчитаны, взвешаны, измерены и оприхо-

¹⁷ Лысов М. Указ. статья, с. 23.

¹⁸ Майоров С. Е. Указ. статья, с. 201.

дованы. Если, например, похищаются скошенное сено, выловленная рыба, монеты, находящиеся в телефонах-автоматах или в автоматических кассовых аппаратах, то налицо, конечно, хищение государственного или общественного имущества, хотя имущество еще не оприходовано в установленном порядке и его количество, вес и т. п. не определены.

И, наконец, последний довод в пользу отстаиваемой нами точки зрения. Признание присвоения кондукторами и водителями рейсовых автобусов полученной от пассажиров без выдачи им билетов платы за проезд и аналогичных действий других работников социалистических организаций не хищением, а преступлением, предусмотренным ст. 92 УК, может привести к неправильной морально-политической оценке этих действий и к признанию их деяниями, не влекущими уголовной ответственности (ст. 92 УК содержит в санкции указание на возможность применения мер общественного воздействия). Не потому ли во многих транспортных организациях подобные преступления именуются не хищениями, а «нарушениями финансовой дисциплины», за которые виновные отделяются лишь дисциплинарными взысканиями или, в худшем для них случае, увольнением с работы?

Все сказанное дает основание для вывода, что судебная практика нашей республики по рассматриваемому вопросу придерживается позиции, соответствующей действующему уголовному законодательству и интересам решительной борьбы с такими хищениями государственного или общественного имущества, как представляющими значительную общественную опасность и, к сожалению, все еще распространенными посягательствами на социалистическую собственность.

Сложившаяся в нашей республике практика по рассматриваемому вопросу в настоящее время полностью (или почти полностью) согласуется с разъяснением, которое дано в постановлении № 4 Пленума Верховного Суда СССР от 11 июля 1972 г. Здесь (в п. 21) сказано: «Обращение в свою собственность денежных средств работниками сферы обслуживания населения, полученных от заказчика по прейскуранту, за выполненную им работу с использованием сырья или материалов предприятия, следует рассматривать как хищение государственного или общественного имущества.

В случаях, когда при этом не используется сырье или материалы предприятия, содеянное надлежит квалифицировать по ст. 94 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик как причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием, если в действиях такого лица нет признаков частнопредпринимательской деятельности»¹⁹.

В постановлении говорится об использовании «сырья или материалов предприятия», но, по нашему мнению, эта формулировка подлежит распространительному толкованию: под использованием «материалов» следует понимать и использование оборудования, машин, горючего, электроэнергии и т. д. Поэтому и водитель или кондуктор рейсового автобуса, и шофер такси, присвоившие полученные по установленному тарифу от пассажиров деньги в качестве платы за проезд, должны отвечать за хищение государственных средств. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в п. 21 постановления Пленума квалификация соответствующих действий работников сферы обслуживания как хищения несколько не связывается с тем, было ли оформлено выполнение работы с соблюдением установленных правил. И это понятно. Лицо, присваивающее поступающие платежи без их оформления, является более опасным расхитителем социалистической собственности, чем то, которое соответствующим образом оформляет выполнение заказа и лишь затем присваивает полученные от заказчиков деньги. Во втором случае преступника легко разоблачить при первой же ревизии, в то время как в случае неоформления заказов ревизия может и не вскрыть хищения.

5. Спорным в теории и судебной практике продолжает оставаться вопрос о квалификации подделки билетов денежно-вещевой лотереи с целью незаконного получения выигрышей. По мнению одних, в этих случаях налицо государственное преступление — подделка государственных ценных бумаг (ст. 84 УК)²⁰, по мнению других, — поку-

¹⁹ Сборник..., с. 451.

²⁰ См.: Советское уголовное право, часть Особенная. М., 1962, с. 70; Комментарий к УК РСФСР. Л., 1962, с. 181; Научный комментарий УК РСФСР. Свердловск, 1964, с. 199; Вакуленко В., Никольский Н. Некоторые вопросы применения ст. 87 УК РСФСР в судебной практике. — «Социалистическая законность», 1964, № 11, с. 31; Карпушин М., Хаспулатова К. Ценные бумаги. — «Социалистическая законность», 1969, № 10, с. 42.

шение на хищение, а в случае получения выигрыша — оконченное хищение государственного или общественного имущества ²¹.

Неустойчивость судебной практики и спорность данного вопроса нашли отражение и в Комментарий к Уголовному кодексу Белорусской ССР. В первых двух его изданиях билеты денежно-вещевой лотереи признавались государственными ценными бумагами и, следовательно, их подделка рассматривалась как преступление, предусмотренное ст. 84 УК ²². В третьем издании билеты денежно-вещевой лотереи уже не упоминаются в числе государственных ценных бумаг ²³, из чего можно сделать вывод, что их подделка не признается государственным преступлением и рассматривается как посягательство на социалистическую собственность. Однако судебно-прокурорские органы республики, в том числе и Верховный суд БССР, продолжают, по-видимому, считать, что квалификация таких действий по ст. 84 УК является обоснованной. Об этом можно судить, в частности, по позиции, занятой органами следствия, прокуратурой и судом при рассмотрении дела супругов О. Они были осуждены 11 марта 1971 г. Судебной коллегией по уголовным делам Могилевского областного суда по ч. 1 ст. 84 УК за совершение следующих действий.

В июне 1968 г. после опубликования официальной таблицы розыгрыша денежно-вещевой лотереи БССР 4-го выпуска О. совместно со своей женой подделали билет с целью получения по нему выигрыша. Этот билет жена О. предъявила в одну из сберегательных касс Боб-

---

²¹ См., например: *Владимиров В. А.* и др. Государственные преступления. М., 1961, с. 206; Научно-практический комментарий к Закону об уголовной ответственности за государственные преступления, изд. 2-е. М., 1961, с. 101—102; *Солопанов Ю. В.* Ответственность за фальшивомонетничество. М., 1963, с. 22; Комментарий к УК Казахской ССР. Алма-Ата, 1966, с. 224; *Борзенков Г., Вышинская З.* Как квалифицировать подделку лотерейных билетов? — «Социалистическая законность», 1968, № 8, с. 44—46; *Гуляев А., Тарасенко М.* Квалификация подделки государственных ценных бумаг. — «Советская юстиция», 1973, № 7, с. 16—17.

²² Уголовный кодекс Белорусской ССР. Комментарий. Минск, 1963, с. 90; Комментарий к Уголовному кодексу Белорусской ССР. Минск, 1966, с. 170.

²³ См.: Комментарий к Уголовному кодексу БССР. Минск, 1971, с. 154. (Автор комментариев к главе «Государственные преступления» во всех изданиях — *М. Н. Меркушев.*)

руйская и получила по нему 25 р. 95 к., которые супруги истратили на свои нужды.

В августе 1970 г. после опубликования официальной таблицы розыгрыша фестивальной лотереи БССР «50 лет ЛКСМ Белоруссии» О. и его жена подделали билет этой лотереи, по которому также был получен выигрыш (34 р. 48 к.).

В сентябре 1970 г. после опубликования официальной таблицы розыгрыша денежно-вещевой лотереи БССР 5-го выпуска супруги О. подделали билет этой лотереи, чтобы получить выигрыш в сумме 100 руб. При попытке получить по этому билету выигрыш в центральной сберкассе Бобруйска жена О. была задержана.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда БССР, оставляя приговор без изменения, в определении от 18 мая 1971 г. указала, что супруги О. правильно признаны виновными в изготовлении и сбыте поддельных государственных ценных бумаг, т. е. в преступлении, предусмотренном ч. 1 ст. 84 УК (аналогичное заключение было дано в заседании кассационной инстанции прокуратуры отдела Прокуратуры БССР).

Однако такая оценка рассматриваемых действий, как уже отмечалось, разделяется не всеми юристами. В чем же состоит сущность спора по данному вопросу? Прежде всего нет единства взглядов по вопросу о том, являются ли лотерейные билеты государственными ценными бумагами. Спор, конечно, идет лишь о тех лотерейных билетах, которые выпускаются государством (министерствами финансов союзных республик). Что касается лотерей, организуемых общественными организациями (Комитетом молодежных организаций СССР, ДОСААФ, художественным фондом и др.), то они, конечно, не являются *государственными* ценными бумагами, и поэтому подделка их не может квалифицироваться по ст. 84 УК уже потому, что эта статья устанавливает ответственность (в числе других действий) за «изготовление с целью сбыта, а также сбыт поддельных... государственных ценных бумаг». Поэтому в приведенном нами примере действия супругов О., выразившиеся в подделке билета фестивальной лотереи «50 лет ЛКСМ Белоруссии», квалифицированы по ст. 84 УК необоснованно, так как подделка лотерейных билетов, выпускаемых не государством, а общественными организациями, по общему признанию всех

авторов, касавшихся данного вопроса, не подпадает под действие указанной статьи и может рассматриваться лишь как преступление против социалистической собственности (хищение или покушение на него) ²⁴.

По вопросу о том, являются ли государственными ценными бумагами лотерейные билеты, выпускаемые государством (союзными республиками), высказаны три разные точки зрения. Одни отвечают на этот вопрос утвердительно, другие отрицательно. Высказано также мнение о том, что вопросы о правовой характеристике билета денежно-вещевой лотереи и об ответственности за его подделку должны решаться по-разному, в зависимости от того, когда она производится: до тиража выигрышей или после этого. М. Карпушин и К. Хаспулатова пишут по этому поводу следующее: «Лотерейный билет в момент его выпуска и продажи населению не может быть признан ценной бумагой, поскольку государство не гарантирует его владельцу обязательный возврат хотя бы его стоимости. После розыгрыша основная масса билетов утрачивает всякую ценность, а меньшая часть становится государственной ценной бумагой, поскольку выигравший лотерейный билет отвечает всем требованиям ценной бумаги: дает безусловное право на получение дохода — выигрыша (вещи или денежного эквивалента) только по предъявлении самого билета» ²⁵. В связи с этим предлагается по-разному квалифицировать и подделку лотерейных билетов: изготовление поддельных билетов до тиража — как приготовление к мошенничеству по ст. 15 и 144 УК, а в случае сбыта таких билетов — как оконченное мошенничество по ст. 144 УК; подделка же невыигравшего билета в выигравший, неценной бумаги в ценную, независимо от того, изготовлен ли полностью поддельный лотерейный билет либо в невыигравшем билете подделан номер, должна рассматриваться как подделка государственных ценных бумаг (ст. 84 УК). При этом указывается, что такой же позиции придерживается и Министерство финансов СССР, которое относит к ценным бумагам билеты денежно-вещевой лотереи, на которые пали выигрыши ²⁶.

---

²⁴ См.: Борзенков Г., Вышинская З. Указ. статья, с. 45; Карпушин М., Хаспулатова К. Указ. статья, с. 41; Гуляев А., Тарасенко М. Указ. статья, с. 16—17.

²⁵ Карпушин М., Хаспулатова К. Указ. статья, с. 41—42.

²⁶ Там же.

Возражая против признания билетов денежно-вещевой лотереи государственными ценными бумагами, указывают на то, что эти билеты дают владельцу только право на участие в тираже выигрышей. После проведения тиража все невыигравшие билеты погашаются и никаких обязательств перед их владельцами государство не несет. Поэтому в отличие от облигаций государственных займов, являющихся государственными ценными бумагами, невыигравшие билеты сами по себе никакой ценности не имеют. Из этого делается вывод, что денежно-вещевые лотереи не представляют собой формы государственного кредита, так как у них нет основного признака кредитных отношений — обязательства полного возврата средств каждому владельцу лотерейного билета. Поэтому обманное получение выигрыша по лотерейному билету с поддельным номером причиняет ущерб не кредитно-денежным отношениям, а социалистической собственности²⁷. Но с этим вряд ли можно согласиться.

Убедительные, на наш взгляд, аргументы в пользу отнесения билетов денежно-вещевой лотереи к государственным ценным бумагам приводят А. Гуляев и М. Тарасенко. Они обоснованно указывают на то, что отношения, возникающие в связи с проведением государством лотереи, по существу носят денежно-кредитный характер, хотя они и не полностью тождественны тем отношениям, которые складываются при совершении обычной кредитной сделки. При проведении лотереи налицо такой признак кредита, как получение одной из сторон в свое распоряжение денежных средств с обязательством возврата их через определенное время другой стороне (в данном случае — населению). Специфика государственной лотереи заключается в особых условиях возврата долга: во-первых, возвращается не вся полученная сумма денег, а лишь определенная ее часть, во-вторых, долг возвращается не каждому участнику кредитной сделки, а лишь некоторым из них путем проведения розыгрыша. Хотя биле-

---

²⁷ Борзенков Г., Вышинская З. Указ. статья, с. 44—45. См. также: Бородин С., Владимиров В. Рецензия на «Научно-практический комментарий Уголовного кодекса РСФСР» (М., 1963). — «Советская юстиция», 1964, № 11, с. 27; Ромашкин П. С. Рецензия на учебник «Советское уголовное право. Часть Особенная» (Киев, 1968). — «Труды Всесоюзного научно-исследовательского института МВД СССР», № 22. М., 1972, с. 132.

ты лотереи, на которые не пали выигрыши, теряют всякую ценность, но зато другая часть билетов приобретает большую ценность по сравнению с нарицательной стоимостью самого билета. Имущественное обязательство государства по лотерее выражено в каждом реализованном билете лотереи, так как имеется перспектива превращения его в еще более ценную бумагу в результате проведения тиража выигрышей. Проведение тиража в соответствии с условиями кредитной сделки имеет своей целью лишь превращение одной части лотерейных билетов в более ценные, другой части — в неценные бумаги ²⁸.

Но, относя билеты денежно-вещевой лотереи к государственным ценным бумагам, указанные авторы предлагают квалифицировать подделку этих билетов не по ст. 84 УК, а как посягательство на социалистическую собственность. Это мотивируется тем, что подделка билета денежно-вещевой лотереи с целью получения выигрыша не причиняет ущерба отношениям по государственному кредиту (о таком ущербе, по их мнению, можно говорить лишь в случае изготовления поддельных лотерейных билетов и их сбыта до проведения тиража выигрышей, но подобные случаи в практике не встречаются) ²⁹.

Мы полагаем, что такой подход к оценке подделки билетов денежно-вещевой лотереи является непоследовательным. Если эти билеты признаются государственными ценными бумагами, то их подделка (независимо от того, полностью ли изготовлен поддельный билет или в действительном билете подделан номер с целью получения выигрыша) должна квалифицироваться по ст. 84 УК, которая прямо предусматривает ответственность за эти действия. В ней нет никаких ограничительных условий для подобной квалификации. Конечно, степень ущерба для отношений государственного кредита может быть в одних случаях большей, в других меньшей, но это учел законодатель, установив в ч. 1 ст. 84 минимальный срок лишения свободы в три года. То, что иногда суды применяют в случаях подделки лотерейных билетов ст. 42 УК и снижают наказание ниже низшего предела или даже избирают иной, более мягкий, чем лишение свободы, вид наказания (исправительные работы), не может служить

---

²⁸ Гуляев А., Тарасенко М. Указ. статья, с. 15—16.

²⁹ См.: Гуляев А., Тарасенко М. Указ. статья, с. 16.

доводом против квалификации такой подделки по ст. 84 УК³⁰. Признание тех или иных преступлений государственными отнюдь не означает, что во всех случаях их совершения должны назначаться строгие меры наказания. В этом легко убедиться, обратившись к санкциям за такие государственные преступления, как нарушение национального и расового равноправия (низший предел лишения свободы в ст. 71 УК, предусматривающий ответственность за это преступление,— 6 мес.), недонесение о государственных преступлениях (ст. 86 УК, устанавливая наказание за данное преступление, указывает в альтернативной санкции не только лишение свободы, но и исправительные работы).

§ 2. Квалификация хищений государственного и общественного имущества и корыстных преступлений против личной собственности в зависимости от способа завладения имуществом

В практике судебных органов БССР встречаются трудности при решении ряда вопросов, связанных с разграничением отдельных видов хищений государственного и общественного имущества и преступлений против личной собственности. Часть этих вопросов нашла разрешение в руководящих разъяснениях Пленума Верховного Суда СССР и Пленума Верховного суда Белорусской ССР, но по некоторым из них еще допускаются ошибки, нет единого подхода к их решению. Встречаются случаи, когда совершенно одинаковые преступные действия виновных квалифицируются по-разному, что приводит к неединообразному пониманию и применению законодательства.

1. До сих пор у части работников следствия, прокуратуры и суда нет четкого представления о признаках кражи, грабежа и разбоя, что приводит к смешению этих преступлений, а следовательно, к неправильной их квалификации. Часто такая ошибочная квалификация влечет

---

³⁰ Этот довод приводят *Гуляев А.* и *Тарасенко М.* (указ. статья, с. 17). Они пишут о случаях применения ст. 42 УК следующее: «Получается, что, с одной стороны, суд признает совершение осужденными государственного преступления, а с другой стороны, он не находит в их действиях такой общественной опасности, которая характерна для данного государственного преступления...».

назначение виновному наказания, не соответствующего характеру и степени общественной опасности деяния, особенно если ошибочная квалификация имела место в отношении хищения государственного или общественного имущества в небольшом размере (если оно совершено путем кражи, применяется ст. 94, если путем грабежа или разбоя — ст. 88 или 89 УК; при похищении имущества небольшой стоимости путем грабежа или разбоя не может быть применена ст. 91² УК, предусматривающая возможность назначения штрафа за совершенное впервые хищение в небольших размерах).

В качестве примера ошибочной квалификации кражи как грабежа можно привести приговор народного суда Фрунзенского района г. Минска от 25 мая 1966 г., по которому Г. был необоснованно осужден по ч. 2 ст. 88 УК к трем годам лишения свободы. По приговору Г. признан виновным в том, что он, воспользовавшись занятостью продавца овощного магазина, зашел в склад этого магазина, где украл 4 бутылки яблочного вина стоимостью по 82 коп. бутылка, но на месте преступления был задержан заместителем заведующего магазином Н.

Считая правовую оценку действий Г. неправильной, заместитель председателя Верховного суда БССР внес протест в Судебную коллегия по уголовным делам Верховного суда БССР, в котором поставил вопрос о переквалификации преступления, совершенного Г., по ч. 2 ст. 94 УК.

Удовлетворяя протест, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда БССР указала, что Г. совершил не грабеж, а кражу. При грабеже государственное или общественное имущество похищается открыто, т. е. в присутствии лица, в ведении или под охраной которого оно находится, или других лиц, сознающих характер происходящего. Виновный также сознает, что он завладевает государственным или общественным имуществом заведомо для потерпевшего или других лиц.

По ст. 88, ч. 2, УК БССР подлежат квалификации и действия лица, совершившего хищение государственного или общественного имущества путем кражи, если это лицо, будучи задержанным на месте преступления, совершило в отношении кого-либо насилие, не опасное для жизни или здоровья, либо высказывало угрозу применения такого насилия с целью доведения начатого преступ-

ления до конца или удержания уже похищенного имущества.

Из показаний же свидетеля Н. и других материалов дела видно, что Г., воспользовавшись занятостью продавцов, проник в склад магазина, где никого не было, и украл 4 бутылки яблочного вина. На месте преступления он был обнаружен Н., зашедшей в склад магазина. Увидев Н., Г. без каких-либо возражений сразу же отдал украденное вино, извинился перед ней и в сопровождении работника спецплодоовощторга Б. ушел в контору магазина.

Поскольку Г. тайно похитил четыре бутылки яблочного вина и, будучи обнаруженным, не предпринимал никаких действий для доведения начатого преступления до конца или удержания похищенного, его действия органами следствия и народным судом неправильно квалифицированы по ст. 88, ч. 2, УК как хищение государственного или общественного имущества путем грабежа, совершенное при отягчающих обстоятельствах.

Учитывая, что в деле нет никаких объективных данных, которые свидетельствовали бы о том, что у Г. был умысел на хищение государственного имущества путем кражи в значительных размерах и что в данных конкретных условиях на складе овощного магазина он и не мог покушаться на такое хищение, так как ничего не имел для выноса похищенного, с которым он должен был проходить через торговый зал, где находились работники магазина и покупатели, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда БССР признала действия Г. мелким хищением и переквалифицировала их (с учетом прежней судимости Г. за хищение) по ч. 2 ст. 94 УК.

В приведенном примере Г. зашел на склад магазина в то время, когда в магазине находились продавцы и покупатели, но стремился действовать скрытно, незаметно для них, т. е. его умысел был направлен на совершение кражи, а не грабежа. Не было и изменения направленности умысла в момент обнаружения Г. на складе заместителем заведующего магазином Н. Кража в данном случае не превратилась в процессе ее осуществления в более опасное преступление (грабеж или разбой).

Если же такое превращение имеет место (например, во время совершения кражи виновный, будучи обнаруженным на месте преступления, применяет насилие или

угрозу насилем с целью завладения имуществом или для удержания его непосредственно после изъятия), должна применяться не ст. 87 (или 141), а в зависимости от характера насилия — ст. 88 (142) или 89 (143) УК. Это, к сожалению, не всегда учитывается судами при квалификации подобных действий.

Например, народный суд Лунинецкого района ошибочно квалифицировал по ч. 1 ст. 94 и ч. 2 ст. 189 УК действия К., который после кражи со склада 20 л. бензина, будучи застигнутым заправщиком Б., отказался возвратить бензин, стал угрожать Б. убийством и с целью удержать похищенное избил Б., в результате чего причинил ему легкие телесные повреждения с кратковременным расстройством здоровья. Суд не учел того, что в связи с применением К. с целью удержать похищенный бензин насилия к Б., опасного для здоровья, действия виновного следовало квалифицировать по ч. 1 ст. 89 УК (как уже указывалось, размер похищенного в данном случае значения не имеет).

Трансформация кражи в грабеж возможна и в случаях, когда виновный не применяет насилия или угрозы насилем. Это имеет место в тех случаях, когда похищенные имущества, начатое как тайное, в процессе его изъятия приобретает открытый характер. Поэтому по приговору народного суда г. Полоцка от 2 ноября 1967 г., оставленному без изменения Витебским областным судом, Я. правильно был осужден (с учетом прежней судимости за разбой) по ч. 2 ст. 142 УК. Я. с целью кражи проник через окно в квартиру своих соседей Л., но в момент изъятия принадлежащих им носильных вещей стоимостью 388 р. 10 к. и 50 руб. денег был застигнут на месте преступления хозяином квартиры. На глазах последнего Я. схватил подготовленные для выноса вещи и скрылся.

Некоторые суды ошибочно считают, что кража превращается в грабеж во всех тех случаях, когда вор, уже изъывший имущество тайно, но не успевший скрыться с места преступления, старается уклониться от задержания и унести или увезти похищенное. Они, видимо, исходят из того, что в соответствии с разъяснением Пленума Верховного Суда СССР хищение считается оконченным, «если имущество изъято и виновный имеет реальную возможность им распорядиться по своему усмотрению или

пользоваться им». Пока такой возможности нет, завладение имуществом продолжается, и поэтому оно может превратиться из тайного в открытое. Однако такой формальный подход к разграничению кражи и грабежа без выяснения направленности умысла виновного не может быть признан правильным. Верховный суд БССР постоянно требует тщательно оценивать конкретные обстоятельства дела, устанавливая действительные намерения виновного и лишь с учетом содержания субъективной стороны преступления решать вопрос о том, что было совершено: кража или грабеж.

В этом отношении представляет значительный интерес определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда БССР от 29 марта 1974 г. по делу К.

Народным судом Центрального района г. Минска К. 10 апреля 1973 г. был осужден (с учетом прежней судимости за хищение) по ч. 2 ст. 88 УК. Он был признан виновным в том, что в секции мужской обуви Минского универмага тайно похитил туфли стоимостью 29 р. 60 к., спрятал под пальто и пытался скрыться. Заведующая секцией В. пыталась задержать вышедшего из секции с похищенным К., но он с целью удержания похищенного применил физическую силу, вырвался и стал убежать, однако с помощью граждан был задержан.

Рассмотрев данное дело в порядке надзора, Судебная коллегия Верховного суда БССР переqualificировала действия К. по ч. 2 ст. 94 УК. Свой вывод о том, что К. совершил кражу, а не грабеж, она мотивировала следующим образом.

Свидетель В. показала, что во время работы в секции мужской обуви универмага она заметила, что у вышедшего из секции К. что-то торчало под пальто. Она незаметно посмотрела и обнаружила туфли. В это время К. оттолкнул ее локтем и стал убежать. На лестнице она его догнала, схватила за пальто, но он вырвался и побежал, однако был задержан гражданами и у него из-под пальто выпали туфли. Таким образом, К. никакого насилия к В. с целью удержания похищенного не применял, а лишь пытался скрыться с тайно похищенными туфлями. Тот факт, что К. при попытке В. проверить, что у него находится под пальто, оттолкнул ее локтем, чтобы не быть задержанным, не может рассматриваться как хищение государственного имущества путем грабежа.

На необходимость вдумчивой оценки субъективной направленности действий виновного обращено внимание и в определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда БССР от 14 мая 1974 г. по делу Л., осужденного народным судом г. Бобруйска по ч. 1 ст. 88 УК за совершение следующих действий.

Л. с целью кражи зашел в универмаг г. Бобруйска и попросил у продавца для примерки костюм. В примерочной кабине Л. надел на себя брюки от этого костюма стоимостью 34 р. 80 к. и поверх их надел свои брюки. Когда при сдаче костюма продавец Ф. спросила, где брюки, Л. ответил, что они остались в примерочной кабине. Ф. предложила ему принести брюки, однако он, возвратившись из кабины, заявил, что их там нет. После этого вырвался от Ф. и убежал.

Судебная коллегия Верховного суда БССР переквалифицировала действия Л. по ч. 1 ст. 94 УК. В обоснование своего решения она сослалась на то, что «Л. тайно похитил брюки: Ф. и другие лица не видели, как Л. похищал брюки, не знали, что именно он их похитил. Сам Л. также считал, что никто не видел и не знает, что он похитил брюки. Для удержания похищенного он никакого насилия к Ф. не применял, а лишь пытался скрыться с похищенным».

Иногда суды ошибочно квалифицируют как грабеж совершаемое незаметно для других лиц похищение имущества у спящих, пьяных, слепых, не сознающих того, что у них похищается имущество. Такая ошибка была допущена, например, в приговоре народного суда Светлогорского района от 27 марта 1969 г. Этим приговором осуждены за грабеж Р. и К., которые похитили вещи у неизвестного им пьяного гражданина, спавшего на уличной скамейке. Они затащили его в подъезд дома, где из кармана изъяли 5 руб. и 2 лотерейных билета, затем, оставив потерпевшего в подъезде, ушли. В это время никого из посторонних на месте преступления не было. Пьяный никакого противодействия преступникам не оказывал, поэтому воры были убеждены, что он не осознает происходящего. В связи с этим заместитель Председателя Верховного суда БССР принес протест в Президиум Гомельского областного суда, в котором поставил вопрос о переквалификации действий К. и Р. с ч. 2 ст. 142 на ч. 2 ст. 141 УК.

Постановлением Президиума Гомельского областного суда от 4 августа 1969 г. протест удовлетворен.

Особенностью грабежа является то, что похищение имущества заведомо для виновного осознается хотя бы одним посторонним для него человеком, т. е. таким, который ни в коей мере не причастен к совершаемому им общественно опасному деянию и, следовательно, может помешать его совершению. Именно это обстоятельство делает грабеж более дерзким преступлением по сравнению с кражей: субъект пренебрегает тем, что преступление выполняется в присутствии лица, ведающего имуществом или охраняющего его, либо других граждан, которые, выполняя свой служебный или гражданский долг, могут оказать противодействие посягательству. Если же присутствующее при совершении похищения имущества лицо не является посторонним в указанном выше смысле, похищение должно рассматриваться как тайное.

М., будучи шофером колхоза, перевозил на автомашине зерно от комбайнов на склад. Воспользовавшись этим, он похитил 810 кг пшеницы, которую продал И. за 20 руб. О хищении знали грузчики С. и П., поскольку оно было совершено в их присутствии. На этом основании народный суд Поставского района 13 октября 1969 г. осудил М. по ч. 1 ст. 88 УК к одному году исправительных работ по месту работы. По протесту заместителя Прокурора БССР Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда БССР определением от 17 февраля 1970 г. отменила приговор ввиду неправильной квалификации преступления и мягкости назначенного наказания. При этом коллегия указала следующее: «Из показаний осужденного и свидетелей С. и П. видно, что М. совершил преступление с ведома последних. Об этом свидетельствует тот факт, что когда М. сдал пшеницу кладовщику и подогнал автомашину к складу для разгрузки, то он, М., попросил грузчиков С. и П. не разгружать всю пшеницу, а оставить часть для него, что они и сделали. При наличии таких данных народный суд без достаточных оснований признал М. виновным в грабеже, так как в его действиях имеется состав преступления, предусмотренный ч. 1 ст. 87 УК БССР».

Нет грабежа, а имеется кража и в случае, когда лицо, достигшее возраста, с которого наступает уголовная ответственность, для совершения совместного тайного

похищения имущества привлекает других лиц, не достигших указанного возраста. И в данном случае нет очевидцев посторонних. Иногда это не учитывается органами следствия и судами, что приводит к ошибкам при квалификации подобных действий.

Так, в приговоре народного суда Фрунзенского района г. Минска от 12 ноября 1968 г. неправильно были квалифицированы как грабеж действия Н., выразившиеся в следующем. Вечером, находясь на лодочной станции Комсомольского озера в г. Минске, Н., покатавшись на лодке с двумя мальчиками (10 и 12 лет), предложил им обворовать кассу лодочной станции. Получив их согласие, он выломал окно в кассе, просунул руку и забрал из ящика стола 30 руб. государственных денег, а из сумочки кассира К.—принадлежащие ей 15 руб. После этого Н. отправил детей домой, а сам пошел в ресторан и похищенные деньги израсходовал.

Считая, что Н. совершил хищение в присутствии детей, народный суд (как и органы следствия) квалифицировали его действия как совокупность грабежа, посягающего на социалистическую собственность, и грабежа, имеющего своим объектом личную собственность. Заместитель Председателя Верховного Суда СССР, считая такую квалификацию неправильной, внес протест в Президиум Минского областного суда, в котором поставил вопрос о переквалификации действий Н. в описанной части по статьям УК, предусматривающим хищение государственного или общественного имущества путем кражи и кражу личного имущества граждан. Мотивировалось это тем, что «очевидцев хищения Н. денег из кассы не было... деньги Н. похитил не открыто, как указано в приговоре, а тайно по сговору с двумя мальчиками 10—12-летнего возраста, которые согласно ст. 10 УК БССР уголовной ответственности не подлежат».

При разграничении кражи и грабежа нужно тщательно выявлять направленность умысла виновного, а также сознавало ли лицо, в присутствии которого похищалось имущество, факт совершения данного преступления. Если виновный имел намерение действовать открыто, зная, что о похищении в момент изъятия будет известно сторожу или иному лицу, не участвующему в хищении, его действия должны рассматриваться как грабеж. Именно так обстояло дело при похищении государствен-

ного имущества, совершенном А., Х. и Ж. По предварительному сговору между собой они похитили из Могилевского мясокомбината две бочки (146 кг) говяжьего жира стоимостью 267 р. 12 к., который на санках вывезли через проходную расположенной рядом Могилевской областной базы по техническому обслуживанию легковых автомобилей. Во время хищения один из его участников — Х. — зашел в дежурную комнату проходной, где находилась сторож вневедомственной охраны Ч., и стал с ней разговаривать. Ч. предложила ему уйти, и он ушел, но затем под предлогом прикурить возвратился. В это время сторож услышала в коридоре проходной какой-то шум и хотела выйти в коридор, однако Х. ее не пустил, сказал: «Не твое крадем, не ходи», потребовал, чтобы Ч. молчала и не поднимала тревогу. Когда все стихло, Х. ушел. Ч. вышла за ним, но никого не увидела.

За указанные действия А., Х. и Ж. 16 марта 1962 г. осуждены народным судом г. Могилева по ч. 2 ст. 88 УК. Постановлением Президиума Могилевского областного суда от 4 декабря 1964 г., а затем определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда БССР от 15 января 1965 г. оставлен без удовлетворения протест заместителя Прокурора БССР, в котором ставился вопрос о переквалификации действий осужденных по ч. 2 ст. 87 УК. В определении указано, что А., Х. и Ж. сознавали, что совершают хищение государственного имущества открыто, а поэтому их действия правильно расценены судом как грабеж и квалифицированы по ч. 2 ст. 88 УК. Добавим от себя, что о похищении в момент его совершения знала и сторож Ч. Услышав шум в проходной, она заподозрила, что совершается хищение. Но Х., не скрывая намерений преступной группы, в которую он входил, помешал сторожу выйти в проходную и заставил ее молчать.

Протест прокурора был бы обоснованным, если бы Х. имел намерение отвлечь внимание сторожа, чтобы дать возможность своим сообщникам незаметно провезти похищенное через проходную, т. е. если бы заведомо для него сторож не сознавала факт хищения.

В судебной практике встречаются случаи, когда неправильно квалифицируются как разбой действия, не представляющие собой нападения на кого-либо с целью завладения чужим имуществом, т. е. не связанные с при-

менением с этой целью насилия, опасного для жизни или здоровья потерпевшего, либо с угрозой применения такого насилия.

В приговоре народного суда Вилейского района от 19 июня 1963 г., оставленном без изменения Минским областным судом, были ошибочно квалифицированы как разбой по ч. 1 ст. 89 УК следующие действия М. С целью хищения совхозного картофеля М., имея при себе охотничье ружье, подошел ночью 1 мая 1963 г. к сараю совхоза, выстрелом сбил с сарая замок. Поскольку во время нахождения в сарае в результате неосторожного обращения М. с огнем возник пожар, М., не похитив картофеля, скрылся.

Признавая квалификацию действий М. неправильной, заместитель Председателя Верховного суда БССР принес протест в Президиум Минского областного суда, в котором указал на неправильную квалификацию преступления М. по ч. 1 ст. 89 УК. Эта статья предусматривает ответственность за разбой, т. е. за нападение с целью завладения государственным или общественным имуществом, соединенное с насилием, опасным для жизни или здоровья лица, в ведении или под охраной которого находилось имущество или которое препятствовало завладению имуществом, либо с угрозой применения такого насилия. Из материалов же дела видно, что сарай, в котором хранился совхозный картофель, 1 мая 1963 г. никем не охранялся, о чем М. знал. Во время проникновения в совхозный сарай с целью хищения картофеля М. ни на кого не нападал, в это время никого из работников совхоза вблизи сарая не было. Действия М. не могут рассматриваться как разбой, так как не содержат основного элемента состава этого преступления — нападения. Не может служить основанием для такой квалификации то, что во время проникновения в совхозный сарай М. имел при себе оружие, ибо оно им было взято, чтобы путем выстрела сбить с сарая замок. Поэтому действия М. следует квалифицировать по ст. 15 и 87, ч. 1, УК как покушение на кражу социалистического имущества (по ст. 97 УК М. осужден правильно, так как пожаром совхозу причинен ущерб на 10 665 руб.).

Постановлением Президиума Минского областного суда от 15 февраля 1964 г. протест удовлетворен. Действия М., вызвавшие в покушении на кражу картофеля,

президиум квалифицировал по ст. 15 и ч. 1 ст. 87 УК и назначил по этой статье (с учетом прежней судимости за злостное хулиганство) три года лишения свободы (по ч. 1 ст. 89 УК народным судом было назначено 8 лет лишения свободы).

Приведенный пример наглядно показывает, к каким серьезным нарушениям прав подсудимого (в частности, при назначении ему наказания) может привести неправильная квалификация похищения имущества (например, признание кражи грабежом или разбоем).

По нашему мнению, назрела необходимость в руководящих разъяснениях Пленума Верховного суда республики по вопросу о судебной практике по делам о грабежах и разбоях³¹. Это устранило бы разноречивую в квалификации указанных преступлений, приводящую к неправильной оценке преступных действий виновных, а иногда и к смешению уголовно наказуемого похищения чужого имущества и не всегда влекущего уголовную ответственность противоправного завладения имуществом небольшой стоимости и в небольших размерах (в отличие от кражи, грабеж и разбой не могут быть признаны мелким хищением или малозначительным деянием, предусмотренным ч. 2 ст. 7 УК, и поэтому всегда содержат состав преступления). Было бы облегчено также отграничение грабежа и разбоя от сходных преступлений, посягающих на социалистическую или личную собственность или на другие объекты.

2. Иногда в практике возникают трудности при разграничении кражи, сопровождавшейся обманом или злоупотреблением доверием, и мошенничества, а также при отграничении этих преступлений от ненаказуемого по УК БССР присвоения или растраты частным лицом вверенного ему для определенной цели чужого личного имущества. Правильное решение этих вопросов очень важно, потому что первый из них предопределяет различную квалификацию наказуемых в уголовном порядке действий, а второй связан с разграничением преступного и не преступного завладения личным имуществом граждан.

---

³¹ Такое постановление («О судебной практике по делам о грабеже и разбое») принято 22 марта 1966 г. Пленумом Верховного суда РСФСР (Сборник постановлений Пленума Верховного суда РСФСР 1961—1971. М., 1972, с. 80—84).

Рассмотрим некоторые случаи, с которыми пришлось иметь дело судебным органам республики при рассмотрении уголовных дел.

Б. познакомился в автобусе с Б-вым. После совместного распития спиртных напитков опьяневший Б-в передал Б. имевшиеся у него 460 руб., магнитофон «Романтик», чемодан с вещами и попросил присмотреть за ними, пока он сходит в магазин. Воспользовавшись этим, Б. с деньгами и вещами скрылся.

Б. был осужден за кражу чужого личного имущества по ч. 1 ст. 141 УК. Определением от 27 марта 1970 г. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда БССР переквалифицировала действия Б. по ч. 1 ст. 144 УК, т. е. признала его действия мошенничеством.

Уголовно-правовая оценка подобных случаев представляет большую сложность, так как с учетом конкретных обстоятельств дела приходится решать вопрос о том, были ли действия лица кражей (ст. 141 УК), мошенничеством (ст. 144) или ненаказуемым по УК БССР присвоением (растратой) вверенного данному лицу имущества.

Если признать, что Б-в передал деньги и вещи Б. в правомерное владение, то действия последнего не содержат состава преступления, так как являются присвоением вверенного имущества. (При мошенничестве, в отличие от присвоения, лицо с самого начала является незаконным владельцем имущества, так как получает его от потерпевшего в результате обмана или злоупотребления доверием.)

Но можно ли считать передачей имущества другому лицу для определенной цели случаи, когда в поезде, автобусе один пассажир просит другого пассажира присмотреть за его вещами (например, за чемоданом), а сам во время остановки поезда или автобуса ненадолго отлучается в магазин, буфет, парикмахерскую и т. п.? По известному делу Г. Пленум Верховного Суда СССР дал отрицательный ответ на этот вопрос.

Г., находясь на вокзале, воспользовалась отсутствием пассажирки И., которая, уходя из здания вокзала на несколько минут, попросила Г. присмотреть за ее чемоданом, похитила чемодан с находившимися в нем вещами и скрылась. Эти действия были квалифицированы как кража. Из дела видно, что Г. явилась на вокзал с целью

совершить хищение вещей у кого-либо из пассажиров. С этой целью она взяла с собой старый чемодан, наполненный тряпками, который и оставила вместо чемодана, похищенного у И. Что касается просьбы И. присмотреть в течение нескольких минут за ее чемоданом, пока она отлучится из помещения вокзала, то эту просьбу, как отметил Пленум, нельзя рассматривать как передачу И. своего имущества Г. на хранение или для других целей, как это имеет место в случаях присвоения или растраты чужого имущества, вверенного виновному³². Положение, на наш взгляд, не изменилось бы и в случае, если бы у Г. не было заранее обдуманного преступного намерения завладеть чужим имуществом, т. е. если бы она находилась на вокзале не с целью кражи и умысел на завладение чужим чемоданом возник лишь после того, как И. попросила присмотреть за ним.

По указанным соображениям мы полагаем, что и действия Б. следовало квалифицировать как кражу чужого личного имущества. Конечно, в данном случае имело место злоупотребление Б. доверчивостью к нему со стороны опьяневшего Б-ва. Но это не дает основания квалифицировать похищение чужого имущества, сопровождавшееся злоупотреблением доверчивостью потерпевшего, как мошенничество. При мошенничестве потерпевший сам передает имущество преступнику или соглашается на то, чтобы он взял его. Обман или злоупотребление доверием в этом случае является способом завладения чужим имуществом. При краже, грабеже или разбое, сопровождавшихся обманом или злоупотреблением отношениями доверия, сложившимися между потерпевшим и виновным, имущество похищается, т. е. изымается против воли собственника или владельца имущества. Обман или злоупотребление доверчивостью лишь облегчает похищение. Просьбу потерпевшего, обращенную к виновному, присмотреть за имуществом в течение небольшого времени нельзя рассматривать как добровольную передачу имущества в собственность или владение преступника. Если последний, воспользовавшись этой просьбой, изымает имущество против воли собственника или владельца, налицо похищение, а не мошенничество.

---

³² См.: «Судебная практика Верховного Суда СССР», 1953, № 5, с. 5.

Нет мошенничества, а имеется кража в случае, когда лицо «продает» чужое имущество, выдавая себя за собственника. Поэтому народный суд Любанского района Минской области 9 января 1963 г. правильно осудил по ч. 2 ст. 141 УК Ц. и К., которые, предварительно сговорившись между собой, продали Т. за 85 руб. под видом своего имущества два стога сена, принадлежащие другим гражданам. Хотя и в данном случае применен обман, но он не был способом завладения имуществом, а лишь облегчил реализацию похищенного. То, что Ц. и К. сами к сену не прикасались, а лишь показали «проданные» ими стога «покупателю», не исключает наличия с их стороны состава кражи, так как похищение имущества осуществлено ими путем использования действий другого лица, введенного в заблуждение.

На первый взгляд может показаться, что в данном случае имело место мошенничество, направленное на завладение путем обмана деньгами Т. (85 руб.). Но при более внимательном рассмотрении оказывается, что предметом преступления были не деньги, а два стога сена, которыми незаконно распорядились виновные, выдав сено за свое. Если мы признаем наличие состава мошеннического завладения деньгами Т., то придется сделать вывод, что в отношении сена никаких преступных действий совершено не было, или рассматривать содеянное как совокупность кражи сена и мошенничества в отношении денег. Думается, что и то и другое решение было бы неправильным.

О мошенничестве можно было бы говорить лишь в случае, если бы Ц. и К. под видом продажи сена получили у Т. деньги, но никакого эквивалента (в виде чужого сена) не передали.

Интересным является также вопрос о квалификации преступных действий, связанных с обманным получением чужого выигрыша по похищенному или иным путем попавшему в руки виновного лотерейному билету.

Ж. во время пребывания в гостях у С.—брата мужа своей сестры — похитила у него несколько билетов автотолотереи, на один из которых пал крупный выигрыш — легковая автомашина «Волга». Похищенный выигрышный лотерейный билет Ж. предъявила в сберегательную кассу. Выигрыш был оформлен на ее имя, но вскоре по заявлению С. преступление было раскрыто

Светлогорским райотделом милиции и машина «Волга» передана ее законному владельцу.

Разумеется, такие действия должны рассматриваться не как мошенничество, а как кража личного имущества. Преступление должно считаться оконченным с момента похищения выигравшего лотерейного билета, а не с момента получения выигрыша.

Иногда обманные действия, направленные на завладение выигрышем, выпавшим на принадлежащие гражданину лотерейный билет или облигацию государственного займа, совершают работники сберкасс. Например, при проверке таблицы тиража по лотерее 1967 г. жительница г. п. Паричи Светлогорского района М. обнаружила, что на три приобретенные ею лотерейные билета пали выигрыши. В двух совпала серия, значит, выигрыш равен рублю. В третьем же совпали и серия, и номер; выигрыш — автомашина «Москвич». Но у М. появилось сомнение: в таблице после № 022 стояла звездочка, а в билете ее нет. Пошла посоветоваться к заведующей сберкассой С. Спросила у нее: «Видимо, из-за этой звездочки только рубль мне выпал?» С. достала таблицу, проверила и сказала, что М. выиграла только рубль. Получив эту сумму из рук заведующей сберкассы, М. все же поделилась своими сомнениями с бухгалтером горпоселкового Совета. Благодаря ее вмешательству преступление в тот же день было раскрыто.

Как же следует квалифицировать преступные действия заведующей сберкассой? В подобных случаях нет хищения государственного имущества, так как материальный ущерб причиняется не социалистической организации, а гражданину (владельцу выигравшего лотерейного билета или облигации), и это сознает виновный. Поскольку он причиняет этот ущерб путем злоупотребления своим служебным положением, должна применяться ст. 166 УК (при наступлении тяжких последствий — ч. 2 этой статьи).

3. Значительные трудности в практике судебных органов возникали при разграничении хищения государственного или общественного имущества путем присвоения или растраты и хищения, совершаемого путем кражи.

Некоторые суды ошибочно считали, что субъектом таких преступлений, как присвоение и растрата, может быть только должностное лицо, и поэтому присвоение

социалистического имущества, совершенное другими (не должностными) лицами, которым оно было вверено для определенной цели, квалифицировали не по ст. 91, а по ст. 87 УК.

Указав на эту ошибку, Пленум Верховного суда БССР в постановлении № 3 от 25 ноября 1961 г. разъяснил судам, что присвоение и растрата государственного или общественного имущества, совершенные как должностным лицом, так и другими лицами, которым оно было вверено для определенной цели (хранения, перевозки и т. д.), должны квалифицироваться по ст. 91 УК.

В этом постановлении еще не различались случаи, когда шоферы, возчики, сторожа, охранники должны отвечать по ст. 91 УК, и случаи, когда совершенное ими хищение должно рассматриваться как кража. Пленум Верховного суда БССР в то время считал, что эти лица во всех случаях за хищение перевозимого или охраняемого ими имущества должны отвечать по ст. 91 УК³³. Об этом свидетельствует не только указанное выше разъяснение, но и приведенный в постановлении Пленума пример ошибочного, по его мнению, применения народным судом Советского района г. Минска ст. 87 к шоферу Н., который присвоил вверенный ему для перевозки груз.

К данному вопросу Пленум Верховного суда БССР возвратился впоследствии в постановлении № 1 от 10 марта 1964 г. «Об усилении борьбы с хищениями, разбазариванием и порчей зерна, хлеба, муки, крупы и других хлебопродуктов, а также со скупкой для скармливания и скармливанием хлебопродуктов скоту и птице». В этом постановлении отмечается, что «нередко хищение зерна, хлеба и других хлебопродуктов, вверенных виновным или находившихся в их ведении, суды неправильно

---

³³ Эта точка зрения нашла отражение в п. 7 постановления Пленума Верховного суда РСФСР от 29 октября 1963 г. «Об усилении борьбы с хищениями, разбазариванием и порчей зерна, хлеба, муки, крупы и других хлебопродуктов». Здесь говорится: «Исходя из смысла закона и п. 7 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 31 марта 1962 г. «О судебной практике по делам о хищениях государственного и общественного имущества», экспедиторы, шоферы, трактористы, возчики и другие лица, которым зерно или хлебопродукты были вверены для транспортировки, виновные в присвоении или растрате этих продуктов, должны нести ответственность по ст. 92 УК РСФСР» (ст. 91 УК БССР). (Сборник постановлений Пленума Верховного суда РСФСР 1961—1971. М., 1972, с. 51).

квалифицируют по ст. 87 УК БССР, а хищение зерна и хлебопродуктов, совершенное комбайнерами, сеяльщиками, грузчиками, мукосеями и другими лицами, которым эти продукты не вверялись или в ведении которых они не находились, а указанные лица имели лишь доступ к ним в связи с выполняемой ими работой, ошибочно квалифицируют по ст. 91 УК БССР».

В связи с наличием таких ошибок в квалификации хищений, совершаемых названными лицами, Пленум Верховного суда БССР дал подробные руководящие разъяснения по данному вопросу.

Пленум разъяснил, что хищения зерна или хлебопродуктов, совершенные лицами, которым эти продукты не вверялись, а они имели лишь доступ к ним в связи с выполняемой работой (комбайнеры, машинисты молотилок, сеяльщики, грузчики, мукосеи и др.), должны квалифицироваться по ст. 87 УК.

Поскольку в судебной практике не было единства по вопросу о квалификации хищений, совершаемых шоферами, возчиками, сторожами и другими лицами, которые не всегда наделяются определенными правомочиями в отношении передаваемого им для перевозки или охраны государственного или общественного имущества, Пленум Верховного суда БССР дал разъяснения, относящиеся к этим категориям субъектов хищений.

В п. 5, «б», постановления Пленума сказано, что действия шоферов и возчиков, которые наряду с выполнением своих непосредственных обязанностей по управлению транспортом осуществляли также функции экспедиторов и похитили вверенное им для транспортировки зерно или хлебопродукты, подлежат квалификации по ст. 91 УК. Если же шоферы и возчики выполняли только свои непосредственные обязанности по управлению транспортом и не осуществляли функций экспедиторов, связанных с получением и сдачей зерна или хлебопродуктов, а имели к ним лишь доступ по роду выполняемой работы и похитили эти продукты, то в этом случае их действия должны квалифицироваться по ст. 87 УК.

Приведенное разъяснение правильно ориентирует судебные органы на дифференцированный подход к оценке хищений, совершаемых шоферами и другими лицами, которым поручается доставка государственного или общественного имущества.

Если шофер или возчик выполняет обязанности только по перевозке, т. е. управлению транспортным средством, лошадью, то он имеет лишь доступ к имуществу в процессе его транспортировки, но никакими полномочиями по распоряжению, хранению, доставке и т. п. в отношении этого имущества не наделен. В этом случае хищение перевозимого груза, совершенное шофером или возчиком, должно квалифицироваться как кража.

Такой характер имели, например, действия П., который, работая на отвозке картофеля с колхозного поля к буртам, завез четыре повозки картофеля своим родственникам, похитив таким образом 1489 кг картофеля. Эти действия неправильно были квалифицированы народным судом Копыльского района (приговор от 24 декабря 1963 г.) по ч. 2 ст. 91 УК. По протесту заместителя Председателя Верховного суда БССР Президиум Минского областного суда постановлением от 16 мая 1964 г. переквалифицировал преступление П. по ч. 2 ст. 87 УК. Президиум сослался при этом на то, что П., являясь рядовым колхозником, был назначен на уборку картофеля и доставлял его на подводе с поля к буртам. На поле П. насыпал картофель без веса, под материальную ответственность он ему не передавался. Поскольку никакими правомочиями в отношении картофеля П. не был наделен, его действия не могут быть квалифицированы по ст. 91 УК.

Мы полагаем, что разъяснения Пленума Верховного суда БССР по вопросу о квалификации хищений, совершаемых шоферами и возчиками, не противоречат постановлению № 4 Пленума Верховного Суда СССР³⁴. В п. 2 этого постановления говорится: «Разъяснить судам, что в соответствии с законом присвоение либо растрата от кражи отличается тем, что виновный использует имеющиеся у него правомочия в отношении похищаемого им государственного или общественного имущества.

---

³⁴ Такого мнения придерживается и Пленум Верховного суда БССР. В связи с названным постановлением от 11 июля 1972 г. он внес лишь одно изменение в свое постановление № 1 от 10 марта 1964 г.: иначе изложил п. 6, относящийся к разграничению оконченого хищения и покушения на него, приведя этот пункт в соответствие с п. 10 постановления № 4 Пленума Верховного Суда СССР от 11 июля 1972 г. (см. постановление Пленума Верховного суда БССР от 5 сентября 1972 г. № 5 «О внесении изменений в постановление... № 1 от 10 марта 1964 года...»).

Как присвоение или растрата вверенного или находящегося в ведении государственного или общественного имущества должно квалифицироваться незаконное безвозмездное обращение в свою собственность или в собственность другого лица имущества, находящегося в правомерном владении виновного, который в силу должностных обязанностей, договорных отношений или специального поручения государственной или общественной организации осуществлял в отношении этого имущества правомочия по распоряжению, управлению, доставке или хранению (кладовщик, экспедитор, агент по снабжению, продавец, кассир и другие лица).

Хищение государственного или общественного имущества, совершенное лицом, не обладающим указанными выше правомочиями, но имеющим к нему доступ в связи с порученной работой либо выполнением служебных обязанностей, подлежит квалификации как кража»³⁵.

То, что в приведенном разъяснении говорится о «правомочиях по... доставке» государственного или общественного имущества³⁶, отнюдь не означает, что действия шоферов и возчиков, выразившиеся в хищении перевозимого груза, всегда должны рассматриваться как присвоение или растрата. Пленум Верховного Суда СССР говорит не просто о доставке, а о правомочиях по доставке. Это означает, по нашему мнению, что имеются в виду правомочия по получению на основании соответствующих документов государственного или общественного имущества, его сдаче по назначению, а не перевозка, транспортировка как механическое перемещение находящегося на автомашине или повозке груза.

В обзоре «Судебная практика по делам о хищениях государственного или общественного имущества» указывается, что комментируемое разъяснение Пленума Верховного Суда СССР дано в связи с тем, что суды до этого по-разному квалифицировали действия работников

---

³⁵ Сборник..., с. 445—446.

³⁶ Этот вид правомочий не упоминается в посвященном данному вопросу п. 7 ранее действовавшего постановления Пленума Верховного Суда СССР от 31 марта 1962 г. № 5 «О судебной практике по делам о хищениях государственного или общественного имущества»: говорилось: о «правомочиях по распоряжению, управлению, хранению и т. д.» (см. Сборник... М., 1970).

транспорта (шоферов, возчиков) и иных лиц, связанные с хищением перевозимых (доставляемых) ими грузов. Допускаемые при этом ошибки были связаны главным образом с различным пониманием диспозиции ст. 91 УК. Отдельные суды полагали, что хищения, подпадающие под признаки названной статьи УК, могут совершаться лишь должностными или материально ответственными лицами. Что же касается шоферов и иных лиц, не обладающих такими полномочиями, то их действия, выразившиеся в хищении вверенного им для транспортировки имущества, надо рассматривать как кражу и квалифицировать по ст. 87 УК. Отмечается также, что данное Пленумом Верховного Суда СССР разъяснение по этому вопросу основано на том, что в норме закона, предусматривающей ответственность за присвоение либо растрату имущества, вверенного виновному, не оговорено, что им может быть только должностное или материально ответственное лицо³⁷.

Можно ли признать приведенные аргументы убедительными? Думается, что нельзя.

Такое обоснование, к сожалению, может создать неправильное представление о том, будто хищение шоферами и возчиками перевозимого ими груза всегда должно квалифицироваться как присвоение или растрата. Но это противоречило бы общему смыслу разъяснений Пленума Верховного Суда СССР по вопросу об отграничении этих форм хищения от кражи (не случайно в примерном перечне лиц, которые наделены определенными полномочиями в отношении государственного или общественного имущества, названы не шоферы, а экспедиторы, агенты по снабжению).

Достоинством постановления № 1 Пленума Верховного суда БССР от 10 марта 1964 г. является то, что оно конкретизирует, развивает указания Пленума Верховного Суда СССР по одному из наиболее сложных вопросов, возникающих в судебной практике.

Полностью согласуются с разъяснением Пленума Верховного Суда СССР и указания Верховного суда БССР по вопросу о квалификации действий сторожей и других лиц, охраняющих государственное и общественное имущество. В п. 5, «г», постановления № 1 от 10 мар-

---

³⁷ «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1972, № 5, с. 45.

та 1964 г. говорится, что хищения сторожами и охранниками зерна или хлебопродуктов, переданных им под охрану по количеству или весу с возложением обязанностей отчитаться за них, должны квалифицироваться по ст. 91 УК. Если же сторожам и охранникам зерно или хлебопродукты не передавались под охрану по количеству или весу, а они охраняли склады или другие хранилища, в которых находились эти продукты, и похитили их в силу того, что имели или могли иметь к ним доступ по роду выполняемой работы, то в этом случае их действия подлежат квалификации по ст. 87 УК.

Проиллюстрируем это различие в квалификации действий сторожей и охранников в зависимости от характера выполняемых ими функций на конкретных примерах из судебной практики.

Б., работая сторожем вневедомственной охраны и охраняя промтоварный магазин Белоозерского рабкоопа, неоднократно похищал из этого магазина товары. Хищения он совершал с помощью длинной палки с вбитыми в нее гвоздями, которой он через окно доставал из магазина товары. Всего таким путем им похищено ценностей на сумму 400 р. 31 к.

По приговору народного суда Березовского района от 20 августа 1962 г., оставленному без изменения Брестским областным судом, действия Б. ошибочно были квалифицированы по ч. 2 ст. 91 УК. Они предусмотрены ч. 2 ст. 87 УК, так как сторож никакими полномочиями в отношении похищенных товаров наделен не был и совершил хищение без использования такого рода полномочий.

Указанные в постановлении Пленума Верховного Суда СССР «правомочия по... хранению» государственного или общественного имущества нельзя понимать в том смысле, что ими наделен и сторож, охраняющий закрытое на замок помещение магазина, склада или другого объекта.

Иное положение у сторожа или охранника, которому имущество передано под охрану по количеству или весу с обязательством отчитаться о его сохранности в том же порядке при сдаче дежурства. В этом случае сторож или охранник имеет определенные полномочия, связанные с хранением государственного или общественного имущества, так как это имущество (или хотя

бы часть его) находится в правомерном владении. Хищение совершается с использованием этих полномочий и поэтому приобретает характер присвоения или растраты.

Например, во вступившем в законную силу приговоре народного суда Толочинского района Витебской области от 16 октября 1963 г. правильно были квалифицированы по ч. 1 ст. 91 УК действия сторожа И. Он работал ночным сторожем колхоза и охранял скотные помещения и амбар с зерном. Но 15 августа 1963 г. к амбару было завезено 29 мешков семенной озимой ржи, предназначенной для посева. Эти мешки были сложены возле амбара на приклетнике. И. во время ночного дежурства решил похитить часть вверенного ему для охраны зерна. С этой целью И. взял у себя дома мешок и в четыре приема перенес два мешка семенной ржи (132 кг) от амбара к себе домой. Утром при сдаче дежурства хищение было обнаружено и рожь у И. изъята.

Рассмотренные нами разъяснения Пленума Верховного суда БССР, данные в постановлении № 1 от 10 марта 1964 г., применимы не только к хищениям хлебопродуктов. Суды правильно руководствуются ими и при рассмотрении дел о хищениях другого государственного или общественного имущества.

Несмотря на подробные разъяснения Пленума Верховного Суда СССР и Пленума Верховного суда БССР по вопросу о разграничении хищения государственного или общественного имущества путем присвоения или растраты и хищения в форме кражи, еще и теперь встречаются случаи смешения этих преступных деяний. Они являются следствием невнимательного выяснения наличия или отсутствия у виновного тех или иных полномочий в отношении похищенного имущества. Чаще всего наличие у лица простого доступа к этому имуществу в процессе выполнения порученной работы ошибочно рассматривается как использование соответствующих полномочий, которое характерно для присвоения или растраты.

Например, по приговору народного суда Октябрьского района г. Минска от 6 сентября 1972 г. В. был осужден по ч. 1 ст. 91 УК за то, что он, работая слесарем-сантехником Минской санитарно-эпидемиологической станции ст. Минск Белорусской ж. д., из душевой санпропуск-

ника снял и похитил 10 смесителей стоимостью 100 р. 70 к.

Заместитель Председателя Верховного суда БССР внес в Судебную коллегия по уголовным делам Верховного суда БССР протест о переквалификации действий осужденного по ст. 87, ч. 1, УК.

Определением от 3 ноября 1972 г. Судебная коллегия удовлетворила протест. Сославшись на постановление № 4 Пленума Верховного Суда СССР от 11 июля 1972 г., она пришла к выводу, что В. виновен в краже, а не в присвоении. Из материалов дела усматривается, что смеси-тели, похищенные В., были установлены в душевой санпропускника, ключи от которой находились у завхоза Л. Никакими правомочиями по распоряжению, управлению или хранению в отношении этого оборудования В. не обладал, а имел к ним доступ в связи с выполнением своих обязанностей по обслуживанию санпропускника.

4. Следует рассмотреть также некоторые вопросы квалификации хищений, совершаемых должностными лицами с использованием своего служебного положения, а также хищений, сопровождающихся подлогом документов.

Поскольку злоупотребление должностного лица предоставленными ему служебными полномочиями прямо указано в ст. 91 УК в качестве одной из форм хищения государственного или общественного имущества и, следовательно, является необходимым признаком одного из предусмотренных этой статьей составов хищения, то в случае его совершения должна применяться только ст. 91 УК. Дополнительная квалификация таких хищений по ст. 166 УК была бы ошибочной, так как идеальная совокупность хищения и злоупотребления служебным положением невозможна (что касается реальной совокупности, то ее, как известно, могут образовать любые преступления, даже не связанные между собой). В п. 3 постановления № 4 Пленума Верховного Суда СССР от 11 июля 1972 г. говорится: «Злоупотребление должностного лица служебным положением, заключающееся в незаконном безвозмездном обращении с корыстной целью государственного или общественного имущества в свою собственность или собственность других лиц, должно рассматриваться как хищение и квалифицироваться по ст. 92 УК РСФСР и соответствующим статьям

УК других союзных республик» (ст. 91 УК БССР) ³⁸.

Аналогичное разъяснение содержалось и в п. 8 постановления № 5 Пленума от 31 марта 1962 г. ³⁹

На невозможность идеальной совокупности хищения и злоупотребления служебным положением неоднократно обращал внимание и Верховный суд БССР при рассмотрении конкретных уголовных дел. В частности, он коснулся данного вопроса в определении от 18 сентября 1970 г. по делу К.

По приговору народного суда Оршанского района от 9 июля 1970 г. К. был осужден по ч. 2 ст. 91 УК за то, что, работая помощником лесничего Оршанского лесхоза и используя свое служебное положение, договорился с председателем одного из колхозов об отпуске этому колхозу леса за наличный расчет. С целью хищения леса и получения за него денег К., используя свое служебное положение, дал распоряжение подчиненным лесникам М. и Л. отпустить колхозу 100 кубометров леса, что ими и было сделано. При этом был передан ранее заготовленный лес, а недостающая часть заготовлена лицами, выделенными для этой цели колхозом. Для сокрытия хищения леса и присвоения полученной за него от колхоза суммы — 723 р. 17 к. (стоимость леса по установленным государственным ценам) К. выписал приказ об отпуске колхозу 31 равметра хвороста стоимостью 2 р. 17 к. Второй экземпляр этого приказа К. передал в бухгалтерию лесничества, а в первом экземпляре, выданном колхозу, дописал 100 кубометров леса и исправил сумму на 723 руб.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда БССР признала квалификацию действий К. правильной. Она указала, что применять к нему еще и ч. 1 ст. 166 УК не требуется, так как злоупотребление К. своим служебным положением с целью присвоения государственных средств следует рассматривать как способ хищения.

Верховный суд республики придерживался ранее аналогичного мнения и в отношении хищений путем подлога документов. В частности, в определении по делу Г., осужденного 25 марта 1966 г. народным судом Столинского района по ст. 91, ч. 2, и 171 УК, Судебная коллегия

³⁸ Сборник..., с. 446.

³⁹ См.: Сборник... М., 1970, с. 409.

по уголовным делам Верховного суда БССР указала на неправильность квалификации действий Г. по названным статьям УК.

Г., работая заведующим Городнянским ветучастком Столинской станции по защите животных, по сговору с другими лицами составлял фиктивные документы о падеже животных (коров и телок) у граждан. По этим документам граждане незаконно получали страховые премии, а часть денег передавали Г. Всего им было присвоено 600 руб. Следовательно, указал Верховный суд БССР, составление Г. фиктивных документов о падеже скота явилось способом хищения государственных средств и, следовательно, дополнительная квалификация этих действий по ст. 171 УК не требовалась.

Такая рекомендация дается и в Комментарий к Уголовному кодексу БССР. Здесь приводится мысль, что хищение государственного или общественного имущества путем подлога документов квалифицируется только по ст. 90 или 91 УК, если подделка была способом хищения. Если же она используется для сокрытия уже совершенного хищения, применяются правила о совокупности преступлений⁴⁰. В Комментарий отражена сложившаяся до его издания практика судебных органов, соответствовавшая позиции по данному вопросу Верховного Суда СССР и Верховного суда БССР.

Однако такое решение рассматриваемого вопроса не имело достаточного теоретического обоснования и не вытекало из закона, поскольку подлог документов как одна из форм хищения в законе не предусмотрен. В настоящее время данный вопрос решается по-иному. Хищение государственного или общественного имущества путем подлога документов, независимо от того, является ли подлог способом хищения или лишь облегчает его совершение либо сокрытие, квалифицируется по правилам о совокупности преступлений⁴¹. По этому вопросу

⁴⁰ См.: Комментарий к Уголовному кодексу БССР. Минск, 1971, с. 170, 177.

⁴¹ Такая квалификация отстаивалась нами ранее (См.: Тишкевич И. С. Приготовление и покушение по советскому уголовному праву. М., 1958, с. 61—62). Здесь высказывалось несогласие с содержащимся в постановлении от 28 мая 1954 г. руководящим указанием Пленума Верховного Суда СССР о квалификации хищения социалистического имущества путем подлога документов только по Указу Президиума Верховного Совета СССР «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества».

в постановлении № 4 Пленума Верховного Суда СССР от 11 июля 1972 г. разъяснено судам, что должностное лицо, выдавшее частному лицу подложный документ, заведомо предназначенный для незаконного получения им государственных или общественных средств в качестве пенсий, пособий или других выплат, должно нести ответственность за совокупность преступлений: пособничество в хищении и должностной подлог. Обращение же в свою собственность или собственность других лиц государственных или общественных средств или иных ценностей по заведомо фиктивным документам, совершенное по сговору между должностными и частными лицами, должно квалифицироваться: для должностных лиц по совокупности как хищение и должностной подлог, а для других лиц — как хищение и в соответствующих случаях как соучастие в должностном подлоге ⁴².

Из приведенных разъяснений Пленума Верховного Суда СССР можно сделать вывод, что и хищение государственного или общественного имущества одним лицом путем совершенного им с этой целью подлога документов должно квалифицироваться как соответствующий вид хищения (по ст. 90, 91, 91¹ или 94 УК) и как подлог документов по ст. 171 или 192 УК.

Что касается использования для хищения государственного или общественного имущества заведомо подложного документа, изготовленного другим лицом, или заведомо фиктивного документа, выданного должностным лицом, если виновный, использовавший подложный документ для хищения, не был соучастником подлога, то он должен отвечать лишь за хищение путем мошенничества. Этот вывод вытекает из приведенных разъяснений Пленума Верховного Суда СССР. Он теоретически обоснован, так как «в отличие от самой подделки использование подложного документа при мошенничестве является формой обмана... Использование подложного документа охватывается понятием обмана, поэтому оно полностью входит в объективную сторону мошенничества, составляя основу преступного действия» ⁴³. В рассматриваемых случаях имеется конкуренция двух уголовно-правовых

---

⁴² Сборник..., с. 447.

⁴³ Борзенков Г. Н. Ответственность за мошенничество. М., 1971, с. 163—164.

норм, и в соответствии с правилами, действующими в этих случаях⁴⁴, должна применяться ст. 90 УК.

§ 3. Вопросы применения норм УК, относящиеся к квалифицированным видам корыстных преступлений против социалистической и личной собственности

1. В судебной практике встречаются затруднения при квалификации повторных хищений и отграничении их от продолжаемых преступлений.

Иногда неправильно усматривается повторность в случаях, когда налицо лишь одно хищение, слагающееся из нескольких сходных действий, но не образующих самостоятельных преступлений ввиду того, что они совершены одновременно или при незначительном разрыве во времени и объединены единым умыслом виновного.

По приговору народного суда Столбцовского района от 8 февраля 1968 г., оставленному без изменения Минским областным судом, Ю. осужден по ч. 2 ст. 91 УК к полутора годам лишения свободы. Он признан виновным в том, что по сговору с К., которой правлением колхоза имени Гастелло была поручена закупка для колхоза скота у населения, занимался хищением колхозных денег. При закупке скота К. увеличивала в закупочных квитанциях его живой вес, а стоимость излишне приписанного веса Ю. и К. изымали из кассы колхоза через сдатчиков скота и присваивали. Всего таким способом в марте — апреле 1967 г. с участием Ю. присвоено 646 руб. колхозных денег.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда БССР, рассматривая дело по протесту Прокурора БССР, просившего применить к Ю. условное осуждение, в определении от 28 мая 1968 г. указала, что Ю. и К. с целью хищения колхозных средств одновременно приписали вес скота в закупочных квитанциях четырех граждан на 646 руб. и, когда указанные граждане получили деньги в колхозе, изъяли у них излишне полученные 646 руб. и присвоили их. При таких обстоятельствах в действиях Ю. нет признака повторности хищения, поэтому

---

⁴⁴ См.: Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. М., 1972, с. 263.

в соответствии со ст. 1 Указа Президиума Верховного Суда СССР от 31 октября 1967 г. «Об амнистии» он был освобожден от отбывания наказания.

В данном случае решение вопроса о том, было ли хищение повторным, не влияло на квалификацию преступления ввиду наличия предварительного сговора между виновными, но тем не менее оно имело важное значение для определения меры наказания и применения Указа «Об амнистии».

Еще более важно правильно разграничивать повторные и единые хищения в случаях, когда от этого зависит квалификация преступления.

Если совершены одновременно или при отсутствии разрыва во времени два преступления — посягательство на личную собственность из числа указанных в примечании к ст. 87 УК и хищение государственного или общественного имущества или наоборот, причем умысел на оба преступления возник в одно и то же время, есть совокупность преступлений ввиду различия в объекте, но нельзя считать второе преступление повторным. Для иллюстрации обратимся к уже изложенному нами выше (см. с. 132) делу Н. Он, как уже указывалось, решил обворовать кассу лодочной станции и, проникнув в нее, похитил 30 руб. денег, принадлежавших социалистической организации, и 15 руб., находившихся в сумочке кассира и являвшихся ее личным имуществом. Конечно, Н. сознавал, что посягает на два объекта — социалистическую и личную собственность. Но умысел совершить эти преступления был реализован одновременно (или почти одновременно), без разрыва во времени. Что изъять раньше — выручку из кассы, а потом деньги из сумочки кассира либо наоборот, не было предметом размышлений преступника. Если бы вначале на глаза ему попала сумочка, то он, по-видимому, завладел бы ее содержимым, а потом изъяс бы деньги из кассы. Последовательность хищения выручки лодочной станции и кражи личного имущества была случайной и умыслом виновного не охватывалась. Поэтому у органов следствия и народного суда Фрунзенского района г. Минска не было оснований для применения примечания к ст. 141 УК и признания посягательства на личную собственность повторным преступлением. Следует согласиться с содержащимся в протесте заместителя Председателя Верховного

суда БССР и в постановлении Президиума Минского областного суда выводом о том, что «Н. одним действием одновременно, без разрыва во времени, совершил два преступления, поэтому кража денег, лично принадлежащих К. (*кассиру лодочной станции.*— И, Т.), не является повторным преступлением».

Одновременное или следующее одно за одним (при отсутствии разрыва во времени) хищение социалистического имущества и преступление против личной собственности не могут рассматриваться, ввиду различия в объекте посягательства, как одно продолжаемое преступление, даже если совпадает форма (способ) завладения имуществом в обоих случаях.

Если же преступные действия виновного имеют своим объектом одну и ту же собственность — социалистическую или личную, вопрос о том, было ли преступление повторным или продолжаемым, должен решаться с учетом содержания и направленности умысла виновного.

Если посягательства на один и тот же объект следуют одно за другим, без разрыва во времени, но на каждое из них возникал самостоятельный умысел, т. е. намерение совершить второе преступление возникло лишь после совершения первого, налицо повторное, а не продолжаемое хищение.

В этом отношении характерно дело А., осужденного по приговору народного суда Поставского района от 26 декабря 1969 г. по ч. 2 ст. 87 УК. 2 ноября 1969 г. он через разбитое стекло проник в столовую Воропаевского сельпо, откуда украл деньги и товары на общую сумму 127 руб. Когда А. вылез из столовой, то решил совершить кражу и из магазина Воропаевского сельпо, расположенного в одном со столовой здании. С этой целью он разбил стекло в окне, проник через него в магазин, где совершил кражу денег и товаров на сумму 734 руб.

Определением Витебского областного суда от 14 января 1970 г. приговор народного суда был изменен, действия А. переквалифицированы с ч. 2 на ч. 1 ст. 87 УК.

В связи с этим заместитель Председателя Верховного суда БССР принес протест в Президиум Витебского областного суда. В протесте говорится: «По смыслу п. 2 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 4 марта 1929 г. (с изменениями, внесенными постановлением

Пленума № 1 от 14 марта 1963 г.) «Об условиях применения давности к делящимся и продолжаемым преступлениям» и п. 17 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 31 марта 1962 г. «О судебной практике по делам о хищении государственного и общественного имущества» продолжаемыми являются преступления, слагающиеся из ряда тождественных преступных действий, объединенных единым преступным умыслом виновного, которые направлены к общей цели и составляют в своей совокупности единое преступление.

Из показаний же А., данных в судебном заседании, видно, что он совершил две самостоятельные кражи из столовой и магазина, расположенных в одном здании. Первоначально он решил совершить кражу из столовой. После совершения этой кражи, когда он уже был во дворе столовой, у него возник умысел совершить кражу и из магазина, что он и сделал...

Областной суд необоснованно расценил данные кражи как одно продолжаемое преступление, состоящее из двух эпизодов, вследствие чего неправильно переqualificировал действия А. с ч. 2 на ч. 1 ст. 87 УК».

Постановлением Президиума Витебского областного суда от 3 ноября 1970 г. протест удовлетворен: определение коллегии отменено и дело направлено на новое кассационное рассмотрение.

Аналогично должен решаться данный вопрос при квалификации краж личного имущества граждан у разных владельцев из кладовых подвальных этажей больших домов, из квартир, расположенных в одном подъезде, а также при совершении карманных краж у разных лиц в трамвае, троллейбусе и т. д. Хотя в этих случаях посягательства на один и тот же объект (личную собственность граждан) совершаются одно вслед за другим, без значительных разрывов во времени, и одним способом, нет оснований считать, что они объединены единым умыслом и имеют характер продолжаемого преступления. При указанных обстоятельствах наличие повторности отнюдь не исключается.

Некоторые суды республики не учитывают этого, что приводит к ошибкам. В частности, неправильную позицию по данному вопросу заняла судебная коллегия по

уголовным делам Витебского областного суда при рассмотрении дела С.

7 января 1970 г. С. по приговору народного суда г. Полоцка был осужден к 4 годам лишения свободы по ч. 2 ст. 141 УК. Он признан виновным в том, что ночью проник в подвал большого дома, взломал топором двери 25 кладовок, в которых граждане хранили свои вещи. Из четырех кладовок С. украл консервированные овощи и фрукты, а из остальных ничего не похитил, так как интересующих его вещей в них не оказалось.

Определением судебной коллегии по уголовным делам Витебского областного суда от 26 января 1970 г. приговор народного суда был изменен, действия С. переквалифицированы по ч. 1 ст. 141 УК, по которой назначено два года лишения свободы. Коллегия при этом сослалась на то, что С. имел единый умысел на кражу личного имущества, совершил кражу ценностей из кладовок одновременно, без разрыва во времени. Поэтому судебная коллегия признала, что С. совершил продолжаемое хищение.

Не соглашаясь с этим выводом, заместитель Председателя Верховного суда БССР внес протест в Президиум областного суда. Сославшись на постановление Пленума Верховного Суда СССР от 4 марта 1929 г. «Об условиях применения давности к делящимся и продолжаемым преступлениям», он указал в протесте, что «хотя осужденный и совершил кражи из одного подвала дома, однако он взламывал замки кладовок и совершал кражи имущества, принадлежащего нескольким гражданам, которое находилось в разных кладовых...

С. сознавал, что он поочередно похищает имущество у разных граждан и совершает несколько краж, каждая из которых в данном случае является окончанным преступлением...

В связи с изменением квалификации преступления судебная коллегия определила осужденному мягкое наказание».

Удовлетворяя протест, Президиум Витебского областного суда постановлением от 3 апреля 1970 г. отменил определение областного суда и направил дело на новое кассационное рассмотрение в тот же суд в ином составе судей.

По нашему мнению, признание рассматриваемых действий повторным преступлением соответствует как объективным, так и субъективным свойствам этих действий. Виновный совершает несколько обособленных (самостоятельных) краж личного имущества, которые следуют одна за другой, и его умысел направлен на хищение ценностей у различных граждан, т. е. на совершение нескольких преступлений. Именно это является основанием для квалификации действий С. по ч. 2 ст. 141 УК. Ссылка же на то, что каждая кража является окончанным преступлением не совсем точна, поскольку и продолжаемое преступление слагается из тождественных преступных действий, каждое из которых может рассматриваться как окончанное преступление, независимо от того, когда прервана преступная деятельность виновного (кроме случаев, когда умысел направлен на значительное, крупное или особо крупное хищение социалистического имущества или на преступное завладение личным имуществом гражданина, могущее причинить значительный ущерб потерпевшему, а совершена лишь часть задуманных действий, которая еще не образует соответствующего вида хищения по размеру похищенного ⁴⁵).

Говорить о действиях, охватываемых единством умысла, применительно к преступлениям против личной собственности можно лишь тогда, когда виновное лицо имеет намерение похитить определенное имущество, принадлежащее тому или иному гражданину, но реализует свое намерение в несколько этапов. Возможны случаи совершения продолжаемой кражи личного имущества у разных владельцев, если выполненные виновным действия имеют характер одного преступления, состоящего из нескольких эпизодов (например, вор проникает в чужую квартиру в отсутствие хозяев и в несколько приемов вы-

---

⁴⁵ На эти случаи распространяется руководящее разъяснение Пленума Верховного Суда СССР, содержащееся в п. 16 его постановления № 4 от 11 июля 1972 г.: «Если при совершении хищения умысел виновного был направлен на завладение имуществом в значительном, крупном или особо крупном размере и он не был осуществлен по не зависящим от виновного обстоятельствам, содеянное надлежит квалифицировать как покушение на хищение в значительном, крупном или особо крупном размере, независимо от количества фактически похищенного» (Сборник..., с. 450).

носит оттуда ценные вещи с целью их присвоения). В таких случаях похищение вещей у разных собственников представляет собой продолжаемую кражу, так как оно не индивидуализировано в умысле виновного как совершение разных, самостоятельных посягательств.

В судебной практике встречаются случаи, когда совершение нескольких тождественных действий по незаконному изъятию государственного, общественного или принадлежащего отдельным гражданам имущества, охватываемое единым умыслом виновного, рассматривается как единое продолжаемое преступление (хищение) и вместе с тем как повторное. Не учитывается, что если все случаи противоправного изъятия имущества являются не самостоятельными преступлениями, а эпизодами одного и того же (продолжаемого) хищения, то признание преступления продолжаемым исключает наличие повторности. Это особенно очевидно для случаев совершения нескольких мелких хищений.

По приговору народного суда Жлобинского района и г. Жлобина от 17 ноября 1967 г., оставленному без изменения Гомельским областным судом, М. была осуждена по ч. 2 ст. 91 УК. Работая бухгалтером в паровозном депо ст. Жлобин и исполняя одновременно обязанности казначея кассы взаимопомощи местного комитета профсоюза, М. в течение года систематически похищала из кассы по 10—20 руб., скрывая это внесением в квартальные отчеты ведомостей прошлых кварталов. Всего таким путем М. присвоила 840 р. 64 к.

По протесту заместителя Председателя Верховного суда БССР судебная коллегия по уголовным делам названного суда переквалифицировала действия М. по ч. 1 ст. 91 УК. Она мотивировала изменение квалификации тем, что в соответствии с руководящими разъяснениями Пленума Верховного Суда СССР хищения государственного или общественного имущества, совершенные из одного и того же источника или при иных обстоятельствах, свидетельствующих о едином умысле виновного, в случаях, когда общий размер похищенного превышает пределы, характерные для мелкого хищения, должны рассматриваться как единое продолжаемое преступление и квалифицироваться как кража, присвоение или иная форма хищения в значительном или крупном размере.

Признание неоднократных мелких хищений, объеди-

ненных единым умыслом виновного, продолжаемым значительным хищением и одновременно повторным преступлением противоречит правилам логического мышления. В самом деле, что получается? Сначала мелкие хищения не признаются самостоятельными преступлениями и рассматриваются в связи с этим как одно продолжаемое хищение, а затем им опять придается значение самостоятельных для признания их повторными. Одно из двух — или они являются самостоятельными деяниями и тогда нужно применять ч. 2 ст. 94 УК, предусматривающую ответственность за повторное мелкое хищение, или налицо одно значительное хищение и тогда о повторности речи быть не может. Для наличия повторного значительного хищения требуется совершение хотя бы двух значительных хищений, не являющихся частями (эпизодами) одного продолжаемого преступления.

При совершении продолжаемых преступлений признание их повторными возможно лишь тогда, когда субъект совершает не одно, а два или более продолжаемых хищений, каждое из которых может рассматриваться как самостоятельное преступление.

По приговору народного суда Бельничского района от 16 октября 1965 г., оставленному без изменения Могилевским областным судом, осужден С., который, работая сторожем по охране животноводческой фермы совхоза, систематически похищал комбикорм и зерно, принадлежащие государству. В течение мая 1965 г. С. в ночное время отсыпал в ведро небольшую часть комбикорма из всех мешков, оставленных телятницами после раздачи корма скоту, и в каждую смену относил это ведро к себе домой. Таким путем он украл 162 кг комбикорма стоимостью 12 р. 96 к. В августе — сентябре 1965 г. С. систематически похищал зерно с сушильной площадки совхоза, похищенное ссыпал в хозяйственную сумку и в ночное время, пользуясь невнимательностью сторожа, относил домой. На этот раз в общей сложности С. похитил 322 кг зерна стоимостью 82 р. 98 к.

Эти действия С. квалифицированы народным судом по ч. 2 ст. 87 УК, видимо, с учетом того, что были совершены два продолжаемых хищения (первое в мае, второе в августе — сентябре 1965 г.), причем первое хищение (162 кг комбикорма) признано значительным ввиду

большого количества похищенного корма и его значимости в весенний период ⁴⁶.

О повторности в случае продолжаемого хищения можно говорить и тогда, когда среди тождественных действий, из которых слагается продолжаемое преступление, выделяются хотя бы два значительных хищения, которые по тем или иным причинам приобретают характер самостоятельных преступлений.

Органы расследования и народный суд Воложинского района квалифицировали по ч. 1 ст. 91 УК действия К., признанной виновной в том, что она, работая заведующей ларьком в д. Вишневка, систематически отпускала без оплаты продукты своим детям и, кроме того, в январе 1972 г. присвоила 80 руб., которые израсходовала на покупку платья для дочери, а в феврале 1972 г. вторично присвоила 80 руб. для покупки двух пар туфель, в результате чего в кассе образовалась недостача на сумму 200 р. 80 к. По мнению Верховного суда БССР, действия К., присвоившей дважды по 80 руб., не охватывались единством умысла и их следовало квалифицировать по ч. 2 ст. 91 УК как повторное хищение.

С этим следует согласиться, так как во время совершения продолжаемого хищения (отпуска К. своим детям продуктов без оплаты на общую сумму 40 руб.) были дважды растрочены вверенные К. суммы — каждый раз по 80 руб., причем на такие значительные хищения, несомненно, оба раза возникал самостоятельный умысел. Если бы были совершены только эти два хищения (одно в январе, другое в феврале 1972 г.), квалификация их по ч. 2 ст. 91 УК сомнений не вызывала бы. Не должна она измениться и в случае, когда, кроме этих двух хищений, систематически совершались другие аналогичные действия, но на небольшие суммы. Применение в подобных случаях еще и ч. 2 ст. 94 УК не вызывается необходимостью, поскольку значительные хищения являются частями продолжаемого хищения. Последнее в связи с этим и квалифицируется по ч. 2 соответствующей статьи (как повторное значительное хищение) или по ч. 3 этой

---

⁴⁶ Если бы оснований для такой оценки хищения не было и оно имело характер мелкого хищения, то все содеянное следовало квалифицировать по ч. 1 ст. 94 и ч. 1 ст. 87 УК, так как мелкое хищение, согласно примечанию к ст. 87 УК, не может служить основанием для признания последующего хищения повторным.

статьи (при наличии в общей сложности крупных размеров похищенного).

Некоторые суды упрощенно понимали продолжаемое хищение как неоднократное незаконное изъятие государственного или общественного имущества из одного и того же источника, даже если действия виновного состоят из нескольких самостоятельных преступлений.

Например, Т. по приговору народного суда Смоленичского района и г. Жодино от 14 января 1971 г. был осужден по ч. 2 ст. 87 УК за то, что в разное время с 1 сентября по 30 октября 1970 г. совершил шесть краж товаров (детского джемпера, мужской сорочки, шерстяного свитера и др.) из Смоленичского торгового центра. Каждый раз похищались товары стоимостью до 30 руб., но в общей сложности похищено государственное имущество на 102 руб.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда БССР определением от 13 апреля 1971 г. переквалифицировала действия Т. по ч. 2 ст. 94 УК. Она указала при этом, что «Т. было совершено несколько мелких краж, изолированных друг от друга, поэтому каждая из них образовала самостоятельное законченное преступление. По делу не доказано, что у Т. был умысел на совершение кражи товаров из магазина в значительном размере».

При определенных условиях продолжаемым преступлением могут быть признаны и хищения, совершаемые из разных источников, что также не всегда учитывается при квалификации хищений.

На недопустимость упрощенного понимания сущности продолжаемого хищения указывается в обзоре «Судебная практика по делам о хищениях государственного и общественного имущества». Здесь правильно отмечается, что «хищения, совершаемые из одного источника, не всегда можно признавать продолжаемым преступлением, как и хищение, совершенное из разных источников,—повторным. (Например, хищение в разных отделах универмага, если оно совершено в одно и то же время и одним способом, должно рассматриваться как продолжаемое преступление⁴⁷.)»

Этот вывод вытекает из содержащегося в п. 11 поста-

⁴⁷ «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1972, № 5, с. 46.

новления № 4 Пленума Верховного Суда СССР от 11 июля 1972 г. указания о том, что «хищение должно признаваться повторным независимо от того, изымалось ли имущество из одного или из разных источников, за исключением случаев, когда совершенные деяния могут рассматриваться как продолжаемое преступление». В этом же пункте разъяснено, что «продолжаемым хищением следует считать неоднократное незаконное безвозмездное изъятие государственного или общественного имущества, складывающееся из ряда тождественных преступных действий, имеющих общую цель незаконного завладения государственным или общественным имуществом, которые охватываются единым умыслом виновного и составляют в своей совокупности одно преступление».⁴⁸

2. Понятия преступного завладения чужим имуществом, совершенного по предварительному сговору группой лиц, мы полностью касаться не будем, так как часть этого вопроса нами уже рассмотрена применительно к общей части уголовного права⁴⁹.

Для наличия состава хищения государственного или общественного имущества или посягательства на личную собственность в форме кражи, грабежа, разбоя или мошенничества, совершенных по предварительному сговору группой лиц, необходимо участие в совершении преступления хотя бы двух соисполнителей. Если же оно выполняется одним лицом, а второе выступает в роли соучастника, не являющегося исполнителем (подстрекателя или пособника)⁵⁰, то ч. 2 соответствующей статьи УК по признаку совершения преступления по предварительному сговору группой лиц применена быть не может.

Поэтому неправильно были квалифицированы народным судом Октябрьского района г. Минска по ч. 2 ст. 87 УК действия К. и П. Первый из них похитил из цеха завода пять комплектов поворотов для мотоцикла, а второй

⁴⁸ Сборник..., с. 448—449.

⁴⁹ См.: *Горелик И. И., Тишкевич И. С.* Вопросы уголовного права (Общей части) в практике Верховного суда БССР. Минск, 1973, с. 139—140, 142—146.

⁵⁰ Если хищение совершено хотя бы и одним исполнителем, но в нем участвовал организатор (даже не являвшийся исполнителем), то по соображениям, указанным Г. А. Кригером в его монографии «Квалификация хищений социалистического имущества» (М., 1974, с. 222—223), действия обоих нужно квалифицировать как хищение, совершенное по предварительному сговору группой лиц.

заранее обещал К. оказать содействие в их сокрытии и после совершения кражи помог скрыть похищенное в раздевалке завода.

Поскольку П. исполнителем не был, а виновен лишь в заранее обещанном укрывательстве, то действия К., как отметил Верховный суд БССР, следовало квалифицировать по ч. 1 ст. 87 УК, а П.— по ст. 17 и 87, ч. 1, УК⁵¹.

Необходимость наличия при групповом хищении хотя бы двух исполнителей косвенно признается в п. 13 постановления № 4 Пленума Верховного Суда СССР от 11 июля 1972 г. В нем указывается, что «в случаях, когда приобретение имущества, заведомо добытого преступным путем, было связано с подстрекательством к хищению, действия виновных подлежат квалификации как соучастие в этом преступлении. Равным образом следует квалифицировать как соучастие в хищении заранее обещанное приобретение заведомо похищенного имущества и заранее обещанную реализацию такого имущества, а также систематическое приобретение от одного и того же расхитителя похищенного имущества лицом, сознававшим, что это дает возможность расхитителю рассчитывать на содействие в сбыте данного имущества»⁵².

Соисполнителем хищения должен признаваться не только тот, кто непосредственно изымает чужое имущество, но и тот, кто в это время в соответствии с распределением ролей между преступниками держит потерпевшего за руки в момент изъятия у него из карманов денег или иного имущества, помогает другому участнику хищения взобраться на крышу дома или магазина, чтобы

---

⁵¹ Такая квалификация признается правильной не всеми юристами. Например, в журнале «Советская юстиция» (1961, № 15, с. 25) в ответе редакции на вопросы читателей В. Смольников писал: «Если исполнитель и пособник заранее договорились между собой о распределении ролей и роль пособника в преступлении значительная (например, пособник заранее обещает скрыть исполнителя, орудия и средства совершения преступления и т. д.), такие совместные действия следует рассматривать как совершение преступления группой.

Если же роль пособника сводится лишь к даче советов или указаний исполнителю, то в этом случае действия исполнителя и пособника не могут рассматриваться как совершенные группой».

В настоящее время суды этой рекомендации не придерживаются (см. определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР от 25 мая 1972 г. по делу Г. и А.— «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1972, № 9, с. 11—12).

⁵² Сборник..., с. 449.

через проделанное в ней отверстие проникнуть внутрь, и т. п. Техническое распределение ролей между соисполнителями не исключает признания их всех участниками хищения, совершенного по предварительному сговору группой лиц. Важно лишь, что лицо в той или иной форме принимало участие в непосредственном совершении преступления, а не просто содействовало этому в стадии приготовления предоставлением орудий или средств совершения преступления, дачей советов и т. п.

Мы не согласны с высказывавшимся в литературе утверждением, что пособничество может выражаться и в таких действиях, как нахождение во время совершения преступления на страже, чтобы кто-нибудь не застиг лицо, изымающее имущество, на месте преступления, отвлечение внимания сторожа от наблюдения за охраняемым складом и т. п.⁵³. Если эти действия совершаются участником преступной группы, соответственно распределенной между собой обязанности перед совершением преступления, они должны рассматриваться не как пособничество, а как участие в непосредственном выполнении преступления. Более того, если преступление совершается организованной группой, участие в нем, квалифицируемое без ссылки на ст. 17 по частям вторым ст. 87 и 91, 141 и 144 УК, может выразиться и в таких действиях, как подыскание объектов для преступного завладения имуществом, сокрытие и реализация похищенного и др. (разумеется, если совершившее эти действия лицо является участником преступной группы, а не человеком, лишь оказывающим ей содействие)⁵⁴.

Именно такой позиции по данному вопросу придерживаются Верховный суд БССР и другие судебные органы республики. Например, в определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда БССР от 15 октября 1971 г. по делу К., Ф., Т., Ш. и др., осужденных Минским областным судом по ст. 142, ч. 2, и 143, ч. 2, УК, признана правильной квалификация по этим статьям действий участников преступной группы Т. и Ш. (молодых женщин), которые в вечернее или ночное время за-

⁵³ См.: Шнейдер М. А. Соучастие в преступлении по советскому уголовному праву. М., 1958, с. 53; Тельнов П. Разграничение деяний исполнителя и пособника.— «Советская юстиция», 1973, № 4, с. 6.

⁵⁴ См. заслуживающие внимания соображения по этому вопросу в кн.: Кригер Г. А. Квалификация хищений социалистического имущества, с. 222—224.

манивали мужчин в безлюдные неосвещенные места, где остальные участники группы с применением насилия отнимали у потерпевших находящиеся при них деньги и вещи. В определении от 7 декабря 1971 г. по делу Г. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда БССР согласилась с квалификацией по ч. 2 ст. 89 УК действий Г., выразившихся в том, что он во время нападения С., действовавшего по предварительному сговору с ним, на продавца магазина А. с целью завладения государственным имуществом стоял на крыльце и смотрел, чтобы никто не зашел в магазин.

Разумеется, одинаковая квалификация действий соисполнителей, выполнявших разные роли, не означает, что и наказание, назначаемое им, должно быть одинаковым. В соответствии с ч. 7 ст. 17 УК «степень и характер участия каждого из соучастников в совершении преступления должны быть учтены судом при назначении наказания». Например, по приговору народного суда Заводского района г. Минска от 29 апреля 1961 г. были осуждены по ч. 2 ст. 141 УК П., Ш. и П-ч, которые по предварительному сговору между собой совершили кражу вещей из квартиры С. В то время, когда П. и Ш., выставив оконную раму, проникли в квартиру и изымали имущество, П-ч находилась на улице и вела наблюдение. Соглашаясь с оценкой действий П-ч как участницы групповой кражи, судебная коллегия по уголовным делам Минского областного суда определением от 16 мая 1961 г. снизила П-ч меру наказания, сославшись, в частности, и на второстепенный характер ее участия в совершении кражи. Такой подход к решению данного вопроса нам представляется правильным.

В судебной практике возникал вопрос о том, как квалифицировать хищение государственного или общественного имущества двумя или более лицами, если только одно из них обладает признаками специального субъекта преступления, предусмотренными в ст. 91 УК. Органы следствия и суды оценивали такие действия по-разному. Одни применяли ст. 91, другие — ст. 87, третьи — ст. 91 или 87 УК, в зависимости от того, присущи ли участнику совместного хищения указанные в ст. 91 УК признаки специального субъекта. В целях устранения этого разнобоя Пленум Верховного суда БССР в п. 4, «а», постановления № 3 от 25 ноября 1961 г. разъяснил судам, что

«групповым в ст. 91 УК БССР должно признаваться хищение государственного или общественного имущества как в случае, когда оно совершено двумя или более лицами, которым оно было вверено или в ведении которых оно находилось, так и в случае, если в хищении, совершенном по предварительному сговору, участвовало хотя бы одно лицо, которому это имущество было вверено или в ведении которого оно находилось».

Аналогичное руководящее разъяснение (в том числе в отношении должностных лиц) дано также Пленумом Верховного Суда СССР. Согласно этому разъяснению, лица, не являющиеся должностными, а также лица, которым имущество не было вверено или передано в ведение, непосредственно участвовавшие в хищении⁵⁵, подпадающем под признаки ст. 91 УК, несут ответственность по этой статье. При этом, если названные лица совершили хищение по предварительному сговору с лицами, указанными в ст. 91 УК, действия их должны квалифицироваться по ч. 2, а при крупном размере похищенного — по ч. 3 этой статьи. В остальных случаях соучастия ответственность этих лиц должна наступать по ст. 17 и 91 УК⁵⁶.

Приведенное разъяснение, признаваемое правильным большинством юристов⁵⁷, встретило критику со стороны некоторых авторов. Так, А. Ушаков считает, что в рассматриваемых случаях участники хищений, не обладающие признаками специального субъекта преступления, предусмотренными ст. 91 УК, не могут рассматриваться как соисполнители. Они могут быть только организаторами, пособниками или подстрекателями, в связи с чем должны отвечать по соответствующей части ст. 91 со

⁵⁵ В п. 11 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 31 марта 1962 г. № 5 говорилось не о «непосредственно участвовавших в хищении» лицах, а об «участвовавших» (Сборник... М., 1970, с. 410), что могло создать ошибочное представление, будто для применения ч. 2 ст. 91 УК в рассматриваемых случаях достаточно любого соучастия с предварительным сговором и вовсе не обязательно участие хотя бы двух лиц в непосредственном совершении преступления.

⁵⁶ См. п. 6 постановления № 4 Пленума Верховного Суда СССР от 11 июля 1972 г. (Сборник..., с. 447).

⁵⁷ См., например: Кригер Г. А. Квалификация хищений социалистического имущества, с. 219—220; Уголовное право БССР, часть Особенная. Минск, 1971, с. 93—94; Андреева Л., Волженкин Б. Рецензия на книгу «Уголовная ответственность за хищения государственного или общественного имущества, хозяйственные преступления и взяточ-

ссылкой на надлежащую часть ст. 17 УК⁵⁸. Нам эта критика представляется необудительной. Лицо, не обладающее признаками специального субъекта, не может совершить соответствующий вид хищения в одиночку, но вполне может выступать в роли соисполнителя вместе со специальным субъектом, непосредственно участвуя в незаконном изъятии государственного или общественного имущества⁵⁹.

Для квалификации преступного завладения государственным, общественным или личным имуществом граждан как совершенного двумя или более лицами по предварительному сговору между ними необходимо установить наличие не просто сговора, а предварительного сговора. В п. 12 постановления № 4 Пленума Верховного Суда СССР от 11 июля 1972 г. указывается, что «под хищением, совершенным по предварительному сговору группой лиц, следует понимать такое хищение, в котором участвовали двое или более лиц, заранее договорившихся о совместном его совершении»⁶⁰. При этом вывод о том, что сговор был предварительным, должен основываться не на предположениях, а вытекать из конкретных обстоятельств дела. В противном случае может быть допущена ошибка в квалификации преступления, что может повлечь за собой также назначение наказания, несоответственного степени опасности преступления.

Таковую ошибку допустили органы расследования и народный суд Ленинского района г. Минска по делу Р. и Р-ко (приговор от 20 марта 1968 г.).

ничество» (М., 1967). — «Социалистическая законность», 1970, № 6, с. 95; Советское уголовное право, часть Особенная. М., 1973, с. 159.

⁵⁸ Ушаков А. Квалификация преступлений, совершаемых частными лицами в соучастии со специальным субъектом. — «Советская юстиция», 1972, № 12, с. 7.

⁵⁹ По аналогичным соображениям мы не согласны и с тем, что женщина не может быть соисполнителем изнасилования. Если она преодолевает сопротивление потерпевшей непосредственно в момент совершения в отношении последней насилия мужчиной, то эти действия являются не пособничеством, а соисполнительством. Какая разница, кто в таком случае помогает преодолеть сопротивление насилуемой — мужчина или женщина? По нашему мнению, в правовом отношении разницы нет. Поэтому не понятно, почему сторонники противоположной точки зрения допускают соисполнительство в указанной форме мужчины (даже если он импотент и совершить полового акта с женщиной не может), но исключают возможность аналогичного соисполнительства женщины. (И. Т.)

⁶⁰ Сборник..., с. 449.

Р. и Р-ко признаны виновными в том, что по предварительному сговору между собой ограбили на улице несовершеннолетнюю К. Р. сорвала с головы потерпевшей шапочку и передала ее Р-ко. За эти действия виновные были осуждены по ч. 2 ст. 142 УК.

По протесту заместителя Председателя Верховного суда БССР дело рассматривалось Судебной коллегией по уголовным делам этого суда. В определении от 7 июня 1968 г. она указала, что преступление квалифицировано неправильно. «Вывод суда о том, что осужденные совершили ограбление по предварительному сговору,— отмечается в определении,— является предположительным и не подтверждается материалами дела. Судом установлено, что, когда осужденные поравнялись с потерпевшей, Р. сорвала с головы К. шапочку и передала ее Р-ко, а последняя спрятала шапочку в рукав пальто... При таких обстоятельствах действия Р. следует квалифицировать по ч. 1 ст. 142 УК БССР, а Р-ко — по ст. 17 и ч. 1 ст. 142 УК БССР как пособника». В связи с изменением квалификации коллегия назначила виновным более мягкое наказание.

§ 4. Значение размера хищения для квалификации преступления

Верховному суду БССР неоднократно приходилось исправлять ошибки нижестоящих судов, связанные с неправильным учетом при квалификации преступления размера похищенного. В чем же выражаются эти ошибки?

1. Встречаются случаи, когда хищение имущества небольшой стоимости и в небольшом размере ошибочно признается значительным и квалифицируется по ст. 87, 90 или 91 УК.

Например, народный суд Любанского района квалифицировал по ч. 1 ст. 87 УК действия В., похитившего мешок ячменя. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда БССР изменила приговор народного суда и переквалифицировала действия В. по ч. 1 ст. 94 УК. Изменение квалификации было мотивировано тем, что хищение 40 кг ячменя стоимостью 12 руб. как по своему объему, так и по значимости и стоимости является мелким.

Аналогичная ошибка была допущена в приговоре народного суда Пуховичского района от 20 марта 1967 г. по делу К., похитившего в сельмаге рулон сатина (34 м). К. был осужден по ч. 1 ст. 87 УК. Исправляя допущенную в квалификации преступления ошибку, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда БССР в определении от 30 мая 1967 г. указала, что «хищение 34 м сатина стоимостью 28 р. 90 к. ни по количеству похищенного, ни по его стоимости не выходит за пределы мелкого хищения, поэтому действия К. надлежало квалифицировать по ст. 94, ч. 1, УК БССР».

Какие же обстоятельства (кроме стоимости похищенного) должны учитываться при разграничении мелкого и значительного хищения?

Пленум Верховного суда БССР в соответствии с действующим законодательством разъяснил в п. 5, «а», постановления № 1 от 10 марта 1964 г., что «вопрос о том, что является мелким хищением..., суды должны решать в каждом конкретном случае с учетом не только стоимости, но и размера похищенного в натуральном виде». Еще более подробные указания судам дал по данному вопросу Пленум Верховного Суда СССР в п. 17 постановления № 4 от 11 июля 1972 г.: «При решении вопроса, является ли хищение государственного или общественного имущества мелким или значительным, следует учитывать не только стоимость, но и размер похищенного в натуральном виде (вес, количество предметов и т. д.), а также значимость похищенного для народного хозяйства.

Наличие предварительной договоренности о совершении мелкого хищения группой лиц, совершение его особо опасным рецидивистом, а равно способ исполнения преступления (с применением технических средств и др.) не являются обстоятельствами, которые могут служить основанием для квалификации мелкого хищения как хищения в значительном размере при отсутствии умысла на такое преступление»⁶¹.

Мы полагаем, что для избежания ошибок при разграничении мелкого и значительного хищения суды должны не просто ссылаться на приведенные руководящие разъяснения, но и, как правило, приводить мотивы, по которым они пришли к выводу, что в данном конкретном

---

⁶¹ Сборник..., с. 450.

случае размер похищенного в натуральном виде является значительным или похищенное имущество имеет большую значимость для народного хозяйства. Разумеется, приведение указанных мотивов не обязательно, если большой размер похищенного или его значимость для народного хозяйства сами по себе очевидны, особенно когда стоимость похищенных вещей близка к значительной. Например, и без этих мотивов убедителен приговор народного суда Ленинского района г. Минска от 5 октября 1965 г., которым Ж. осужден по ч. 1 ст. 87 УК за хищение 88 листов шифера общей стоимостью 48 р. 40 к. В другом случае Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда БССР (определение от 28 февраля 1968 г.) признала правильной, без приведения соответствующих аргументов, квалификацию по ч. 2 ст. 87 УК действий К., Ш. и Б., которые по предварительному сговору между собой дважды похитили в разное время по машине каменного угля, принадлежащего воинской части (осуждены 11 сентября 1967 г. народным судом г. Гродно). Стоимость одной машины угля несколько меньше 50 руб. (общая стоимость двух машин угля — 82 р. 95 к.), но, несомненно, хищение угля в таком значительном количестве не может быть признано мелким.

Необходимость обоснования значительного размера хищения в случаях завладения государственным или общественным имуществом стоимостью до 50 руб. заставила бы органы следствия и суды относиться более вдумчиво к решению вопроса о квалификации подобных действий. Всякое не могущее быть устраненным сомнение в том, был ли размер хищения значительным, должно толковаться в пользу виновного, т. е. хищение следует считать мелким.

2. Бывают и ошибки противоположного характера, когда хищение в значительных размерах неправильно квалифицируется как мелкое без учета обстоятельств, указанных в абз. 1 п. 17 постановления № 4 Пленума Верховного Суда СССР от 11 июля 1972 г.

Например, народный суд Дзержинского района неправильно квалифицировал по ч. 1 ст. 94 УК действия Х., похитившего при перевозке с мельницы 129 кг кормовой муки (два мешка) стоимостью 25 р. 80 к. Приговор суда был отменен в кассационном порядке по протесту прокурора, поскольку, давая юридическую оценку содеян-

ному, суд не учел количество и объем похищенного, а также, что мука предназначалась на корм животным колхозной фермы.

Народный суд Ганцевичского района ошибочно признал мелким хищение 405 кг колхозного картофеля стоимостью 48 руб., совершенное К. и С., в связи с чем неправильно переqualificировал их действия с ч. 2 ст. 87 УК, по которой они были квалифицированы органами расследования, на ч. 1 ст. 94 УК. Это повлекло отмену приговора народного суда.

3. Ошибки при разграничении видов хищений в зависимости от размера похищенного являются нередко следствием неправильного определения стоимости имущества, похищенного виновным. В частности, иногда учитывается стоимость той или иной вещи без степени ее износа, т. е. не фактическая стоимость похищенного предмета, а цена соответствующего нового (не бывшего в употреблении) изделия.

Так, например, по приговору народного суда Солигорского района и г. Солигорска от 17 июля 1970 г., оставленному без изменения Минским областным судом, Ц. был осужден по ч. 1 ст. 87 УК. Он был признан виновным в том, что в апреле 1970 г. с территории Солигорского калийного комбината похитил 48,8 пог. м транспортной ленты на сумму 1410 р. 10 к.

Заместитель Председателя Верховного суда БССР, считая квалификацию преступления неправильной, внес протест в Судебную коллегия по уголовным делам этого суда. Отменяя приговор народного суда и определение областного суда и направляя дело в народный суд на новое рассмотрение, коллегия в определении от 5 февраля 1971 г. указала: «На предварительном следствии и в судебном заседании Ц. показал, что похищенная им транспортная лента для монтажа не была пригодна, так как состояла из кусков длиной 7—7,5 м.

Квалифицируя действия Ц. по ст. 87, ч. 1, УК БССР, суд исходил из того, что похищенная им транспортная лента могла быть использована по прямому назначению как лента 100%-ной годности. Между тем из приобщенного к делу акта приема похищенной ленты в количестве 48,8 пог. м видно, что эта лента для целевого назначения использована быть не может и оценивается 1,5% годности новой на сумму 21 р. 14 к.

При новом рассмотрении дела суду следует установить годность похищенной ленты, возможность ее использования в производстве и фактическую ее стоимость...

В зависимости от собранных доказательств и учитывая стоимость похищенного, количество в натуральном виде и значимость похищенного для народного хозяйства, суду следует решить вопрос о квалификации действий Ц.»

4. Неправильное определение вида хищения в зависимости от размера похищенного, и в частности ошибочное признание мелкого хищения значительным, в некоторых случаях вызвано тем, что вывод о наличии у виновного умысла совершить хищение в более крупном размере, чем похищено фактически, основывается на предположениях, а не на фактических обстоятельствах, установленных по делу.

Например, К. проник в склад колхоза им. Тимирязева, взял мешок комбикорма весом 30 кг, стоимостью 3 р. 45 к., вынес его на улицу, но был задержан сторожем. Действия виновного органами следствия и народным судом Копыльского района были квалифицированы по ч. 1 ст. 87 УК, хотя никаких доказательств, опровергающих утверждение К. о его намерении похитить только один мешок комбикорма, в деле нет. Поскольку хищение как по количеству, так и по стоимости было мелким, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда БССР переквалифицировала действия К. по ч. 1 ст. 94 УК.

Иногда вывод о наличии у виновного умысла совершить хищение в более значительных размерах, чем фактически похищено, так сказать, презюмируется только на том основании, что имелась реальная возможность похитить имущество в большем размере, хотя наличие такой неиспользованной возможности, казалось бы, свидетельствует об обратном.

Например, по приговору народного суда Крупского района от 16 октября 1969 г. Р. осужден по ч. 1 ст. 87 УК. Он признан виновным в том, что, разбив в магазине окно, похитил с прилавка находившуюся в тарелке разменную монету в сумме 46 р. 74 к.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда БССР, рассмотрев дело по протесту заместителя

Прокурора БССР, признала квалификацию преступления неправильной.

Р. на предварительном следствии и в суде утверждал, что он заходил в магазин и видел на прилавке тарелку с разменной монетой, стоявшую недалеко от окна. Тогда же он решил украсть эти деньги, что и сделал впоследствии.

Из показаний свидетеля — заведующей магазином Ш. — и протокола осмотра места происшествия видно, что на прилавке в другой тарелке также находилась разменная монета, а в картонной коробке — дневная выручка в сумме 189 руб. Однако Р. этих денег не похитил и в магазин проникнуть не пытался.

Учитывая эти обстоятельства, коллегия пришла к выводу, что умысел Р. был направлен только на хищение взятой им разменной монеты в сумме 46 р. 74 к. Поскольку эта сумма является мелкой, действия Р. не могут рассматриваться как значительное хищение и должны быть квалифицированы по ч. 1 ст. 94 УК.

5. В судебной практике возникал вопрос о том, как следует квалифицировать совершение двух или более хищений государственного или общественного имущества, каждое из которых не было крупным, если вместе взятые они причиняют ущерб на сумму свыше 2500 руб. Пленум Верховного суда БССР одно время полагал, что в этих случаях действия виновного должны всегда рассматриваться как одно крупное хищение. Такова была первоначальная редакция п. 2, «б», постановления № 3 от 25 ноября 1961 г. Но в судебной практике возникали трудности в квалификации «суммированных» хищений, совершенных разными способами (например, кражи и мошенничества). Неясно было также, требуется ли, чтобы хищения были объединены единым умыслом виновного на совершение в общей сложности крупного хищения.

Ответ на эти вопросы дал Пленум Верховного Суда СССР в п. 8, «в», постановления № 6 от 24 июня 1968 г. «Об улучшении деятельности судов по борьбе с хищениями государственного и общественного имущества»⁶² (п. 14 действующего постановления № 4 от 11 июля 1972 г.)⁶³, в связи с чем Пленум Верховного суда БССР

⁶² См.: Сборник... М., 1970, с. 428.

⁶³ См.: Сборник..., с. 449.

внес изменения в п. 2, «б», постановления № 3 от 25 ноября 1961 г. В новой редакции этого пункта говорится, что как крупное хищение должны квалифицироваться «действия лиц, совершивших... несколько хищений государственного или общественного имущества, которыми в общей сложности причинен ущерб в крупном размере, если они совершены одним способом и при обстоятельствах, свидетельствующих об умысле совершить хищение в крупном размере»⁶⁴.

Таким образом, в рассматриваемых случаях для применения ч. 3 ст. 87, ч. 3 ст. 88, ч. 3 ст. 90 или ч. 3 ст. 91 УК требуется, чтобы было установлено продолжаемое хищение в крупных размерах, состоящее из нескольких не крупных хищений, объединенных единством преступного умысла, что возможно только при одинаковом способе (форме) хищения.

Это условие не выдвигается при совершении нескольких хищений государственного или общественного имущества (хотя бы и разными способами), если в общей сложности размер похищенного превышает 10 тыс. руб. В п. 2, «в», постановления Пленума Верховного суда БССР № 3 от 25 ноября 1961 г. (в редакции постановления от 11 декабря 1968 г. № 10) рекомендовано судам квалифицировать по ст. 91¹ УК «действия лиц, совершивших несколько хищений государственного или общественного имущества, которыми в общей сложности причинен ущерб в особо крупном размере, независимо от форм и способов его совершения».

§ 5. Квалификация преступного уничтожения или повреждения государственного или общественного имущества либо личного имущества граждан

По данной категории уголовных дел Верховному суду БССР приходилось в своих постановлениях и определениях касаться понятий общеопасного способа уничтожения или повреждения имущества, «тяжких последствий» (ст. 97 и 147 УК), «крупного ущерба» (ст. 98 УК), соот-

---

⁶⁴ См. постановление Пленума Верховного суда Белорусской ССР от 11 декабря 1968 г. № 10 «О признании утратившими силу и об изменении и дополнении отдельных постановлений Пленума Верховного суда БССР».

ношения составов уничтожения (повреждения) имущества и других преступлений (хищения, умышленного или неосторожного убийства).

1. Некоторые суды расширительно толковали понятие «поджога», о котором говорится в ст. 96 и 146 УК, ставя знак равенства между поджогом, как одним из общеопасных способов уничтожения или повреждения имущества, и сожжением этого имущества, хотя это отнюдь не равнозначные понятия.

По приговору народного суда Оршанского района от 28 октября 1968 г. Ж. был осужден по ст. 146, ч. 2, УК. Он признан виновным в том, что, будучи нетрезвым, после ссоры с женой вынес на улицу принадлежащие ей и детям носильные вещи, облил бензином и сжег. Стоимость сожженного имущества — 253 руб.

Судебной коллегией по уголовным делам Верховного суда БССР квалификация преступления Ж. признана неправильной. «Часть 2 ст. 146 УК,— говорится в определении коллегии,— в числе других отягчающих обстоятельств предусматривает уголовную ответственность за умышленное уничтожение или повреждение личного имущества граждан, совершенное путем поджога или иным общеопасным способом (взрыв, затопление и др.), т. е. средствами, представляющими опасность для находящихся вблизи строений, имущества или людей.

В данном случае виновный сжег вещи жены и детей на улице и его действия не представляли опасности для окружающих, поэтому совершенное им преступление надлежало квалифицировать по ч. 1 ст. 146 УК БССР».

Аналогичные указания содержатся в определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда БССР от 29 марта 1966 г. по делу М., сжегшего на огороде одежду своей жены.

2. Одним из условий привлечения к уголовной ответственности за неосторожное уничтожение или повреждение личного имущества граждан (ст. 147 УК) является наступление таких общественно опасных последствий, как «человеческие жертвы или иные тяжкие последствия». Об «иных тяжких последствиях» говорится и в диспозиции ст. 97 УК, устанавливающей ответственность за неосторожное уничтожение или повреждение государственного или общественного имущества. О том, что следует понимать под такими тяжкими последствиями, ни

в законе, ни в руководящих разъяснениях Пленума Верховного Суда СССР и Пленума Верховного суда БССР никаких указаний нет. Правда, некоторым ориентиром при решении данного вопроса может служить п. 6 постановления № 4 Пленума Верховного Суда СССР от 30 мая 1967 г. «О практике рассмотрения судебных дел, связанных с нарушениями правил охраны труда и техники безопасности, повышении роли судов в предупреждении этих правонарушений» (в редакции постановления № 5 от 30 марта 1973 г.). В этом постановлении сказано, что под «иными тяжкими последствиями», предусмотренными ст. 209—211 УК, «следует понимать, в частности, причинение тяжких телесных повреждений одному или нескольким лицам, менее тяжких повреждений двум и более лицам, а равно причинение значительного материального ущерба государственной, общественной организации или гражданам»⁶⁵.

Но что понимать под «значительным материальным ущербом»? Допустима ли здесь аналогия с понятием значительного размера хищения государственного или общественного имущества? Конечно, нет, так как в ст. 97 и 147 УК говорится не о значительных, а о тяжких последствиях. Разница между этими понятиями несомненна.

Например, А. был осужден по ст. 147 УК за то, что в результате его неосторожного обращения с огнем сгорели сарай и находящиеся в нем свиноматка и два поросенка. Разумеется, такой ущерб является значительным. Тем не менее Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда БССР в определении по данному делу от 3 апреля 1970 г. обоснованно признала осуждение А. неправильным, так как «этот ущерб не может быть отнесен к иным тяжким последствиям, указанным в ст. 147 УК».

В каждом конкретном случае вопрос о том, можно ли признать наступившие вредные последствия тяжкими, должен решаться с учетом характера и серьезности причиненного ущерба для потерпевшей социалистической организации или отдельного гражданина. При этом в процессуальных документах должны указываться мотивы, по которым последствия признаны тяжкими.

3. Вопрос о понятии крупных размеров применитель-

---

⁶⁵ Сборник..., с. 576.

но к ст. 98 УК возникает всякий раз, когда приходится разграничивать «недобросовестное отношение лица, которому поручена охрана государственного или общественного имущества, к своим обязанностям, повлекшее расхищение, повреждение или гибель этого имущества в крупных размерах», являющееся уголовно наказуемым деянием, и сходные действия, не повлекшие таких последствий и поэтому не содержащие состава преступления.

В частности, этот вопрос возник при рассмотрении дела К. Он был привлечен к уголовной ответственности за то, что, работая сторожем сельмага № 1, продовольственного и хозяйственного магазинов Березковского сельпо, расположенных в д. Березки, недобросовестно относился к охране порученных ему объектов, в результате чего в ночь с 18 на 19 сентября 1970 г. А. и А-к совершили кражу из хозмага денег в сумме 52 р. 28 к., а в ночь с 3 на 4 октября 1970 г. они же из сельмага № 1 похитили товарно-материальных ценностей и денег на сумму 1592 р. 80 к.

По приговору народного суда Докшицкого района от 18 декабря 1970 г., оставленному без изменения Витебским областным судом, К. по ст. 98 УК был оправдан. Мотивировалось это тем, что привлечение к уголовной ответственности по ст. 98 УК возможно только если в результате противоправных действий виновного был причинен ущерб в крупном размере, каким является ущерб на сумму от 2500 до 10000 руб.

Этот довод признан неправильным и исключен из приговора определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда БССР от 23 марта 1971 г. В определении говорится: «В законе не дано определения, какой ущерб, причиненный недобросовестным отношением к охране государственного и общественного имущества, следует считать крупным. Этот вопрос должен разрешаться судом в каждом отдельном случае с учетом всех конкретных обстоятельств дела.

Применять понятие «крупного размера», данное в постановлении Президиума Верховного Совета БССР от 13 мая 1961 г. «О применении Указа Президиума Верховного Совета БССР от 13 мая 1961 г. «О порядке введения в действие Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов Белорусской ССР» к ст. 98 УК БССР нет основа-

ний, так как оно установлено только для хищений государственного и общественного имущества».

В связи с важностью правильного раскрытия содержания таких оценочных понятий, как «тяжкие последствия», «крупный ущерб» и т. п., было бы желательно, чтобы путем изучения и обобщения материалов судебной практики Пленум Верховного Суда СССР или Пленум Верховного суда БССР дал по этим вопросам руководящие разъяснения. А еще лучше было бы дать по ним официальное толкование закона, как это сделано в отношении мелких хищений и хищений в небольших размерах⁶⁶.

4. В судебной практике встречаются случаи, когда уничтожение или повреждение чужого имущества сопряжено с другими преступлениями и поэтому должно квалифицироваться по правилам о совокупности преступлений.

Пленум Верховного Суда СССР в п. 19 постановления № 4 от 11 июля 1972 г. разъяснил, что «хищение государственного или общественного имущества, сопряженное с умышленным уничтожением или повреждением другого государственного или общественного имущества, если последнее содержит признаки уголовно наказуемого деяния, должно квалифицироваться по совокупности преступлений как хищение государственного или общественного имущества и умышленное уничтожение или повреждение этого имущества»⁶⁷. В этом случае наряду с хищением одного имущества умышленно уничтожается или повреждается другое имущество, поэтому второе действие не может рассматриваться как способ хищения, а приобретает характер самостоятельного преступления, которое часто причиняет больший ущерб, чем само хищение (например, для похищения монет из телефона-автомата взламывается этот аппарат).

Но совокупность преступлений возможна и в случаях, когда во время хищения по неосторожности уничтожается или повреждается какое-либо имущество, в связи с чем наряду с хищением в действиях виновного содержится еще и состав преступления, предусмотренного

---

⁶⁶ См. подробнее об этом в кн.: *Горелик И. И., Тишкевич И. С.* Вопросы уголовного права (Общей части) в практике Верховного суда БССР. Минск, 1973, с. 82—85.

⁶⁷ Сборник..., с. 450—451.

ст. 97 УК. Такой характер имели, например, действия Н., осужденного народным судом Рогачевского района 26 января 1972 г. по ст. 94, ч. 1, и 97 УК.

Н., будучи в нетрезвом состоянии, совершил хищение из склада горюче-смазочных материалов колхоза 7 литров дизтоплива и, уходя, забыл закрыть краны в двух емкостях, где оно хранилось, в результате чего 6744 кг дизтоплива вылилось на землю, чем причинен ущерб колхозу в размере 496 р. 31 к.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда БССР в определении от 31 марта 1972 г. признала квалификацию действий Н. правильной.

В случаях, когда в результате уничтожения имущества наступают человеческие жертвы, очень тщательно должен выясняться характер вины в отношении этого общественно опасного последствия, являющегося квалифицирующим признаком ч. 2 ст. 96 и ч. 2 ст. 146 УК. При установлении умысла (прямого или косвенного) на причинение при уничтожении имущества кому-либо смерти виновный отвечает также за умышленное убийство.

Рассматривая 12 сентября 1969 г. в кассационном порядке дело П., Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда БССР согласилась с квалификацией его действий по ч. 2 ст. 146 и п. «е» ст. 100 УК. П. после ссоры с женой, которая, опасаясь избиения, убежала к односельчанке К., решил поджечь дом. Для этого он разлил по полу керосин и поджег его. Во время пожара сгорела пятилетняя дочь П. Верховный суд БССР указал, что, поджигая дом, П. видел, что на кровати спали его трое несовершеннолетних детей и, следовательно, сознательно допускал наступление вредных для них последствий, т. е. и в отношении возможной смерти детей действовал умышленно (косвенный умысел).

Возможны случаи, когда умышленное уничтожение или повреждение государственного или общественного имущества либо личного имущества граждан является способом умышленного убийства и в отношении смерти потерпевшего у виновного имеется прямой умысел. В этих случаях также должны применяться правила о совокупности преступлений.

Л., будучи в нетрезвом состоянии, с целью завладения деньгами престарелой С., которая одна проживала в доме, принадлежащем колхозу, зашел к ней ночью, по-

требовал отдать деньги. Поскольку С. отказалась выполнить это требование, Л. дважды ударил ее кулаком по голове и забрал находившиеся у нее 34 руб. После завладения деньгами с целью убийства С., чтобы скрыть разбойное нападение на нее, Л. бросил зажженную спичку в солому, на которой спала С., припер снаружи входную дверь палкой, а сам ушел домой. В результате возникшего пожара С. погибла в огне, а также был уничтожен жилой дом, принадлежащий колхозу.

По приговору Минского областного суда указанные действия Л. были квалифицированы по ст. 143, ч. 3, 96, ч. 2, и 100, пп. «а», «е», «ж», УК. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда БССР определением от 10 ноября 1972 г. признала эту квалификацию правильной. Она оставила без удовлетворения кассационную жалобу адвоката, в которой содержалась просьба об исключении из приговора обвинения в убийстве на том основании, что у Л. не было умысла на убийство С. и действия, повлекшие ее гибель, охватываются ч. 2 ст. 96 УК. Верховный суд признал эти доводы неосновательными по следующим соображениям.

Завладев деньгами С., Л. поджег солому, на которой лежала в беспомощном состоянии потерпевшая, припер дверь снаружи палкой, чтобы С. не вышла из горящего дома. Находясь возле этого дома в момент тушения пожара, Л. никому не сообщил, что в доме находится С.

Приведенные доказательства свидетельствуют о том, что после разбойного нападения на С. Л. решил сжечь С. заживо в доме.

ГЛАВА 4. КВАЛИФИКАЦИЯ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

§ 1. Частнопредпринимательская деятельность и коммерческое посредничество

При рассмотрении дел данной категории некоторые суды необоснованно применяют правила о совокупности преступлений при квалификации частнопредпринимательской деятельности; встречаются также случаи слишком широкого толкования понятия уголовно наказуемого коммерческого посредничества. Исправляя эти ошибки, Верховный суд БССР заботился о правильном и единообразном применении ст. 150 УК всеми судами республики.

1. Так, по приговору судебной коллегии по уголовным делам Минского областного суда от 13 июля 1970 г. А., Г. и Ч. были необоснованно признаны виновными помимо частнопредпринимательской деятельности (ч. 1 ст. 150 УК) еще и в занятии запрещенным промыслом (ч. 2 ст. 160 УК). Какие же действия они совершили?

С целью личного обогащения названные лица заключили договоры с несколькими колхозами Слуцкого района на асфальтирование дорог, токов и других объектов.

Действуя от имени колхозов, Г. договорился на ремонтно-механическом заводе в г. Рустави о покупке для колхоза двух сушильных барабанов с оплатой по безналичному расчету, а Ч., заручившись в колхозах необходимыми документами, получил на заводе эти сушильные барабаны и организовал их доставку в колхозы автотранспортом с оплатой доставки за счет колхозов через Тбилисский автотрест № 1. Используя письма колхозов, А. и Ч. через «Белсельхозтехнику» и «Белнефтеснабсбыт» добились отпуска с Новополоцкой нефтеналивной станции 500 т нефтебитума (его стоимость и доставку оплатили колхозы). После этого из Армянской ССР и г. Тбилиси в Слуцкий район приехали 17 рабочих, которые под руководством А., Г. и Ч. приступили к изготовлению ас-

фальтной массы и асфальтированию дорог. Для укатки гравийного основания и асфальтного покрытия были использованы два катка, которые виновные при содействии ДЭУ 125 и колхозов взяли на время в строительных организациях. На производстве работ А., Г. и Ч. использовали нанятых для этой цели шоферов, электросварщиков, бульдозеристов, автогрейдеристов. Всего в течение июня — июля 1969 г. заасфальтировано в колхозах 25392,18 кв. м дорог и площадок, за что колхозы по договорам должны были выплатить А., Г. и Ч. 114262 р. 81 к. Однако в связи с расторжением трудовых соглашений они успели получить только 62608 р. 22 к.

По протесту Председателя Верховного суда БССР Пленум этого суда постановлением от 3 марта 1971 г. исключил из приговора обвинение А., Г. и Ч. по ч. 2 ст. 160 УК. Обосновывая такое изменение приговора, Пленум указал следующее: «Квалифицируя действия осужденных по ст. 160, ч. 2, УК БССР, суд сослался на то, что они использовали наемный труд...

Применение наемного труда с использованием государственных, кооперативных или иных общественных форм само по себе превращает договор подряда, имеющий существенным признаком выполнение обусловленной работы своим трудом, в частнопредпринимательскую деятельность как форму извлечения нетрудовых доходов в целях личного обогащения.

Поэтому в данном конкретном случае действия осужденных охватываются составом частнопредпринимательской деятельности и дополнительной квалификации по ст. 160, ч. 2, УК БССР не требуется».

2. В качестве примера ошибочного осуждения по ч. 2 ст. 150 УК при отсутствии признаков предусмотренного в ней состава преступления можно привести дело Е.

Органами следствия Е. было предъявлено обвинение в том, что он, нигде постоянно не работая, в целях личной наживы в 1966—1967 гг. в период сбора урожая фруктов заключил договоры с несколькими колхозами Гомельской области на реализацию яблок в городах Красноярске, Иркутске, Ачинске и получал от колхозов вознаграждение из расчета 5% от вырученной суммы.

Определением распорядительного заседания судебной коллегии по уголовным делам Гомельского областного суда от 5 апреля 1968 г. уголовное дело по обвинению Е.

по ч. 2 ст. 150 УК было прекращено производством ввиду отсутствия в его действиях состава преступления.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда БССР определением от 23 апреля 1968 г. оставила без удовлетворения протест помощника прокурора Гомельской области, в котором ставился вопрос об отмене определения распорядительного заседания на том основании, что Е. занимался коммерческим посредничеством за вознаграждение и в течение четырех месяцев получил от колхозов 15527 руб. Аналогичный протест заместителя Прокурора БССР был оставлен без удовлетворения Пленумом Верховного суда БССР (постановление от 6 мая 1968 г.).

В подтверждение своего вывода об отсутствии в действиях Е. состава преступления Верховный суд сослался на следующие обстоятельства дела.

Согласно уставу сельхозартели, колхозам разрешается производить наем временных рабочих, если срочные работы в хозяйстве требуют этого.

Из объяснений Е. видно, что он все время находился в разъездах, связанных с реализацией яблок, и имел ряд расходов при разгрузке вагонов, хранении яблок, оплате за гостиницу и др. Всего на это ушло около 11000 руб. Кроме того, им уплачено гражданам П., К., Д. и Х. за оказание помощи в отправке яблок 3050 руб., а оставшая сумма осталась ему в качестве зарплаты...

Е. реализовал яблоки колхоза им. Урицкого в 1966 г. в тот период, когда он работал в колхозе экспедитором и получал зарплату.

Утверждение Е. о том, что из полученных в колхозах 5% он нес большие расходы по командировкам и другим разъездам, разгрузке яблок, их охране и хранению и расходовал на это 10800 руб., ничем по делу не опровергнуто и находит подтверждение в показаниях свидетелей Д., К., Х. и др.

Е. не только был организатором реализации колхозных яблок, но и вкладывал свой труд. Реализуя колхозные яблоки торгующим организациям других городов, Е. действовал на основании договоров и доверенностей как представитель колхозов. Е. добросовестно выполнил свои обязательства перед колхозами, они получили большой доход от реализации яблок и никаких претензий к Е. не имели.

Позиция Верховного суда БССР по рассматриваемому вопросу находится в соответствии с пониманием состава коммерческого посредничества Верховным Судом СССР и другими судебными органами страны. О коммерческом посредничестве можно говорить лишь в случаях совершения незаконных коммерческих операций частными лицами, использующими их для нетрудового обогащения¹.

§ 2. Спекуляция

По делам о спекуляции ошибки в квалификации преступления в основном связаны с неправильным пониманием ее объективных и субъективных признаков и нечетким разграничением простой и квалифицированной спекуляции.

1. Некоторые суды при решении вопроса о том, имеется ли состав спекуляции в действиях лица, привлеченного к ответственности, забывают о том, что один лишь факт наживы от продажи той или иной вещи еще не образует спекуляции, хотя такие действия предосудительны и заслуживают морального осуждения. Для наличия состава спекуляции в соответствии со ст. 151 УК должна быть установлена «скупка и перепродажа товаров или иных предметов с целью наживы». Таким образом, из диспозиции ст. 151 УК следует, что спекуляция включает в качестве своих составных частей скупку и перепродажу (объективная сторона) и цель наживы (признак субъективной стороны преступления, свидетельствующий также о том, что оно совершается с прямым умыслом). Поскольку объективная сторона спекуляции состоит из двух звеньев — скупки и перепродажи товаров или иных предметов, — нужно выяснить значение каждого из этих звеньев для решения вопроса об уголовной ответственности лица, в действиях которого имеется лишь часть указанных в ст. 151 УК признаков.

В п. 4 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 13 декабря 1974 г. «О судебной практике по делам о спекуляции» разъяснено, что в тех случаях, когда по де-

¹ См.: «Социалистическая законность», 1966, № 1, с. 90; 1969, № 9, с. 89—90; «Бюллетень Верховного суда РСФСР», 1967, № 9, с. 5; «Радянське право», 1966, № 2, с. 96; «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1973, № 1, с. 25—27.

лу не установлена перепродажа скупленных товаров, но суд, исходя из всех доказательств по делу, придет к обоснованному выводу, что скупка товаров была произведена для перепродажи с целью наживы, то такие действия должны квалифицироваться по ст. 15 и 151 УК². В этом случае имеется покушение на спекуляцию.

Но возможна ли уголовная ответственность по ст. 151 УК при отсутствии скупки, т. е. в случаях, когда лицо продает с целью наживы вещь, которая была приобретена им для личных нужд, а не с целью спекуляции? В этих случаях покупка товара не может быть признана скупкой в смысле ст. 151 УК. Указанная в этой статье скупка рассматривается законодателем как одна из составных частей спекулятивной деятельности. Следовательно, предполагается наличие цели наживы (перепродажи с целью извлечения нетрудового дохода) уже в момент покупки товара или иного предмета, и поэтому он уже с этого момента становится предметом спекуляции.

Эта важная особенность объективной и субъективной стороны спекуляции не всегда учитывается органами следствия и судами. Поэтому встречаются случаи осуждения за спекуляцию лиц, не совершивших этого деяния.

По приговору народного суда Фрунзенского района г. Минска от 14 сентября 1961 г. Р. был необоснованно осужден по ч. 1 ст. 151 УК. Суд признал его виновным в том, что он 30 мая 1960 г. продал по спекулятивной цене за 3000 руб. автомашину «Победа», которую купил в 1957 г. за 250 руб. из числа списанных, затратив на ремонт 1150 руб.

Из материалов дела видно, что Р. купил списанную автомашину в 1957 г. не в целях спекуляции, а для личного пользования, отремонтировал ее, затратив крупную сумму на ремонт, пользовался ею до мая 1960 г., а затем продал. Поэтому Председатель Верховного суда БССР принес протест, в котором поставил вопрос об отмене приговора и прекращении дела.

Удовлетворяя протест, Президиум Минского областного суда в постановлении от 26 марта 1966 г. указал, что действия Р. не являются спекуляцией, так как автомашину он приобрел для личного пользования, а не для перепродажи. Тот факт, что он продал машину за сумму

---

² «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1975, № 1, с. 14.

большую, чем сам уплатил за нее, не может рассматриваться, как спекуляция.

В подобных случаях лица, продающие ранее купленную ими автомашину, нередко извлекают большой нетрудовой доход, чем и вызвано стремление органов следствия и суда расценивать такие действия как уголовно наказуемые со ссылкой на то, что от продажи получена нажива в крупном размере. Особенно характерно в этом отношении дело Д. и Д-вой, по которому даже Верховный суд БССР встал на такую позицию.

Названные лица (супруги) были осуждены по приговору народного суда Советского района г. Минска от 17 апреля 1962 г., оставленному без изменения Минским областным судом по ч. 2 ст. 151 УК. Им было вменено в вину то, что они перепродали автомашину с целью наживы.

Д. работал заведующим автосекции магазина «Автомобили» в г. Минске. 8 декабря 1956 г. он купил на комиссионных началах автомашину «Победа» за 900 руб. (суммы указываются в переводе на новые деньги). Все документы на владение автомашиной были оформлены на его жену — Д-ву. На ремонт машины Д. и Д-ва затратили 311 руб. 15 марта 1960 г. Д. и Д-ва эту машину продали Л. с целью наживы за 3200 руб. Таким образом, они обогатились на 1989 руб.

По протесту заместителя Прокурора БССР дело рассматривалось 17 января 1969 г. Судебной коллегией по уголовным делам Верховного суда БССР. Протест, в котором ставился вопрос о прекращении дела производством ввиду отсутствия в действиях Д-вых состава преступления, не был удовлетворен. Судебная коллегия Верховного суда БССР сослалась при этом на то, что «ст. 151 УК БССР предусматривает уголовную ответственность за скупку и перепродажу товаров или иных предметов с целью наживы. Определяющим элементом состава спекуляции является цель наживы, которая заключается в стремлении виновного неосновательно обогатиться за счет перепродажи скупленных товаров». В определении отмечается, что супруги Д-вы продали автомашину в связи с тем, что узнали о возможности купить такую же автомашину (и даже в лучшем техническом состоянии) у А. за 1500 руб., что они и сделали после продажи «Победы». Следовательно, указывается в определении, «Д-вы

продали купленную ими ранее автомашину не случайно, а с целью наживы, поэтому ссылку в протесте на п. 5 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 20 сентября 1946 г., где говорится об отсутствии состава преступления в случае случайной продажи или обмена вещей, приобретенных для личного пользования, а не для перепродажи, в данном случае нельзя признать обоснованной. Из материалов дела видно, что Д-ва нигде не работала, ее муж получал зарплату 120—140 руб., на иждивении у них было двое несовершеннолетних детей. Из показаний свидетеля П. видно, что супруги Д-вы жили явно не по средствам. При таких обстоятельствах суд правильно признал, что Д. и Д-ва купили и перепродали автомашину в целях наживы и обоснованно признал их виновными в спекуляции».

Спора нет, Д-вы встали на путь извлечения нетрудового дохода и заслуживают строгого порицания. И все же состава спекуляции в их действиях не было ввиду отсутствия скупки в том значении, которое придается этому термину в ст. 151 УК. В связи с этим по протесту Председателя Верховного Суда СССР Пленум этого суда постановлением от 21 декабря 1970 г. отменил все ранее состоявшиеся по делу решения и прекратил его производством ввиду отсутствия в действиях Д-вых состава преступления.

2. Неправильное понимание субъективной стороны спекуляции выражается или в том, что необходимым ее признаком признается не цель наживы, а факт обогащения от перепродажи товаров, или в том, что установлению размера нетрудового дохода не придается никакого значения. Обе эти ошибки имели место при рассмотрении дела И. и Ю.

По приговору народного суда Вилейского района от 31 января 1972 г. И. осуждена за злоупотребление служебным положением и соучастие в спекуляции, а Ю. — за спекуляцию. Их преступные действия выразились в том, что И., работая заведующей магазином, вступила в преступную связь с Ю. и передала ей для реализации по спекулятивным ценам 11 пар женских и мужских сапог. После реализации сапог И. и Ю. разделили между собой деньги, полученные в качестве нетрудового дохода.

Постановлением Президиума Минского областного суда от 15 марта 1972 г. дело направлено на дополнитель-

ное расследование. Президиум указал при этом, что в нарушение ст. 143 УПК «в постановлениях о привлечении в качестве обвиняемых И. и Ю. не указано, по какой цене были проданы сапоги, какая получена сумма нетрудового дохода как средства наживы, что является обязательным признаком спекуляции. Предъявленная формулировка обвинения в общих выражениях без указания конкретных преступных фактов лишает обвиняемых возможности знать, в чем они обвиняются, и нарушает их право на защиту».

Заместитель Прокурора БССР принес протест, в котором указывается, что обязательным признаком спекуляции является цель наживы, а не сумма нетрудового дохода, поэтому И. и Ю. правильно предъявлено обвинение в перепродаже сапог с целью наживы с указанием количества перепроданных товаров.

Не соглашаясь с протестом, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда БССР в определении от 28 апреля 1972 г. указала: «Исходя из смысла ст. 143 УПК БССР, в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого должны быть указаны конкретные и существенные обстоятельства совершенного преступления. Такими существенными обстоятельствами для квалификации действий по ст. 151 УК БССР являются, наряду с другими, размер спекулятивных сделок, сумма неосновательного обогащения. Последнее обстоятельство необходимо и для решения судом вопроса о взыскании с виновных нетрудового дохода, полученного при спекуляции.

В постановлениях же о предъявлении обвинения И. и Ю. указано только, что первая передала второй 11 пар сапог для реализации по спекулятивным ценам. Ю. реализовала из них 10 пар, а суммы, полученные от спекуляции, виновные поделили. Поэтому Президиум Минского областного суда правильно указал на грубое нарушение органами следствия ст. 143 УПК...

Однако в постановлении президиума неправильно указано, что получение нетрудового дохода является обязательным признаком спекуляции. Ответственность по ст. 151 УК БССР наступает и в том случае, если скупка товаров производилась с целью наживы, хотя бы перепродажа была произведена без фактической прибыли...»

3. Некоторые суды расширительно толкуют понятие промысла, как одного из квалифицированных видов спе-

куляции, в связи с чем простая спекуляция ошибочно квалифицируется по ч. 2 ст. 151 УК.

Например, по приговору народного суда г. Бобруйска от 16 апреля 1966 г., оставленному без изменения Могилевским областным судом, Г. осуждена по ч. 2 ст. 151 за то, что в январе 1966 г. в Каунасе купила три полушерстяных жакета и три джемпера по 18 руб., а в Бобруйске продавала их по 25 руб. 9 марта 1966 г., когда в отношении Г. велось следствие, она опять поехала в г. Каунас и с целью последующей перепродажи купила там джемпера, которые у нее были изъяты в г. Бобруйске.

По протесту Председателя Верховного суда БССР Президиум Могилевского областного суда переквалифицировал действия Г. по ч. 1 ст. 151 УК. Он указал, что «под спекуляцией в виде промысла понимается систематическая скупка и перепродажа вещей, являющаяся основным дополнительным источником извлечения нетрудового дохода. Г. же вменяется в вину только два случая скупки вещей в г. Каунасе, где ею было скуплено в общей сложности 10 джемперов. Следовательно, в ее действиях нет спекуляции в виде промысла...»

Аналогичная ошибка была допущена народным судом Заводского района г. Минска в приговоре от 28 мая 1969 г. по делу Р., которая признана виновной в спекуляции в виде промысла. В начале 1969 г. осужденная купила в г. Вильнюсе восемь платьев стоимостью 18 руб. за платье и 2 марта того же года продала пять из них на рынке пос. Раков по цене 20—28 руб. за платье. Кроме того, она в тот же день продала два берета стоимостью 8 руб. по цене 10 руб. за один берет.

В 1968 г. Р. с целью наживы перепродала соседям мужское пальто, свитер, шарф, кофту, 5 мужских сорочек, детские брюки и туфли, две пары чулок.

В результате спекуляции промышленными товарами Р. получила нетрудовой доход в размере 79 руб.

Заместитель Председателя Верховного суда БССР внес в Судебную коллегия по уголовным делам Верховного суда БССР протест, в котором поставил вопрос о переквалификации названного преступления с ч. 2 на ч. 1 ст. 151 УК.

Судебная коллегия удовлетворила протест, указав при этом, что «в деле не имеется данных, что Р. занималась спекуляцией систематически. До 2 марта 1969 г. она два-

жды скупала товары для перепродажи с целью наживы, так как в то время она не работала, и семья ее в тот период времени находилась в затруднительном материальном положении. В результате спекуляции Р. извлекла незначительный нетрудовой доход».

Таким образом, Верховный суд БССР правильно ориентирует судебные органы республики на необходимость всестороннего учета всех обстоятельств дела в совокупности при разграничении простой спекуляции и спекуляции в виде промысла. Должны учитываться не только количество спекулятивных операций, но и размер полученного нетрудового дохода, поскольку неоднократная скупка-перепродажа товаров или иных предметов с целью наживы не может рассматриваться как занятие спекуляцией в виде промысла, если размер наживы был незначительным. В этом случае занятие спекуляцией не является источником существования виновного (основным или дополнительным).

§ 3. Обман покупателей и заказчиков

В практике применения судами республики ст. 153 УК отсутствовало единообразие в понимании некоторых признаков состава обмана покупателей и заказчиков, что порождало разноречивость в решении соответствующих вопросов. В связи с этим Верховным судом БССР были изучены уголовные дела данной категории, а Пленум этого суда 28 ноября 1973 г. принял постановление № 5 «О практике рассмотрения судами Белорусской ССР дел об обмане покупателей и заказчиков». В этом постановлении даны руководящие разъяснения и по ряду вопросов, относящихся к квалификации рассматриваемых преступных действий.

1. Объективная сторона преступления в ст. 153 УК (в редакции Указа Президиума Верховного Совета БССР от 11 сентября 1972 г.³) сформулирована как «обмеривание, обвешивание, обсчет, превышение установленных розничных цен, а также цен и тарифов на бытовые и коммунальные услуги, оказываемые населению, или иной обман покупателей и заказчиков в магазинах и иных торговых предприятиях или предприятиях общественного

³ СЗ БССР 1972, № 26, ст. 404.

питания, бытового обслуживания населения и коммунального хозяйства». Таким образом, дается не исчерпывающий, а примерный перечень способов (форм) обмана. В связи с этим важное значение приобретает раскрытие содержания «иногo обмана покупателей и заказчиков», о котором говорится в ст. 153 УК. Пленум Верховного суда БССР разъяснил, что по смыслу этой статьи «под иным обманом покупателей и заказчиков следует понимать такие действия, как продажа фальсифицированных товаров, продажа товаров низшего сорта по цене высшего, продажа уцененных товаров по ценам, существовавшим до уценки, искусственное увеличение веса или объема товара в момент продажи, закладка в приготавливаемые блюда, подлежащие реализации, меньшего количества продуктов, чем предусмотрено нормами, исполнение заказов из материалов более низкого качества и т. п.».

2. В ст. 153 УК не определена субъективная сторона преступления. Правда, из приведенного выше определения признаков состава обмана покупателей и заказчиков можно сделать вывод, что это преступление, поскольку оно характеризуется как обман, может быть совершено только с прямым умыслом. По неосторожности обмануть нельзя, косвенный умысел также исключается. Но неясным остается вопрос о том, обязательно ли для наличия состава данного преступления установление корыстной цели. А случаи обмана покупателей и заказчиков без корыстной цели, причиняющие им серьезный ущерб⁴ и дискредитирующие в их глазах торговые организации, предприятия общественного питания, бытового обслуживания населения или коммунального хозяйства, встречаются не так уж редко.

Судебные органы республики, как правило, квалифицировали обман покупателей и заказчиков по ст. 153 УК и в том случае, когда он совершен без корыстной цели, в неправильно понятых интересах социалистической ор-

---

⁴ Этот ущерб иногда выливается (в суммированном выражении) в огромные цифры. Так, в одном случае с покупателями при продаже кровельного железа по завышенным ценам с целью выполнения и перевыполнения плана было переполучено 6534 руб. («Известия», 17 января и 28 февраля 1970 г.); в другом случае — путем завышения с той же целью цен на мороженое — 31 900 руб.; в третьем — в результате продажи через автоматы вина и пива по завышенным ценам (тоже для выполнения плана) — более 200 000 руб. («Труд», 25 февраля 1961 г.).

ганизации. Отсутствие корыстной цели рассматривается лишь как обстоятельство, смягчающее ответственность. В частности, на него (в числе других смягчающих обстоятельств) сослалась Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда БССР в определении от 2 октября 1964 г. по делу С., снижая ей по ст. 153 УК назначенную народным судом меру наказания (коллегия сочла возможным применить условное осуждение).

Однако встречались случаи, когда ст. 153 УК не применялась, если обман покупателей или заказчиков был совершен без корыстной цели. В связи с этим, чтобы исключить неединообразное применение ст. 153 УК из-за различного понимания признаков субъективной стороны предусмотренного ею преступления, Пленум Верховного суда БССР разъяснил судам, что «обман покупателей и заказчиков может быть совершен только с прямым умыслом» и что «мотивы и цель совершенного обмана покупателей и заказчиков не имеют значения для наличия этого состава преступления».

3. Часть 2 ст. 153 УК предусматривает в качестве одного из квалифицированных видов рассматриваемого преступления обман покупателей и заказчиков, совершенный «в крупных размерах». Некоторые суды отождествляли этот признак с понятием крупного размера при хищении государственного и общественного имущества. Указывая на недопустимость смешения этих понятий, Пленум Верховного суда БССР напомнил судам, что в соответствии со сложившейся судебной практикой крупный размер при обмане покупателей и заказчиков имеется в случае, когда потерпевшим причинен ущерб на сумму свыше 100 руб. Вместе с тем Пленум обратил внимание судов на то, что с учетом стоимости и количества товаров, при продаже которых был совершен обман, по ч. 2 ст. 153 УК могут быть квалифицированы действия лиц, совершивших обман покупателей или заказчиков и на сумму менее 100 руб.

4. Пленум разъяснил, что по ст. 153 могут нести ответственность работники магазинов и иных торговых предприятий или предприятий общественного питания, бытового обслуживания населения и коммунального хозяйства, чья деятельность непосредственно связана с реализацией товаров или заказов гражданам, а также те работники, которые заняты реализацией продукции насе-

лению по поручению администрации названных предприятий, совхозов и колхозов.

5. Значительное внимание в постановлении Пленума Верховного суда БССР от 28 ноября 1973 г. № 5 уделено соотношению состава обмана покупателей или заказчиков и других сходных преступлений. В частности, Пленум указал на невозможность идеальной совокупности обмана покупателей или заказчиков и злоупотребления должностного лица своим служебным положением. По этому вопросу в постановлении Пленума дано такое разъяснение: «Если должностное лицо (завмаг, завскладом и др.), в обязанности которого входит и продажа населению товаров или реализация заказов, допускает обсчет, обмеривание, обвешивание, превышение установленных розничных цен и тарифов, действия его квалифицируются по ст. 153 УК БССР. Дополнительной квалификации за должностное преступление не требуется, ибо ст. 153 УК БССР является специальной нормой закона, охватывающей указанные действия должностного лица». Приведенное разъяснение, безусловно, является правильным, так как в указанном случае имеется не совокупность преступлений, а конкуренция составов. В случае же конкуренции общей и специальной нормы, как известно, должна применяться специальная норма.

Вместе с тем Пленум Верховного суда БССР правильно отметил, что квалификация по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 153, 166 или другими статьями УК, необходима в том случае, если наряду с обманом покупателей или заказчиков виновный совершил иные преступные действия, предусмотренные ст. 166 или другой статьей УК.

Аналогично должен решаться вопрос о том, в каких случаях возможна совокупность обмана покупателей или заказчиков и хищения государственного или общественного имущества. Состав хищения нет, а имеется лишь преступление, предусмотренное ст. 153 УК, если присваиваются излишки товаров или денег, образовавшиеся в результате обмана покупателей или заказчиков. Именно для этого в большинстве случаев и совершается данное преступление. Однако возможна реальная совокупность названных преступлений. Поэтому в п. 7 постановления Пленума Верховного суда БССР указывается, что действия виновного, создающего излишки материальных

ценностей путем обмана покупателей или заказчиков в целях сокрытия уже совершенного хищения государственного или общественного имущества, квалифицируются по совокупности как обман покупателей или заказчиков и хищение социалистического имущества.

§ 4. Изготовление, сбыт и хранение крепких спиртных напитков домашней выработки

В судебной практике возник ряд спорных вопросов по применению ст. 155 УК, особенно после внесения дополнений и изменений в эту статью Указом Президиума Верховного Совета БССР от 29 марта 1973 г.⁵, изданным в связи с Указом того же Президиума от 21 июня 1972 г. «О мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма»⁶. Большинство этих вопросов нашло разрешение в постановлении Пленума Верховного суда БССР от 27 декабря 1972 г. № 5 «О судебной практике по делам о самогонварении» (с изменениями и дополнениями, внесенными постановлением от 30 мая 1973 г. № 2) и постановлении № 2 Пленума Верховного Суда СССР от 12 января 1973 г. «О судебной практике по делам об изготовлении, сбыте, хранении крепких спиртных напитков домашней выработки»⁷.

1. В судебной практике не было единого понимания термина «другие крепкие спиртные напитки домашнего изготовления», который употребляется в ст. 155 УК. Для нашей республики данный вопрос особенно актуален, так как ранее ответственность за изготовление, хранение или сбыт таких напитков ст. 155 не предусматривалась и эти действия могли наказываться лишь в определенных случаях, если они содержали признаки состава занятия запрещенным промыслом (в п. «к» § 4 Правил регистрации некооперированных кустарей и ремесленников, утвержденных постановлением Совета Министров СССР от 30 июня 1949 г., признается запрещенным промыслом «производство из покупного и давальческого сырья вина и алкогольных напитков») ⁸.

⁵ СЗ БССР 1973, № 10, ст. 164.

⁶ СЗ БССР 1972, № 18, ст. 261.

⁷ Сборник..., с. 500—504.

⁸ См.: Уголовный кодекс Белорусской ССР. Минск, 1971, с. 162.

В практике судов БССР встречались случаи, когда на их рассмотрение поступали дела о домашнем изготовлении наливок, настоек и т. п. напитков путем брожения, без перегонки. Большинство судов республики правильно считало, что в таких случаях нет состава преступления, предусмотренного ст. 155 УК. В этом направлении ориентировал судебные органы и Верховный суд БССР. Однако ввиду отсутствия по данному вопросу руководящих указаний он решался по-разному. Высказывались мнения о том, что при толковании понятия «крепкие спиртные напитки» нужно исходить не только из способа их изготовления, но и из крепости.

В п. 4 постановления № 2 Пленума Верховного Суда СССР от 12 января 1973 г. даны исчерпывающие разъяснения по данному вопросу, которые нам представляются правильными. Учитывая, что по смыслу закона запрещение домашнего изготовления крепких спиртных напитков связывается со способом их выработки при помощи аппаратов, Пленум Верховного Суда СССР разъяснил, что к другим крепким спиртным напиткам (наряду с прямо перечисленными в законодательстве⁹), за изготовление которых установлена уголовная ответственность, относятся спиртные напитки, выработанные путем перегонки. Домашнее же изготовление различных наливок, настоек и т. п. не образует состава преступления, предусмотренного ст. 155 УК. При этом Пленум указал, что в тех случаях, когда у суда при рассмотрении дела возникнут сомнения относительно способа изготовления спиртного напитка, либо необходимость определить, из каких продуктов он изготовлен, и выяснение этих обстоятельств имеет значение для решения вопроса о виновности и правильности квалификации содеянного, следует назначить судебную экспертизу¹⁰.

2. Поскольку в ст. 155 в числе крепких спиртных напитков домашней выработки названа брага, т. е. разновидность такого напитка, не следует смешивать понятие такой браги с распространенным в нашей республике наименованием брагой алкогольной массы, используемой для выработки самогона (чтобы избежать смешения этих разных понятий, мы не будем называть эту алко-

⁹ В ст. 155 УК — самогоном и брагой.

¹⁰ Сборник..., с. 502.

гольную массу брагой, хотя в процессуальных документах, особенно до изменения и дополнения ст. 155, этот термин широко применялся как равнозначный понятию алкогольной массы, закваски).

Квалификация изготовления алкогольной массы для последующей выработки самогона давалась судами неодинаково. Одни суды такие действия признавали окончанным преступлением и квалифицировали по ст. 155 УК, другие рассматривали их как покушение на изготовление самогона, в связи с чем применяли ст. 15, ч. 2, и 155 УК.

Признание изготовления алкогольной массы окончанным самогонованием противоречило понятиям покушения и окончанного преступления и не вытекало из описания в законе признаков состава самогонования¹¹.

Однако Пленум Верховного суда БССР, принимая постановление от 27 декабря 1962 г. № 5, счел возможным разъяснить судам, что «изготовление браги для самогонования образует окончанный состав преступления, предусмотренный ст. 155 УК БССР, поскольку это является процессом изготовления самогона».

Поскольку Пленумом Верховного Суда СССР в п. 6 постановления № 2 от 12 января 1973 г. было дано иное разъяснение по данному вопросу, Пленум Верховного суда БССР 30 мая 1973 г. внес изменения и дополнения в приведенную формулировку и изложил ее следующим образом: «Приготовление алкогольной массы (самогонной браги) для последующей выработки из нее крепких спиртных напитков должно квалифицироваться как покушение на их изготовление по ст. 15, ч. 2, и 155 УК БССР».

В случае же изготовления самогона или других крепких спиртных напитков, хотя бы из части алкогольной массы, действия виновных следует квалифицировать как окончанное преступление по ст. 155 УК БССР».

Разумеется, следует иметь в виду, что если наряду с приготовлением алкогольной массы виновный изготовил или хранил аппарат для домашней выработки крепких спиртных напитков либо изобличен в хранении или сбыте таких напитков, хотя бы и не изготовленных им

¹¹ См. подробнее об этом в кн.: *Тишкевич И. С.* Приготовление и покушение по советскому уголовному праву (понятие и наказуемость). М., 1958, с. 141—142.

самим, ссылка на ст. 15 УК в квалификации преступления не требуется. Для признания преступления окончанным достаточно совершения хотя бы одного из указанных в ст. 155 преступных действий: изготовления, хранения или сбыта самогона, браги или других крепких спиртных напитков домашней выработки, изготовления, хранения или сбыта аппарата для их выработки.

3. В связи с подготовкой проекта постановления от 27 декабря 1962 г. № 5 на заседании научно-консультативного совета при Верховном суде БССР обсуждался вопрос о том, что следует понимать под уголовно наказуемым хранением самогона и чем оно отличается от приобретения самогона, влекущего административную ответственность. Поскольку единство мнений по этому вопросу достигнуто не было, Пленум решил соответствующий пункт в постановление не включать. Отсутствие указаний по данному вопросу привело к тому, что одни органы следствия и суды вообще не привлекали к уголовной ответственности за хранение самогона, другие толковали это понятие слишком широко, по сути дела отождествляли его с приобретением. Например, по приговору народного суда Хойникского района от 27 января 1964 г., оставленному без изменения Гомельским областным судом, В. был осужден по ч. 1 ст. 155 УК за то, что в декабре 1963 г. купил и хранил у себя дома под полом три бутылки самогона. Видимо, осуждая за такое хранение самогона, суды считали, что если приобретенный самогон тут же не потреблен, а некоторое время хранился, то должна наступать не административная, а уголовная ответственность. Существовало также мнение, что при разграничении уголовно наказуемого хранения самогона и приобретения его, как административного правонарушения, нужно учитывать количество хранимого самогона.

Пленум Верховного Суда СССР в п. 8 постановления № 2 от 12 января 1973 г. разъяснил, что по смыслу Указов Президиумов Верховных Советов союзных республик о мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма лица, уличенные в хранении приобретенных ими крепких спиртных напитков домашней выработки для собственного потребления, не могут за это нести уголовной ответственности. Поэтому, установив при судебном разбирательстве факты приобретения крепких спиртных

напитков домашней выработки и хранения их в указанных целях, суды должны ставить вопрос о привлечении виновных к административной ответственности либо о применении к ним мер общественного воздействия.

Однако приведенное разъяснение непосредственно не вытекает из смысла ст. 12 Указа Президиума Верховного Совета БССР от 21 июня 1972 г. «О мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма». В этой статье говорится лишь о том, что к административной ответственности могут быть привлечены «лица, уличенные в приобретении самогона, браги или других крепких спиртных напитков домашней выработки»¹². Отнюдь не сказано, что имеется в виду приобретение указанных напитков для собственного потребления. Пленум Верховного Суда СССР, разъясняя понятие хранения крепких спиртных напитков домашней выработки, вышел, как нам представляется, за пределы предоставленных ему полномочий. Мы не согласны с теми, кто считает, будто «согласно закону, уголовная ответственность за хранение крепких спиртных напитков домашней выработки может наступить лишь в тех случаях, когда виновный уличен в хранении изготовленных им спиртных напитков или в хранении их по просьбе других лиц»¹³. Непосредственно в законе об этом не говорится, хотя такая формулировка признаков уголовно наказуемого хранения крепких спиртных напитков домашней выработки была бы более четкой и удачной. Поэтому желательно, чтобы разъяснение по данному вопросу, аналогичное содержащемуся в постановлении Пленума Верховного Суда СССР, было дано Президиумом Верховного Совета БССР.

4. Статья 155 УК к числу более опасных действий, влекущих повышенную ответственность, относит изготовление или хранение с целью сбыта самогона, браги или других крепких спиртных напитков домашней выработки либо изготовление с целью сбыта аппаратов для их выработки, а также сбыт указанных спиртных напитков или аппаратов (ч. 3 и 4). В связи с этим важное значение для квалификации преступления имеет установление наличия или отсутствия у виновного цели сбыта назван-

¹² «Советская Белоруссия», 23 июня 1972 г.

¹³ См.: Судебная практика по делам об изготовлении, сбыте, хранении крепких спиртных напитков домашней выработки.— «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1973, № 4, с. 46.

ных в ст. 155 напитков и аппаратов. Между тем некоторые органы следствия и суды не проверяют правдивость показаний виновных о цели изготовления спиртных напитков, что нередко приводит к неправильной уголовно-правовой оценке их действий.

Например, Кобринский районный народный суд Брестской области поверил, что О. изготовила 20 л самогона «для натирания больной ноги», а Д.— 23 л самогона для приготовления лекарства, поскольку, как пояснила Д., весной она всегда чувствует себя плохо. Шестидесятилетняя С., изготовившая 200 л браги, заявила в суде: «Мой муж болеет сердцем, и я думала, что он скоро умрет, поэтому сделала брагу, из которой думала выгнать самогон на похороны». Между тем в деле имеется справка, что муж моложе ее на три года, работает в колхозе скотником и никаких данных о его болезни нет. Все названные лица были осуждены народным судом по ч. 1 ст. 155 УК¹⁴.

Для исключения возможности таких ошибок Пленум Верховного Суда СССР потребовал от судов устанавливать цель изготовления или хранения указанных в ст. 155 УК спиртных напитков, учитывая при этом количество обнаруженных спиртных напитков, алкогольной массы (закваски самогонной браги и т. п.), приготовленной для их выработки, а также другие обстоятельства по делу.

Какое же содержание вкладывается законодателем в понятие сбыта спиртных напитков или аппаратов для их выработки?

В п. 3, «б», постановления Пленума Верховного суда БССР от 27 декабря 1962 г. (в редакции постановления от 30 мая 1973 г. № 2) говорится: «По ст. 155, ч. 3 и 4, УК БССР несут ответственность лица, которые изготавливают с целью сбыта или сбывают изготовленные ими самогон, другие крепкие спиртные напитки домашней выработки или аппараты для их выработки, а также лица, сбывающие самогон, другие крепкие спиртные напитки домашней выработки или аппараты для их выработки по поручению изготовителей или других лиц, не являющихся изготовителями, если эти действия не образуют состава преступления, предусмотренного ст. 151 УК БССР.

---

¹⁴ См.: «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1973, № 4, с. 43

Под сбытом самогона следует понимать продажу, обмен, передачу самогона в счет покрытия долга или оплаты каких-либо услуг и т. д.».

Содержащееся в приведенном разъяснении определение сбыта является правильным, но недостаточно конкретным. Не совсем ясно, что понимать под «и т. д.» Наличие примерного перечня действий, рассматриваемых как сбыт самогона, без указания в общей форме на основной признак этого понятия, создает трудности при оценке действий, не указанных в перечне. В частности, по-разному оценивалось изготовление самогона для угощения лиц, выполнявших по просьбе угощающего ту или иную работу (например, строительство или ремонт дома). Одни суды считали такие действия сбытом самогона, другие нет.

Поэтому в п. 3 постановления № 2 Пленума Верховного Суда СССР от 12 января 1972 г. разъяснено, что «под сбытом крепких спиртных напитков домашнего изготовления или аппаратов для их выработки, помимо продажи упомянутых спиртных напитков или аппаратов, следует понимать и другие действия, связанные с извлечением виновным материальных выгод (обмен спиртных напитков или аппаратов на другие продукты или товары, передачу в счет покрытия долга, оплату ими за работу вместо денежного вознаграждения)»¹⁵.

Таким образом, Пленум не только назвал наиболее распространенные формы сбыта крепких спиртных напитков домашней выработки, но и указал на такой важный общий признак сбыта, как извлечение виновным материальной выгоды от передачи другим лицам спиртных напитков или аппаратов для их изготовления.

Отсюда правильно делается вывод, что «если угощение крепкими спиртными напитками домашней выработки не входило в счет оплаты за произведенную работу, то виновные могли быть привлечены к уголовной ответственности за изготовление спиртных напитков, но без цели сбыта»¹⁶.

5. Если сбытом крепких спиртных напитков домашней выработки или аппаратов для их изготовления зани-

¹⁵ Сборник..., с. 502.

¹⁶ Судебная практика по делам об изготовлении, сбыте, хранении крепких спиртных напитков домашней выработки.— «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1973, № 4, с. 44.

мается лицо, которое скупило их у других граждан для перепродажи по более высокой цене с целью наживы, возникает вопрос о том, нет ли в этих случаях совокупности преступлений, предусмотренных ст. 151 и 155 УК. Вопрос этот до принятия Пленумом Верховного Суда СССР постановления № 2 от 12 января 1973 г. решался в союзных республиках по-разному. В соответствии с п. 3, «в», постановления Пленума Верховного суда БССР от 27 декабря 1962 г. № 5 такие действия квалифицировались только как спекуляция. Напротив, суды Литовской ССР, имея в виду, что в ст. 11 Указа Президиума Верховного Совета Литовской ССР «О мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма» говорится об изготовлении, хранении или скупке с целью сбыта крепких спиртных напитков домашней выработки либо аппаратов для их выработки, а равно сбыте этих напитков или аппаратов, и считая, что таким образом диспозиция закона предусматривает и спекуляцию спиртными напитками либо аппаратами, квалифицировали такие действия только как сбыт. Большинство же судов, в частности суды РСФСР (в соответствии с п. 4, «а», постановления Пленума Верховного суда республики от 10 июня 1961 г. «О судебной практике по делам о самогонварении» в редакции постановления этого Пленума от 28 декабря 1971 г. № 62) ¹⁷ квалифицировали рассматриваемые действия как совокупность преступлений по законам, устанавливающим ответственность за сбыт спиртных напитков домашней выработки и аппаратов и спекуляцию ими ¹⁸.

Как совокупность преступлений рассматриваются такие действия и в п. 9 постановления № 2 Пленума Верховного Суда СССР от 12 января 1973 г. В приведенном в соответствие с этим разъяснением п. 3, «в», постановления Пленума Верховного суда БССР от 27 декабря 1972 г. (в редакции постановления от 30 мая 1973 г. № 2) указывается, что «скупка и перепродажа с целью наживы самогона, браги или других крепких спиртных напитков домашнего изготовления, а также аппаратов для их выработки должны рассматриваться, при наличии к тому

¹⁷ См.: Сборник постановлений Пленума Верховного суда РСФСР 1961—1971. М., 1972, с. 8.

¹⁸ См.: «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1973, № 4, с. 46.

оснований, как совокупность преступлений и квалифицироваться по ст. 151 и 155, ч. 3 или 4, УК БССР».

Но что означает сделанная Пленумом Верховного Суда СССР, а вслед за ним и Пленумом Верховного суда БССР оговорка: «при наличии к тому оснований»? В обзоре «Судебная практика по делам об изготовлении, сбыте, хранении крепких спиртных напитков домашней выработки»¹⁹ указаний по этому вопросу мы не находим. Более того, в нем говорится, что разъяснение, содержащееся в п. 9 постановления № 2 Пленума Верховного Суда СССР от 12 января 1973 г., дано «исходя из того, что при спекуляции крепкими спиртными напитками домашнего изготовления или аппаратами для их выработки виновные в этом лица занимаются по существу одновременно и их сбытом, что также влечет уголовную ответственность»²⁰.

Но при таком пояснении слова «при наличии к тому оснований» оказываются лишними. Нам представляется, что они нужны, и вот почему. В рассматриваемых случаях совокупность преступлений, предусмотренных ст. 151 и 155 УК, имеется не всегда, а лишь тогда, когда сбыт крепких спиртных напитков домашней выработки или аппаратов для их выработки наказывается менее строго, чем спекуляция. А это возможно только в случае, если есть признаки спекуляции при отягчающих обстоятельствах (ч. 2 ст. 151 УК), поскольку максимальное наказание за такую спекуляцию — 7 лет лишения свободы, а за сбыт по ч. 3 и 4 ст. 155 УК — соответственно 3 и 5 лет. В остальных случаях квалификация по совокупности преступлений не требуется, так как максимальное наказание за простую спекуляцию (ч. 1 ст. 151 УК) — 2 года лишения свободы, т. е. более мягкое, чем по ч. 3 и 4 ст. 155 УК. Если бы не указанное несоответствие в санкциях, следовало бы всегда применять только ст. 155 УК.

6. Важное значение для квалификации указанных в ст. 155 УК действий имеет правильное понимание признака повторности как отягчающего обстоятельства (ч. 2 и 4 названной статьи). Согласно п. 5 постановления № 2 Пленума Верховного Суда СССР от 12 января 1973 г., изготовление или хранение крепких спиртных напитков

¹⁹ См.: «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1973, № 4, с. 46—47.

²⁰ См. там же, с. 46—47.

домашней выработки и аппаратов для их выработки без цели сбыта и те же действия с целью сбыта, а равно их сбыт (в любой последовательности) не образуют признака повторности, предусмотренного ч. 2 или 4 ст. 155 УК. В указанных случаях действия виновных надлежит квалифицировать по совокупности совершенных преступлений²¹.

Это разъяснение соответствует закону, потому что в ч. 2 ст. 155 УК под «теми же действиями, совершенными повторно», понимается повторное «изготовление или хранение без цели сбыта самогона, браги или других крепких спиртных напитков домашней выработки, а также изготовление без цели сбыта или хранение аппаратов для их выработки», а в ч. 4 той же статьи — повторное «изготовление или хранение с целью сбыта самогона, браги или других крепких спиртных напитков домашней выработки либо изготовление с целью сбыта аппаратов для их выработки, а равно сбыт указанных спиртных напитков или аппаратов».

Сравнение санкций ч. 1 и 4 ст. 155 УК показывает, что данное Пленумом Верховного Суда СССР определение признака повторности не повлечет какого-либо несоответствия в сравнительной тяжести назначенных при такой квалификации наказаний.

Повторное совершение действий, указанных в ст. 155 УК, не следует смешивать со случаями продолжаемого преступления, которое имеется, например, при изготовлении значительного количества самогона в несколько приемов (для свадьбы, проводов сына в армию и т. п.). В таких случаях действия виновного не могут быть квалифицированы как повторные, так как они объединены единством преступного намерения и составляют одно (продолжаемое) преступление.

§ 5. Незаконное занятие рыбным промыслом и незаконная охота

Значительное количество ошибок допускалось судами при рассмотрении уголовных дел о незаконном занятии рыбным или другим водным добывающим промыслом (ст. 161 УК) и незаконной охоте (ст. 163 УК).

---

²¹ Сборник..., с. 502—503.

1. По-разному решался вопрос о разграничении незаконной охоты как административного правонарушения и незаконной охоты, являющейся преступлением. В ч. 1 ст. 163 УК уголовно наказуемая охота определена как «охота без надлежащего на то разрешения или в запрещенных местах, либо в запрещенные сроки, запрещенными орудиями и способами, если эти действия совершены после применения мер административного воздействия за такое же нарушение». В связи с этим возникает вопрос о том, в течение какого промежутка времени административное взыскание за незаконную охоту может служить основанием для признания преступлением нового случая незаконной охоты. Пленум Верховного суда БССР в п. 2 постановления № 2 от 5 мая 1971 г. «О судебной практике по применению законодательства об охране природы» разъяснил, что «уголовная ответственность по ч. 1 ст. 163 УК БССР наступает в том случае, если лицо в течение года со дня наложения на него административного взыскания за незаконную охоту снова нарушило правила охоты».

2. По делам о незаконном занятии рыбным промыслом, как правило, не устанавливалось, какие породы рыб были выловлены или уничтожены и в каком размере этими действиями причинен ущерб. Между тем выяснение указанных обстоятельств очень важно для правильной квалификации преступления, поскольку незаконное занятие рыбным промыслом, сопряженное с убоем или уловом ценных пород рыб или причинением крупного ущерба, влечет более строгую ответственность по ч. 2 ст. 161 УК.

В судебной практике не было единства по вопросу о том, что следует понимать под крупным ущербом, причиненным незаконным рыбным промыслом (ч. 2 ст. 161 УК) и незаконной охотой (ч. 2 ст. 163 УК).

В связи с этим Пленум Верховного суда БССР в п. 3 постановления № 2 от 5 мая 1971 г. дал такое разъяснение судам: «Под крупным ущербом, причиненным незаконной охотой, следует понимать большое количество убитых животных или птиц или убой ценных или крупных животных (зубра, лося, оленя, бобра речного).

Крупным ущербом, причиненным незаконным рыбным промыслом, следует считать большое количество выловленной или уничтоженной рыбы».

Важные разъяснения по указанным и некоторым другим вопросам применения ст. 161 и 163 УК содержатся также в постановлении № 1 Пленума Верховного Суда СССР от 11 апреля 1972 г. «О практике применения законодательства об охране природы» (см. п. 4, 6—11)²².

---

²² Сборник..., с. 507—509.

ГЛАВА 5. КВАЛИФИКАЦИЯ ДОЛЖНОСТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

§ 1. Понятие должностного преступления¹

Верховному суду БССР пришлось неоднократно исправлять ошибки нижестоящих судов, выражающиеся в неправильном признании должностными преступлениями таких общественно опасных деяний, которые не содержат признаков этих преступлений.

В соответствии с законом должностным преступлением может быть признано лишь умышленное или неосторожное действие или бездействие должностного лица, связанное с его служебным положением, но совершенное вопреки интересам службы и причинившее существенный вред государственным или общественным интересам либо охраняемым законом интересам граждан². Если какой-либо из этих признаков отсутствует, о должностном преступлении не может быть речи.

1. Так, отсутствует состав этого преступления, если действие или бездействие должностного лица не связано с его служебными функциями. Поэтому ошибочно был осужден по ч. 2 ст. 169 УК Б. По приговору народного суда г. Гродно от 23 января 1963 г. он признан виновным в том, что, работая заведующим складом Гродненского областного комитета ДОСААФ и пользуясь отсутствием надлежащего учета бланков свидетельств по повышению

---

¹ Мы не касаемся разграничения должностного преступления и должностного проступка, так как этот вопрос затронут нами при анализе практики Верховного суда республики по проблемам Общей части уголовного права (см.: *Горелик И. И., Тишкевич И. С.* Вопросы уголовного права (Общей части) в практике Верховного суда БССР. Минск, 1973, с. 78—85).

Не анализируется также практика применения примечания к ст. 166 УК (этот вопрос удачно изложен *Н. Коржанским* в статье «Понятие должностного лица». — «Советская юстиция», 1970, № 21, с. 10—11).

² Получение взятки (ст. 169 УК) и должностной подлог (ст. 171 УК) всегда причиняют существенный вред, поэтому в диспозициях этих статей о нем не говорится.

квалификации шоферов, в течение 1960—1962 гг. подделывал свидетельства и передавал их, а иногда и чистые бланки, шоферам за вознаграждение.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда БССР в определении от 6 марта 1964 г. указала, что «в обязанности Б., как заведующего складом, не входила выдача свидетельств о присвоении шоферам соответствующего класса. Поэтому в его действиях нет состава получения взятки, а имеется только изготовление и сбыт подложных документов» (ч. 2 ст. 192 УК).

Чаще всего ошибочное признание недолжностного преступления должностным является результатом неправильного понимания признаков превышения власти или служебных полномочий, соединенного с насилием над потерпевшим (ч. 2 ст. 167 УК). Не учитывается, что такое превышение возможно лишь тогда, когда должностное лицо наделено какими-то правомочиями в отношении потерпевшего (не обязательно, однако, чтобы он был подчиненным). Такую ошибку допустил, например, народный суд Крупского района в приговоре от 27 сентября 1963 г. по делу Б., осудив его по ч. 2 ст. 167 УК. Суд признал Б. виновным в том, что он, работая бригадиром тракторной бригады совхоза, превысил свои служебные полномочия: недовольный тем, что администрация совхоза разрешила трактористу Б-ку перейти работать со старого на новый трактор, который Б. хотел передать своему сыну, после происшедшей на этой почве ссоры ударил Б-ка железной трубкой три раза по голове, чем причинил ему менее тяжкие телесные повреждения.

Не соглашаясь с квалификацией преступления, заместитель Председателя Верховного суда БССР принес протест в Президиум Минского областного суда. В протесте указывалось, что при превышении власти или служебных полномочий действия должностного лица должны быть связаны с его служебным положением и совершены при исполнении служебных обязанностей. Действия же, совершенные Б., не были связаны с его служебными обязанностями и имели место после окончания рабочего дня. Поскольку он нанес телесные повреждения потерпевшему в результате личной неприязни, его действия надлежит рассматривать как умышленное нанесение менее тяжкого телесного повреждения (ч. 1 ст. 107 УК).

Постановлением Президиума Минского областного суда от 25 января 1964 г. протест удовлетворен.

При получении взятки связь действий должностного лица с его служебным положением может выражаться не только в том, что данное лицо обещает совершить за взятку действие, входящее в его компетенцию. Пленум Верховного Суда СССР в п. 6, «а», постановления от 31 июля 1962 г. № 9 «О судебной практике по делам о взяточничестве» (в редакции постановления от 30 июня 1970 г. № 6) разъяснил судам, что «субъектом преступления — получения взятки — надлежит считать и тех работников государственных, кооперативных и общественных учреждений, которые в силу своего служебного положения и выполняемых ими служебных обязанностей могли принять меры к совершению другими должностными лицами действий, желательных для взяткодателей (референты, инспектора, консультанты, инструкторы, товароведы и др.)»³.

Поэтому при осуждении таких должностных лиц за получение взятки необходимо выяснить, могли ли они, используя свое служебное положение, повлиять на решение соответствующего вопроса надлежащим должностным лицом. При отрицательном ответе на этот вопрос осуждение по ст. 169 УК не может иметь места. На этом основании Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда БССР (определение от 25 мая 1971 г.) не нашла состава получения взятки в действиях П. Последний обвинялся в том, что за 150 руб., полученных от председателя ЖСК В., оказал ему содействие в скорейшей регистрации в инспекции котлонадзора паспортов на лифты в доме ЖСК. В действительности П., работая ст. инженером УКСа Мингорисполкома, помощи в регистрации паспортов на лифты не оказывал и оказать не мог. Поэтому П. неправильно осужден по ч. 1 ст. 169, а В. — по ч. 1 ст. 170 УК. Их действия переквалифицированы Верховным судом БССР по ч. 2 ст. 91 УК, так как В., злоупотребляя служебным положением, незаконно передал П. 150 руб. кооперативных денег.

2. В описание признаков объективной стороны некоторых должностных преступлений включено указание на наступление определенного общественно опасного послед-

³ Сборник..., с. 519.

ствия (например, по ч. 1 ст. 166 УК — существенного вреда для указанных в ней интересов, а по ч. 2 той же статьи — тяжких последствий). В связи с этим требуется установить причинную связь между действием или бездействием должностного лица и указанными последствиями. При ее отсутствии последствие не может быть вменено в вину должностному лицу.

Невнимание к вопросам причинной связи или неправильное их решение может привести к ошибкам при уголовно-правовой оценке деяния. Такая ошибка была допущена, например, органами следствия и Гомельским областным судом по делу А. Он был признан виновным в том, что, работая инспектором государственного пожарного надзора отдела милиции исполнительного комитета Добрушского районного Совета депутатов трудящихся, систематически пьянствовал и в нетрезвом состоянии в ночное время неоднократно совершал поджоги общественных зданий и домов граждан. Пожарами в общей сложности причинен ущерб на 6350 руб. и инспекции Госстраха на 1092 руб. Продолжая работать в должности ст. инспектора государственной пожарной инспекции, А., злоупотребляя служебным положением, во время опроса потерпевших и свидетелей о причинах возникновения пожаров вносил в протоколы неправильные сведения и, основываясь на них, выносил необоснованные постановления об отказе в возбуждении уголовных дел, признавая виновными самих потерпевших. Указанные действия А. были квалифицированы по ст. 96, ч. 2; 146, ч. 2; 166, ч. 2, УК. С такой квалификацией не согласилась Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда БССР. В определении от 31 октября 1969 г. она указала, что оснований для применения ч. 2 ст. 166 УК не было. Из материалов дела видно, что злоупотребление А. служебным положением во время выяснения причин пожаров тяжких последствий не повлекло. Материальный ущерб на крупную сумму А. причинил в результате умышленных поджогов. Поэтому допущенное им злоупотребление служебным положением охватывается ч. 1 ст. 166 УК.

3. Немалое значение для правильной оценки действий должностных лиц имеет установление признаков субъективной стороны деяния. Для ответственности по ч. 1 ст. 166 УК требуется, чтобы злоупотребление служебным положением, причинившее существенный вред го-

сударственным или общественным интересам либо охраняемым законом правам и интересам граждан, было допущено должностным лицом по мотивам корыстной или иной личной заинтересованности⁴. Должностной подлог, согласно ст. 171 УК, признается преступлением, если он совершен «в корыстных целях или из иных личных побуждений». Но можно ли считать иной личной заинтересованностью (иными личными побуждениями) совершение соответствующих действий исключительно из ложно понятых интересов государственного учреждения, предприятия или общественной организации?

В литературе данный вопрос является спорным. Одни дают на этот вопрос отрицательный ответ⁵, другие — положительный⁶. Второй точки зрения придерживается и Верховный суд БССР. В частности, она нашла отражение в определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда БССР от 6 сентября 1968 г. по делу Р. и М.

Р., председатель колхоза, и М., механик того же колхоза, истратили 5476 р. 24 к. колхозных средств на приобретение у неизвестных лиц для сельхозартели запасных частей и деталей к автомобилям, тракторам и другим сельскохозяйственным машинам. За это Р. и М. были осуждены Минским областным судом по ч. 1 ст. 166 и ч. 2 ст. 91 УК. Признавая необоснованным осуждение этих лиц за хищение социалистического имущества, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда БССР вместе с тем указала, что, «тратя деньги на колхозные нужды, Р. и М. не преследовали целей личной наживы, но действовали в узковедомственных интересах, вопреки общим интересам государства, и поэтому их действия подпадают под признаки ст. 166, ч. 1, УК БССР».

Мы придерживаемся по данному вопросу иного мнения и полагаем, что личной заинтересованности у Р. и М.

---

⁴ Для привлечения к ответственности по ч. 2 ст. 166 УК наличие корыстной или иной личной заинтересованности мы считаем необязательным. См. подробнее об этом в кн.: *Горелик И. И., Тишкевич И. С.* Вопросы уголовного права (Общей части) в практике Верховного суда БССР. Минск, 1973, с. 80—81.

⁵ См., например: *Волков Б. С.* Мотив и квалификация преступлений. Казань, 1968, с. 130.

⁶ См., например: *Светлов Н. Я.* Борьба с должностными злоупотреблениями. Киев, 1970, с. 76.

не было, поэтому состав преступления в их действиях отсутствует.

Ввиду неопределенности признака «иная личная заинтересованность» («иные личные побуждения») он иногда толкуется столь широко, что должностное лицо привлекается к уголовной ответственности за злоупотребление служебным положением или должностной подлог и при отсутствии у него какой бы то ни было личной заинтересованности. Было бы желательно, чтобы по этому вопросу Пленум Верховного суда БССР дал судам соответствующее разъяснение, ограничив содержание указанного признака стремлением виновного получить для себя какую-либо выгоду нематериального характера (в отличие от корысти, которая в ст. 166, ч. 1, и 171 УК названа особо).

§ 2. Квалификация взяточничества

По делам о получении взятки, даче взятки и посредничестве во взяточничестве в судебной практике возникали вопросы, связанные с раскрытием содержания отдельных признаков этих преступлений и отграничением последних от сходных преступных деяний.

1. По отношению ко всем трем названным составам преступлений важное значение имеет правильное понимание такого квалифицирующего признака, как неоднократность совершения соответствующих преступных действий. Содержание этого признака органами следствия и судами понималось по-разному. В частности, возникал вопрос о том, можно ли квалифицировать действия виновного по ч. 2 ст. 169, ч. 2 ст. 169¹ или ч. 2 ст. 170 УК, если он совершил два или более преступлений этой группы, но предусмотренных разными статьями, например получению взятки предшествовали посредничество во взяточничестве или дача взятки. На этот вопрос был дан отрицательный ответ сначала в одном из обзоров судебной практики БССР, а затем в п. 4 постановления Пленума Верховного суда БССР от 5 сентября 1972 г. № 4 «О судебной практике по делам о взяточничестве». В названном постановлении разъяснено судам, что «в силу подпункта «в» пункта 8 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 31 июля 1962 года № 9 «О судебной практике по делам о взяточничестве» преступ-

ление о взятках следует квалифицировать как неоднократное в случаях, когда не менее двух раз совершалось взяточничество одного и того же вида (неоднократное получение взятки, неоднократная дача взятки, неоднократное посредничество во взяточничестве). Если совершены несколько видов взяточничества, действия виновных следует квалифицировать по правилам о совокупности преступлений».

Это разъяснение непосредственно вытекает из закона, поскольку в нем говорится о лицах, «получавших взятки неоднократно» (ч. 2 ст. 169), о «посредничестве во взяточничестве, совершенном неоднократно» (ч. 2 ст. 169¹) и о «даче взятки неоднократно» (ч. 2 ст. 170 УК).

Напротив, если лицо имеет судимость за какое-либо из преступлений, предусмотренных ст. 169, 169¹ и 170 УК, то в этом случае для квалификации действий виновного по ч. 2 этих статей не требуется, чтобы он имел судимость за взяточничество того же вида. Этот вывод, содержащийся в п. 8, «б», постановления Пленума Верховного Суда СССР от 31 июля 1962 г.⁷, также основан на законе, так как в ст. 169, 169¹ и 170 УК идет речь о лице, «ранее судившемся за взяточничество».

Неоднократное совершение взяточничества того или иного вида следует отличать от случаев продолжаемого преступления, которое при отсутствии других отягчающих обстоятельств, указанных во вторых частях ст. 169, 169¹ и 170 УК, должно квалифицироваться по ч. 1 этих статей. Пленум Верховного Суда СССР в 1970 г. разъяснил, что «действия взяткополучателя, посредника, взяткодателя, получившего (давшего) в несколько приемов обусловленную сумму взятки от одного и того же взяткодателя за выполнение или невыполнение получателем взятки действий, обеспечивающих наступление желательного для взяткодателя конкретного результата, не могут рассматриваться как неоднократное получение (дача) взятки»⁸.

На это неоднократно обращал внимание судебных органов и Верховный суд БССР в определениях (постановлениях) по конкретным уголовным делам. Правильные соображения по этому вопросу мы находим, в част-

⁷ См.: Сборник..., с. 520.

⁸ Там же.

ности, в определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда БССР от 20 марта 1964 г. по делу В.

В., работая техником по надзору за жилищным строительством, склонил Е. к даче взятки должностным лицам горсовета за содействие ему в продаже дома-вагона. С этой целью В. неоднократно приходил на квартиру Е. и требовал у него деньги для угощения должностных лиц, которые будут решать вопрос о продаже ему дома, а фактически полученные от Е. деньги присваивал. Всего им было получено и присвоено 100 руб. Кроме того, Е. по требованию В. угощал его при каждой встрече водкой, на что было израсходовано 4—5 л водки.

В. был осужден Брестским областным судом по ст. 17 и 170, ч. 2, УК. Не соглашаясь с такой квалификацией преступления, Верховный суд БССР указал: «Неоднократная дача взятки (подстрекательство на дачу взятки) — это дача ее два и более раз одному и тому же лицу или разным должностным лицам за совершение или несовершение тех или иных действий в интересах дающего взятку.

Неоднократная дача взятки одному и тому же лицу отличается от дачи одной взятки в несколько приемов тем, что каждая передача денег или ценностей обусловлена совершением должностным лицом в интересах дающего отдельных самостоятельных действий.

В данном случае В. подстрекал Е. на дачу взятки за совершение другими должностными лицами одного самостоятельного действия — оказания помощи в покупке дома, принадлежащего горсовету, но делал это и получил деньги в несколько приемов. Следовательно, в его действиях нет признака неоднократности, предусмотренного ч. 2 ст. 170 УК БССР, поэтому их следует квалифицировать по ст. 17 и ч. 1 названной статьи».

Следует, однако, иметь в виду, что если виновный подстрекает к даче взятки не вообще работникам какого-либо учреждения, а двум или более определенным должностным лицам, то признак неоднократности имеется. Этого не учла судебная коллегия по уголовным делам Брестского областного суда при рассмотрении в распорядительном заседании дела по обвинению Кл., З. и С.

Кл., З. и С. по предварительному сговору между собой по предложению оказания К. содействия в освобождении

дении от наказания его сыновей, привлеченных к уголовной ответственности, подстрекали К. к даче взятки должностным лицам суда и прокуратуры. В разное время в июне—июле 1969 г. они получили от К. для передачи в качестве взятки должностным лицам 1960 руб., из которых З. передала 30 руб. адвокату, выступавшему в суде второй инстанции в защиту одного из сыновей К., а остальную сумму Кл., З. и С. разделили между собой.

Переквалифицируя действия Кл., З. и С. с ч. 2 на ч. 1 ст. 170 УК, Брестский областной суд указал на то, что эти действия не содержат квалифицирующего признака повторности, поскольку деньги от К. обвиняемые получали хотя и неоднократно, но за совершение одного самостоятельного действия — освобождения сыновей К. от наказания.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда БССР не согласилась с этим выводом. При этом она сослалась на то, что из показаний К. и обвиняемых нельзя сделать вывод, что они заранее обусловили размер взятки и во исполнение этой договоренности К. частями передавал обусловленную сумму. Напротив, из материалов дела видно, что К. неоднократно передавал деньги обвиняемым для передачи в качестве взяток нескольким должностным лицам — работникам суда и прокуратуры, которые якобы должны были участвовать в рассмотрении уголовного дела по обвинению его сыновей в судах первой и второй инстанций. При таких обстоятельствах в соответствии с п. 8, «в», постановления Пленума Верховного Суда СССР от 31 июля 1962 г. № 9 должна применяться ст. 17 и ч. 2 ст. 170 УК. Согласно этому пункту, «одновременное получение взятки от нескольких лиц, дача взятки нескольким лицам либо посредничество при указанных обстоятельствах должны рассматриваться как преступление, совершенное неоднократно»⁹. Оценка Верховным судом БССР действий Кл., З. и С. представляется правильной.

2. Одним из квалифицирующих признаков получения взятки является совершение этого преступления должностным лицом, занимающим ответственное служебное положение. Пленум Верховного Суда СССР в

---

⁹ Сборник..., с. 520.

п. 8, «а», постановления от 31 июля 1962 г. № 9 разъяснил судам, что «вопрос об ответственном положении должностного лица, обвиняемого в получении взятки, решается судом в зависимости от конкретных обстоятельств дела с учетом характера занимаемой должности и важности осуществляемых им функций (представители власти, руководящие работники предприятий, учреждений и ведомств, оперативные работники контролирующих и ревизирующих органов и др.)»¹⁰.

Эти указания нельзя применять формально, без учета фактического объема полномочий должностного лица в отношении того действия по службе, которое оно обещало совершить в интересах взяткодателя. С учетом этого критерия лицо, указанное в приведенном примерном перечне ответственных должностных лиц, может быть в том или ином конкретном случае и не признано таковым. Значительный интерес в этом отношении представляет дело Щ.

По приговору судебной коллегии по уголовным делам Минского областного суда от 23 апреля 1970 г. Щ. был осужден по ч. 2 ст. 169 УК. Он был признан виновным в том, что, работая заместителем директора «Центрокооплектехсырьё» и являясь по приказу руководства базы одновременно представителем администрации в комиссии по распределению жилья, получил взятку в размере 1000 руб. от рабочей базы Г. и ее мужа за предоставление им однокомнатной квартиры.

Квалифицируя действия Щ. по ч. 2 ст. 169 УК, органы следствия и суд исходили из того, что он является должностным лицом, занимающим ответственное положение. С такой оценкой действий Щ. не согласилась Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда БССР. В определении от 22 мая 1970 г. она указала, что взятка получена в связи с использованием Щ. своего положения члена комиссии по распределению жилплощади. Но на заседаниях местного комитета при распределении квартир присутствовал и директор базы, а до заседания месткома этот вопрос предварительно обсуждался активом базы с участием директора, всех его заместителей, в том числе Щ., председателя месткома, парторга, председателя жилищной комиссии месткома.

---

¹⁰ Сборник..., с. 520.

Поэтому с учетом конкретных обстоятельств, характера выполняемых Щ. служебных обязанностей, степени важности предоставленных ему прав и полномочий, в связи с которыми он получил взятку, в данном случае нельзя признать правильным вывод суда о том, что Щ. занимал ответственное должностное положение. На этом основании Верховный суд БССР переqualificировал его действия с ч. 2 на ч. 1 ст. 169 УК.

3. Немало трудностей возникает при отграничении дачи (получения) взятки от сходных преступлений. Встречаются случаи, когда эти преступления смешиваются с участием в хищении государственного или общественного имущества. Такое участие, например, ошибочно было признано дачей взятки в приговоре народного суда Чериковского района от 2 июля 1968 г. по делу И. и З.

Во время инвентаризации в магазине горпо, где З. работала продавцом, а И. — заведующей, были установлены излишки товарно-материальных ценностей на сумму 266 руб. И. и З. уговорили С. и Т., производивших ревизию, не отражать излишки в акте инвентаризации, а изъять их из кассы и разделить между собой.

Действия И. и З. были квалифицированы народным судом по ч. 2 ст. 91 и ч. 1 ст. 170 УК (уголовное дело в отношении С. и Т. прекращено). Считая такую квалификацию неправильной, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда БССР исключила из обвинения ч. 1 ст. 170 УК. В данном случае имели место не дача и получение взятки, а дележ похищенных по предварительному сговору группой лиц кооперативных денег.

Этого же вопроса Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда БССР пришлось коснуться и в определении по делу К., содержание которого изложено на с. 147—148. Здесь говорится, что председатель колхоза Н. дал помощнику лесничего К. не взятку, а фактическую стоимость полученного колхозом леса по установленным государственным ценам (723 р. 17 к.). Поэтому К. должен нести ответственность не за получение взятки, а за присвоение колхозных денег, которые должны были поступить в бухгалтерию лесничества.

Но если деньги работнику лесничества вручаются не как плата за деревья по установленным ценам, а как вознаграждение за их отпуск, должна наступать ответ-

ственность за получение взятки. Такой характер имели действия участкового техника-лесовода Молотковичского лесничества Н., который, злоупотребляя служебным положением, незаконно отпускал отдельным гражданам лес на корню, за что получал от них взятки. За эти действия Н. по приговору Брестского областного суда был осужден по ст. 166, ч. 1, и 169, ч. 2, УК.

Пленум Верховного суда БССР исключил из приговора обвинение Н. в получении взятки, мотивируя это тем, что получение денег за незаконно отпущенный лес охватывается составом злоупотребления служебным положением, совершенного по корыстным мотивам.

Этот вывод признан неправильным в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 8 октября 1965 г. В нем указывается, что получение взятки в данном случае имело место, так как Н. от двух граждан в разное время получил в общей сложности 80 руб., за что разрешил им срубить 8 деревьев, стоимость которых 10 руб. 44 к.

«Пленум Верховного суда Белорусской ССР,— говорится далее в постановлении — необоснованно соединил вмененные Н. разные по характеру действия в одно преступление, усматривая в них лишь признаки корыстного злоупотребления.

Получение взятки должностным лицом во всех случаях содержит элементы корыстного злоупотребления, однако подобная форма проявления корысти отнесена законом к специальному составу преступления, ответственность за которое предусматривается самостоятельной нормой — в данном случае ст. 169, ч. 2, УК Белорусской ССР, и не требует дополнительной квалификации по иным законам. Вместе с тем, если за взятку должностное лицо совершает незаконные действия, которые образуют состав злоупотребления служебным положением, как это имелось по настоящему делу, содеянное должно рассматриваться как реальная совокупность нескольких преступлений и соответственным образом квалифицироваться». ¹¹

По аналогичным признакам, т. е. с учетом того, являлись ли полученные должностным лицом деньги или иные ценности вознаграждением за совершение в инте-

---

¹¹ «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1966, № 2, с. 25.

ресах дающего того или иного действия по службе или долей в дележе нетрудового дохода, полученного в результате совместных преступных действий, должно проводиться отграничение получения (дачи) взятки и от других преступлений, например спекуляции. Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда БССР от 9 января 1973 г. по делу бывших работников торговли О. и др., осужденных Брестским областным судом по ст. 166, ч. 1; 169, ч. 2, и 17; 151, ч. 2, УК, оставлены без удовлетворения кассационные жалобы осужденных и их адвокатов, которые просили исключить из приговора обвинение в получении взяток, ссылаясь на то, что снабжение спекулянтов товарами повышенного спроса осуществлялось не за взятки, а за получаемую от них часть возможной (будущей) выгоды от спекуляции. Верховный суд БССР признал эту просьбу необоснованной, так как деньги торговым работникам передавались каждый раз в момент скупки товаров как взятка за отпуск дефицитных товаров.

4. В судебной практике республики не было единого мнения в понимании оконченного преступления при даче взятки. Одни суды считали это преступное деяние оконченным с момента принятия взятки должностным лицом, другие — с момента ее вручения, передачи этому лицу, независимо от того, согласилось ли оно принять взятку.

В связи с поступившими запросами Верховный суд БССР в 1964 г. в одном из обзоров судебной практики разъяснил, что состав преступления, предусмотренный ст. 170 УК, следует считать оконченным с момента передачи взяткодателем и принятия должностным лицом средств и ценностей в качестве взятки, независимо от того, выполнено или не выполнено действие, за совершение которого давалась взятка. Если же должностное лицо предложенную ему взятку не приняло, то действия взяткодателя должны квалифицироваться как покушение на дачу взятки — по ст. 15 и 170 УК. Однако, несмотря на это разъяснение, многие суды по-прежнему квалифицировали такие действия как оконченное преступление¹², в связи с чем Верховному суду БССР неод-

---

¹² В качестве примера можно привести приговор народного суда Столинского района Брестской области от 13 мая 1967 г. по делу Н.

нократно приходилось изменять квалификацию преступления.

Аналогичный разницей в квалификации рассматриваемых действий имел место и в других союзных республиках. В связи с этим Пленум Верховного Суда СССР дал судам соответствующее руководящее разъяснение¹³. Но и после этого встречаются случаи, когда суды рассматривают как оконченное преступление действия взяточдателя, выразившиеся в пересылке взятки по почте, вручении ее должностному лицу или в иных подобных действиях, когда взятка должностным лицом не получена или отвергнута¹⁴. Поэтому Пленум Верховного суда БССР в постановлении от 5 сентября 1972 г. № 4 потребовал от судов «не допускать квалификации как оконченного преступления действий взяточдателя, когда должностное лицо не получило взятку или отказалось ее принять».

5. В п. 9 постановления от 31 июля 1962 г. № 9 Пленум Верховного Суда СССР указал судам, что «добровольное заявление о даче взятки предполагает обращение с таким заявлением (устным или письменным) в милицию, прокуратуру, суд, а также в иные советские органы или общественные организации, сделанные взяточдателем независимо от мотивов, но не в связи с тем, что о совершенном им преступлении уже стало известно органам власти»¹⁵. Однако, несмотря на это разъяснение, некоторые суды ошибочно считают, что сообщение взяточдателя о совершенном им преступлении не должно считаться добровольным, если истек значительный промежуток времени после дачи взятки или заявление в органы власти сделано в связи с невыполнением должностным лицом обусловленного взяткой действия по службе. Таковую ошибку допустил, например, народный суд Кормянского района при рассмотрении дела П.

П. был привлечен к уголовной ответственности и предан суду за то, что, пообещав Ф. оказать содействие в поступлении его сына в Гомельский университет, полу-

---

¹³ См. п. 7 «а» постановления Пленума Верховного Суда СССР от 31 июля 1962 г. № 9 (в редакции постановления от 30 июня 1970 г. № 6). Сборник..., с. 519—520.

¹⁴ См., например, приговор народного суда Ленинского района г. Минска от 18 июня 1970 г.

¹⁵ Сборник..., с. 521.

чил от него 490 руб. якобы для передачи в виде взятки соответствующим должностным лицам, но эти деньги присвоил.

Возвращая дело на дополнительное расследование, народный суд указал, что Ф. как взяткодатель должен быть привлечен к уголовной ответственности, поскольку П. у Ф. взятку не вымогал, а Ф. заявил о даче взятки через продолжительное время после того, как его сын был исключен из университета за неуспеваемость. Считая такое решение вопроса правильным, судебная коллегия по уголовным делам Гомельского областного суда оставила без удовлетворения частный протест прокурора Кормянского района, а президиум этого суда — протест прокурора Гомельской области.

Признавая направление дела на дополнительное расследование необоснованным, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда БССР в определении от 23 октября 1970 г. согласилась с протестом заместителя Прокурора БССР и пришла к выводу о том, что уголовное дело в отношении Ф. прекращено органами предварительного расследования правильно, в соответствии с ч. 3 ст. 170 УК.

Из материалов дела видно, что Ф., считая П. виновником исключения сына из университета, добровольно явился к проректору этого учебного заведения и сообщил о даче взятки. Такое же заявление он сделал и органам дознания, после чего было возбуждено уголовное дело против П. по ст. 17 и 170, ч. 1, УК.

Верховный суд БССР признал не основанной на законе ссылку народного и областного судов на то, что Ф. заявил о даче взятки через продолжительное время и поэтому не может быть освобожден от уголовной ответственности. Закон требует, чтобы взяткодатель по своей инициативе, независимо от мотивов, которыми он руководствуется, сообщил о даче взятки до того, как об этом преступлении стало известно органам власти. В деле же нет данных о том, что органам власти было известно о факте дачи Ф. взятки до того, как он заявил об этом проректору университета и органам дознания.

Некоторые суды не учитывают того, что взяткодатель не может признаваться потерпевшим даже в том случае, когда он освобождается от уголовной ответственности на основании ч. 3 ст. 170 УК. Такую ошибку, в частно-

сти, допустил народный суд Слонимского района и г. Слонима в приговоре от 1 ноября 1966 г. по делу К.

К. признана виновной в том, что она на протяжении 1963—1966 гг. систематически подстрекала граждан к даче взяток, а ценности, получаемые от них якобы для передачи должностным лицам, присваивала. Осудив К. по ст. 17 и 170, ч. 2, УК, суд одновременно постановил взыскать с нее определенные суммы в пользу Б., Н., Ш., В., Ж. и В-кой (всего 173 р. 34 к.).

По протесту заместителя Председателя Верховного суда БССР Президиум Гродненского областного суда постановлением от 20 ноября 1967 г. изменил приговор в части взыскания названной суммы. В постановлении говорится: «Согласно ст. 81 УПК БССР и п. 11 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 31 июля 1962 г. № 9... деньги и другие ценности, являющиеся предметом взятки и признанные вещественными доказательствами, подлежат обращению в доход государства.

Освобождение взяткодателя от уголовной ответственности по мотивам вымогательства у него взятки или добровольного заявления о случившемся не означает отсутствия в действиях этого лица признаков преступления. Поэтому взяткодатель не может признаваться потерпевшим и не вправе претендовать на возвращение ему ценностей, переданных в виде взятки.

Если деньги или иные ценности, переданные в виде взятки, не были обнаружены, неосновательное обогащение взыскивается судом в доход государства в соответствии со ст. 470, ч. 4, ГПК БССР. Следовательно, народный суд необоснованно взыскал с К. в пользу некоторых граждан 173 р. 34 к. Эта сумма подлежит взысканию в доход государства».

ГЛАВА 6. КВАЛИФИКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ПОРЯДКА УПРАВЛЕНИЯ

§ 1. Посягательства на жизнь, здоровье и достоинство работников милиции и народных дружинников

По данной категории дел имеются руководящие разъяснения Пленума Верховного Суда СССР, содержащиеся в его постановлении от 3 июля 1963 г. № 7 (с последующими изменениями) «О судебной практике по применению законодательства об ответственности за посягательство на жизнь, здоровье и достоинство работников милиции и народных дружинников»¹. Тем не менее решение судебными органами вопросов квалификации указанных действий в ряде случаев связано с затруднениями, что иногда порождает ошибки при применении закона.

1. Некоторые судебные органы не учитывают того, что по ст. 187¹, 188¹ и 189¹ УК могут быть квалифицированы лишь сопротивление, оскорбление или посягательство на жизнь, совершенные в отношении работников милиции или народных дружинников и связанные с их деятельностью по охране общественного порядка. Если же названные действия совершены в связи с иными служебными действиями работников милиции, должны применяться другие статьи УК.

По приговору народного суда Глуковского района от 19 декабря 1968 г. П. была осуждена по ст. 187 и 187¹, ч. 2, УК за то, что оказала соединенное с насилием сопротивление сначала председателю сельсовета Д. при исполнении им служебных обязанностей, а затем работнику милиции Б., прибывшему для доставления ее в прокуратуру приводом в связи с возбужденным против П. уголовным делом об оказании сопротивления Д.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда БССР исключила из приговора обвинение П. по ч. 2 ст. 187¹ УК. Она мотивировала это тем, что в со-

¹ Сборник..., с. 526—534.

ответствии с п. 2 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 3 июля 1963 г. № 7 ответственность за преступление, предусмотренное ст. 187¹ УК, наступает в том случае, когда имеется противодействие законной деятельности работников милиции по охране общественного порядка. В данном же случае Б. выполнял обязанности не по охране общественного порядка, принимал меры по доставке П. в принудительном порядке на допрос в прокуратуру. Он является представителем власти, действовал в соответствии со своими полномочиями и с соблюдением установленного законом порядка. Следовательно, П. оказала сопротивление представителю власти при исполнении им служебных обязанностей. Действия П. по отношению к работнику милиции Б., как и по отношению к Д., подпадают под признаки ст. 187 УК, по которой и следовало квалифицировать преступление.

В приведенном примере действия работника милиции не были связаны с охраной общественного порядка, в связи с чем оказанное ему сопротивление не могло квалифицироваться по ст. 187¹ УК. Однако иногда суды слишком суживают понятие охраны общественного порядка органами милиции и ошибочно не усматривают состава преступления, предусмотренного ст. 187¹ там, где он есть. Такую ошибку, как нам представляется, допустила Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда БССР в определении от 12 декабря 1972 г. по делу П.

По приговору народного суда Новогрудского района и г. Новогрудка от 22 августа 1972 г. П. был осужден по ст. 187 и 187¹, ч. 2, УК. Суд признал его виновным в том, что он оказал соединенное с угрозой насилия сопротивление судебному исполнителю С. и работникам милиции Б. и Х. во время принудительного исполнения приговора народного суда в отношении П. по ч. 1 ст. 195 УК (согласно этому приговору П. был осужден за самовольный захват земли к 100 руб. штрафа со взысканием в пользу колхоза им. Кирова 201 руб.— стоимости убранного урожая с самовольно захваченного земельного участка, но добровольно этот приговор не исполнил).

Считая, что работники милиции Б. и Х. общественный порядок не охраняли, а были приглашены для оказа-

ния помощи в принудительном исполнении приговора, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда БССР исключила из приговора ч. 2 ст. 187¹ УК. Она указала, что действия П. по оказанию сопротивления работникам милиции, как и сопротивление судебному исполнителю, охватываются ст. 187 УК.

Однако с таким решением вопроса вряд ли можно согласиться. Работники милиции приглашаются не для оказания помощи в принудительном исполнении решения суда, так как исполнение осуществляет судебный исполнитель, а для охраны общественного порядка, который может быть нарушен теми или иными лицами, недовольными фактом принудительного исполнения приговора или решения суда.

2. Встречаются случаи неправильного понимания указанного в ч. 2 ст. 187¹ УК квалифицирующего признака — применения при сопротивлении работнику милиции или народному дружиннику насилия или угрозы применением насилия. Это приводит к неправильной квалификации действий лица, оказавшего сопротивление, по ч. 2 вместо ч. 1 ст. 187¹ УК или, наоборот, по ч. 1 вместо ч. 2 этой же статьи. Подобного рода ошибка была допущена при квалификации действий С.

С. признан виновным в том, что он посягал на жизнь работника милиции П., а затем оказал ему сопротивление, сопряженное с насилием. Согласно приговору, преступление было совершено при следующих обстоятельствах.

С., находясь в нетрезвом состоянии и не имея прав на вождение автотранспорта, перевозил на автомашине своих пьяных товарищей.

П. остановил машину и, увидев за рулем пьяного С., потребовал от него предъявить документы и следовать в больницу для определения степени опьянения. Однако С. не подчинился, сбил П. с ног, прижал его к земле и со словами «сейчас тебя прикончу» стал душить. Прибежавший на крик потерпевшего гр-н Р. оттащил С. от П. и тем самым предотвратил убийство последнего. После доставления в штаб дружины С. «выражался нецензурными словами, бросался в драку, требовал освободить его».

Признавая правильным осуждение С. по ст. 189¹ УК, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного су-

да БССР не согласилась с квалификацией его действий по ч. 2 ст. 187¹ УК.

Из показаний потерпевшего П. и свидетелей видно, что в штабе дружины С. оскорблял П., пытался развязаться и вырваться, не хотел садиться в машину для доставки его в райотдел милиции, но ни к кому из работников милиции не применял насилия.

В соответствии с подпунктом «б» п. 4 и подпунктом «в» п. 5 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 3 июля 1963 г. № 7 эти его действия подлежат квалификации по ч. 1 ст. 187¹ УК, а не по ч. 2 этой статьи.

Согласно указанному разъяснению Пленума Верховного Суда СССР, сопротивление, сопряженное с насилием, предусмотренное ч. 2 ст. 187¹ УК, предполагает совершение активных действий, выразившихся в умышленном нанесении ударов, побоев, телесных повреждений и т. п. при выполнении работником милиции или народным дружинником своих обязанностей по охране общественного порядка. Сопротивление, не соединенное с указанными действиями и выразившееся лишь в воспрепятствовании законному применению силы со стороны работника милиции или народного дружинника (например, попытка вырваться при задержании), надлежит квалифицировать по ч. 1 ст. 187¹ УК. Под угрозой применения насилия следует понимать действия или высказывания виновного, выражающие реальное намерение применить насилие в отношении работника милиции или народного дружинника².

3. Особенностью субъективной стороны преступления, предусмотренного ст. 189¹ УК, является то, что в случае, когда смерть работника милиции или народного дружинника не наступила, возможен только прямой умысел, а при наступлении этого результата — также и косвенный умысел. Этот вывод вытекает из разъяснений Пленума Верховного Суда СССР о том, что под посягательством на жизнь работника милиции или народного дружинника, предусмотренным ст. 189¹ УК, следует понимать умышленное убийство или покушение на убийство этих лиц³; покушение же на убийство может

---

² Сборник..., с. 530.

³ Там же.

быть совершено только с прямым умыслом на причинение потерпевшему смерти⁴.

При отсутствии прямого умысла на убийство действия, которые могли повлечь смерть работника милиции или народного дружинника, но не причинили ее, должны квалифицироваться не по ст. 189¹ УК, а по другим статьям этого кодекса. Если же смерть наступила, возможность применения ст. 189¹ УК не исключена и при косвенном умысле. Приведем пример.

Для пресечения злостных хулиганских действий, совершаемых У., к месту преступления прибыли работники милиции К., П. и народный дружинник С. Когда они стали окружать У., последний бросил кирпич в голову П., пытавшегося подойти к нему сзади. От полученного ранения П. скончался в больнице.

Признавая правильным приговор Витебского областного суда, по которому У. осужден, в числе других преступлений, также по ст. 189¹ УК, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда БССР в определении от 14 февраля 1963 г. указала, что, бросая кирпич в голову П., У. предвидел возможность причинения ему смерти и безразлично относился к такому последствию. Поэтому Судебная коллегия оставила без удовлетворения жалобу адвоката К., просившего переqualифицировать эти действия его подзащитного по ч. 2 ст. 106 УК.

4. В п. 5, «в», постановления Пленума Верховного Суда СССР от 3 июля 1963 г. № 7 разъяснено, что «в тех случаях, когда действия виновного выразились в одновременном совершении различных видов посягательства на работников милиции или народных дружинников (оскорбление и сопротивление, сопротивление и посягательство на жизнь и т. п.), суды должны в случае, если все эти действия фактически образуют элементы одного преступления, квалифицировать его по статье Уголовного кодекса, предусматривающей ответственность за наиболее тяжкий вид посягательства из числа совершенных виновным.

По совокупности нескольких преступлений подобные деяния должны квалифицироваться тогда, когда они бы-

⁴ См. п. 5 постановления № 4 Пленума Верховного Суда СССР от 27 июня 1975 г. «О судебной практике по делам об умышленном убийстве» («Бюллетень Верховного Суда СССР», 1975, № 4, с. 8).

ли совершены одновременно и не охватывались единым намерением»⁵.

Это важное разъяснение Пленума, к сожалению, не всегда учитывается некоторыми судами, что приводит к применению правил о совокупности преступлений в случаях, когда для этого нет оснований.

По приговору судебной коллегии по уголовным делам Могилевского областного суда от 17 сентября 1966 г. М. осужден по ст. 188¹ и 189¹ УК. Он признан виновным в том, что совершил посягательство на жизнь работника милиции Л. в связи с его деятельностью по охране общественного порядка, а также нанес ему оскорбление. Вначале М. пытался убить Л., замахнувшись на него топором. Однако находившийся рядом гр-н У. помешал осуществить это преступное намерение, схватив топор и отняв его. После этого, будучи обезоруженным, М. стал выражаться нецензурными словами и наносить оскорбления Л., а затем схватил лопату и бросил ее в Л.

Рассмотрев данное дело по кассационной жалобе адвоката, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда БССР в определении от 11 октября 1966 г. указала, что действия М. правильно квалифицированы по ст. 189¹ УК как посягательство на жизнь работника милиции. Однако суд без достаточных оснований квалифицировал действия М., выразившиеся в оскорблении работника милиции Л., по совокупности по ст. 188¹ УК.

Из материалов дела видно, что посягательство на жизнь работника милиции и оскорбление его М. совершил одновременно. Эти действия охватывались единым намерением и фактически образуют элементы одного преступления. Поэтому они должны быть квалифицированы по ст. 189¹, а ст. 188¹ УК подлежит исключению из приговора.

§ 2. Угроза или насилие в отношении должностного лица или гражданина, выполняющего общественный долг

По этой категории уголовных дел остановимся на двух определениях Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда БССР.

⁵ Сборник..., с. 531.

Одно из них — от 7 июня 1968 г. по делу Т.— касается разграничения угрозы (ч. 1 ст. 189 УК) и насилия (ч. 2 той же статьи), примененных в отношении должностного лица или общественного работника в связи с их служебной или общественной деятельностью либо иного гражданина в связи с его участием в предупреждении, пресечении преступления или антиобщественного поступка.

Т., являясь кочегаром Лидского промкомбината, плохо относился к работе, грубо нарушал правила техники безопасности и правила эксплуатации котельных установок, за что ему неоднократно делались замечания, но он не обращал внимания на них.

В связи с этим ответственный за работу кочегарки мастер Г. написал докладную о недобросовестном отношении Т. к работе, и он был лишен премиальной оплаты. Узнав об этом, Т. пришел в механический цех промкомбината, где находился Г., достал из-за голенища сапога нож и пригрозил Г. убийством. Находившийся рядом гр-н В-к. ударил Т. по руке и оттолкнул его. После этого Т. сразу же ушел из цеха.

Органы расследования квалифицировали действия Т. по ч. 2 ст. 189 УК, а Гродненский областной суд осудил его по этой статье.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда БССР переqualificировала преступление по ч. 1 ст. 189 УК. Она мотивировала это тем, что Т., взяв нож, не делал попытки приблизиться к Г., а стоял на одном месте за станком и, высказывая недовольство лишением его премиальных, угрожал Г. убийством в связи с его служебной деятельностью.

Обоснованно признавая Т. виновным в такой угрозе, областной суд неправильно квалифицировал ее по ч. 2. ст. 189 УК, которая предусматривает не угрозу, а совершение насильственных действий в отношении указанных в этой статье лиц.

Второе определение — от 21 октября 1969 г. по делу Я.— представляет интерес в связи с содержащимся в нем выводом о том, что угроза должностному лицу, общественному работнику или другому гражданину может повлечь ответственность по ч. 1 ст. 189 УК лишь при условии, если она стала известна этому лицу.

По приговору Минского областного суда от 19 сентября 1969 г. Я. признан виновным в том, что, находясь в нетрезвом состоянии, у себя дома в присутствии своей жены высказал угрозу убить начальника Нарочанского отделения милиции М., а затем пошел в это отделение и нанес М. удар кулаком в лицо, в результате чего причинил ему легкое телесное повреждение без расстройства здоровья. Эти действия Я. были квалифицированы областным судом по ч. 1 и 2 ст. 189 УК.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда БССР не согласилась с такой квалификацией. Она указала, что ч. 2 ст. 189 УК применена правильно. Вместе с тем суд необоснованно квалифицировал действия Я. также по ч. 1 этой статьи, поскольку угроза в адрес М. была высказана виновным в присутствии только своей жены, которая об этом никому ничего не говорила. В связи с тем, что угроза до М. не дошла, никакого воздействия на его психику и свободу не оказала и не была применена при столкновении Я. с М., то такая угроза не содержит состава преступления, и поэтому приговор в отношении Я. по ч. 1 ст. 189 УК подлежит отмене, а дело в этой части должно быть прекращено.

С мнением Верховного суда БССР следует согласиться. Более того, мы полагаем, что и в случае, когда после угрозы виновный применяет насилие к потерпевшему, ч. 1 ст. 189 УК не подлежит применению, так как угроза и насилие, объединенные единым умыслом виновного, должны квалифицироваться только по ч. 2 названной статьи.

§ 3. Злостное нарушение правил административного надзора

Почти все неясные вопросы, которые возникали при применении ст. 194¹ УК, разъяснены Пленумом Верховного Суда СССР в постановлении № 6 от 5 июля 1974 г. «О практике применения судами законодательства об ответственности за нарушение правил административного надзора»⁶. Поэтому остановимся лишь на одном

⁶ См.: «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1974, № 4, с. 11—13.

вопросе, не нашедшем отражения в этом постановлении.

Как известно, в принятое в 1966 г.⁷ Положение об административном надзоре органов милиции за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, были внесены существенные изменения и дополнения Указом Президиума Верховного Совета СССР от 12 июня 1970 г.⁸. В частности, расширен перечень лиц, в отношении которых может устанавливаться административный надзор: дополнительно указаны лица, «судимые более двух раз за любые умышленные преступления». В связи с этим возник вопрос, можно ли устанавливать надзор за такими лицами, если они совершили нетяжкие умышленные преступления и осуждены за них до издания Указа от 12 июня 1970 г. Мы полагаем, что это возможно, но при условии, что после вступления данного Указа в действие имели место поступки, могущие служить основанием для установления надзора: поведение лица в период отбывания им наказания, свидетельствующее об упорном его нежелании встать на путь исправления и приобщения к честной трудовой жизни, либо систематическое нарушение им общественного порядка и правил социалистического общежития после отбывания наказания или условно-досрочного освобождения и продолжение, несмотря на предупреждения органов милиции, антиобщественного образа жизни.

---

⁷ См.: «Ведомости Верховного Совета СССР», 1966, № 30, ст. 597.

⁸ См.: «Ведомости Верховного Совета СССР», 1970, № 24, ст. 206.

ГЛАВА 7. КВАЛИФИКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА И ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

§ 1. Понятие хулиганства и его отличие от других сходных преступлений

По вопросам применения ст. 201 УК имеются подробные разъяснения Пленума Верховного Суда СССР. Тем не менее в судебной практике довольно часто встречаются ошибки в квалификации преступления, связанные с неправильным пониманием признаков объективной и субъективной стороны хулиганства и его отличия от сходных преступлений против личности, социалистической или личной собственности и порядка управления. Поэтому указанные вопросы часто становятся предметом рассмотрения Верховного суда БССР в связи с необходимостью исправления ошибок, допущенных нижестоящими судами.

1. Наиболее часто допускается смешение хулиганства и преступлений против личности. Оно обычно выражается в том, что действия, не являющиеся грубым нарушением общественного порядка (хотя бы и совершенные в общественном месте) и не связанные с явным неуважением к обществу, неправильно рассматриваются как хулиганство (особенно если они совершены в нетрезвом состоянии).

В частности, необоснованно был осужден по ч. 3 ст. 201 УК К., совершивший следующие действия.

Без ведома К., работавшего заведующим фермой колхоза, П., Ц. и К-ий стали грузить на прицеп трактора силос. Находившийся в нетрезвом состоянии К. нецензурно выругался и потребовал прекратить погрузку силоса. Когда П. оттолкнул его, К. ударил П. ножом в пах, в результате чего причинил ему легкое телесное повреждение с расстройством здоровья.

Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда БССР от 8 мая 1973 г. уголовное дело в отношении К. прекращено. Коллегия указала, что в соответствии с законом хулиганством признаются умы-

шленные действия, грубо нарушающие общественный порядок и выражающие явное неуважение к обществу. По данному же делу такие обстоятельства не установлены.

К. в судебном заседании показал, что, увидев трактор, в прицеп которого колхозники загружали силос, он подошел к яме и стал упрекать П. и других за самовольные действия, так как силос загружался без его ведома и в непопознанном месте. На этой почве между ним и П. возникла ссора, во время которой потерпевший трижды толкал его. Это подтверждено показаниями свидетелей и потерпевшего.

Допрошенный в качестве свидетеля председатель колхоза Г. показал, что П. и грузчики нарушили установленный в колхозе порядок отпуска кормов, согласно которому они должны были обратиться с распоряжением на отпуск кормов к заведующему фермой К., взвесить незагруженный прицеп, загрузить его, а затем вновь взвесить и определить количество полученного силоса.

Таким образом, спор и драка, в которой К. ударил ножом потерпевшего, возникла из-за неправильных действий колхозников, грузивших силос, а не из хулиганских побуждений.

Из материалов дела видно, что, кроме осужденного, потерпевшего и двух грузчиков, возле силосной ямы никого не было, поэтому умысел К. не мог быть направленным на нарушение общественного порядка.

По приведенным соображениям Верховный суд БССР пришел к выводу, что при наличии жалобы потерпевшего действия К. могли влечь ответственность по ч. 1 ст. 110 УК¹.

Встречаются также случаи, когда действие виновного признается преступлением против личности, хотя имело место грубое нарушение общественного порядка, соединенное с явным неуважением к обществу. Такая ошибка

---

¹ На ошибочность квалификации действий виновных по ст. 201 УК ввиду отсутствия с их стороны грубого нарушения общественного порядка, соединенного с явным неуважением к обществу, указано также в определениях Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда БССР по делам: Г. (14 февраля 1964 г.), К. (16 июня 1964 г.), К-на (17 января 1967 г.), А. (21 февраля 1967 г.), Д. (28 февраля 1967 г.), С. (7 июля 1967 г.), С-ча (14 мая 1968 г.), Д-ва (14 февраля 1969 г.), В. (5 сентября 1969 г.), З. (8 июня 1971 г.), Г. (19 ноября 1971 г.), К-ча (23 июня 1972 г.), В. и Я. (25 июля 1972 г.) и др.

была допущена, например, некоторыми судебными инстанциями при рассмотрении дела Ф. и П.

По приговору народного суда Браславского района от 18 сентября 1965 г. Ф. и П. признаны виновными в том, что, находясь в лесу на заготовке веток, из хулиганских побуждений приставали к несовершеннолетнему Б., гонялись за ним по лесу, бросали в него горящие палки. Возвращаясь домой на тракторном прицепе, они продолжали к нему приставать, измазали лицо грязными перчатками, а затем взяли его за руки и ноги и на ходу трактора выбросили с прицепа на дорогу. В результате потерпевшему Б. были причинены менее тяжкие телесные повреждения. В надзорном порядке действия Ф. и П. были переквалифицированы по ч. 1 ст. 107 УК. Не соглашаясь с этим, Пленум Верховного суда БССР в постановлении от 26 мая 1966 г. указал, что потерпевший Б. как в лесу, так и в пути следования на прицепе не давал никаких поводов, которые могли бы вызвать недовольство или обиду со стороны Ф. и П. Поэтому следует признать, что Ф. и П. совершили указанные выше действия по отношению к Б. из хулиганских побуждений, в связи с чем народный суд правильно признал их виновными по ч. 2 ст. 201 УК, т. е. в злостном хулиганстве.

Однако причинение телесных повреждений потерпевшему на почве неприязненного отношения к нему не исключает состава хулиганства, если при этом одновременно грубо нарушен общественный порядок и проявлено явное неуважение к обществу. Этого не учла судебная коллегия по уголовным делам Витебского областного суда в определении от 20 февраля 1967 г. по делу А.

А. был осужден 13 января 1967 г. народным судом Октябрьского района г. Витебска по ч. 3 ст. 201 УК за совершение следующих действий.

Вечером, проходя по коридору дома, А. схватил несовершеннолетнего Анатолия С. за одежду и, ругаясь нецензурными словами, хотел его ударить. Когда из комнаты на помощь Анатолию вышли его родители Ш. и Нина С., А. забежал в свою комнату и, продолжая сквернословить, ударил ножом Ш. в правое бедро, чем причинил ему легкие телесные повреждения с кратковременным расстройством здоровья.

Переквалифицируя действия А. по ч. 1 ст. 110 УК, областной суд указал, что описанные выше действия А. совершил не из хулиганских побуждений, а на почве неприязненных отношений, возникших между ним и семьей Ш., и что в результате действий А. общественный порядок не был нарушен.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда БССР в определении от 28 марта 1967 г. указала на ошибочность вывода областного суда. Как видно из материалов дела, событие имело место в коридоре многоквартирного дома. Происходившее было слышно во многих квартирах, в связи с чем многие жильцы дома вышли в коридор. Следовательно, покой граждан и общественный порядок были нарушены. На этом основании Судебная коллегия Верховного суда БССР отменила определение областного суда и дело направила на новое рассмотрение. К сожалению, случаи неправильного решения рассматриваемого вопроса не единичны.

Для того чтобы избежать подобных ошибок в квалификации действий виновных, нужно руководствоваться указанием Пленума Верховного Суда СССР, содержащимся в п. 25 постановления № 9 от 16 октября 1972 г. «О судебной практике по делам о хулиганстве: «Суды должны ограничивать хулиганство от других преступлений в зависимости от содержания и направленности умысла виновного, мотивов, целей и обстоятельств совершенных им действий.

Нанесение оскорблений, побоев, причинение легких или менее тяжелых телесных повреждений и другие подобные действия, совершенные в семье, квартире, в отношении родственников, знакомых и вызванные личными неприязненными отношениями, неправильными действиями потерпевших и т. п., должны квалифицироваться по статьям УК союзных республик, предусматривающим ответственность за преступления против личности. Такие действия могут квалифицироваться как хулиганство лишь в тех случаях, когда они одновременно были сопряжены с очевидным для виновного грубым нарушением общественного порядка и выражали явное неуважение к обществу. При этом хулиганские действия, связанные с указанными посягательствами на личность, полностью охватываются составом хулиганства и допол-

нительной квалификации по статьям УК о преступлениях против личности не требуют»².

Осуждая за хулиганство, суды не должны ограничиваться голословным утверждением о наличии у виновного хулиганских побуждений, а указывать, в чем конкретно эти побуждения выразились, почему именно действия виновного признаны грубым нарушением общественного порядка, выражающим явное неуважение к обществу.

2. Иногда недостаточно четко отграничивается хулиганство от преступления имущественного характера. По этой причине, вследствие неправильного установления направленности умысла виновного, хулиганство, внешне сходное с каким-либо преступлением против социалистической или личной собственности, ошибочно квалифицируется по статье УК, предусматривающей такое преступление (например, по статьям о грабеже, разбое, уничтожении или повреждении имущества).

Так, по приговору народного суда г. Бреста от 13 февраля 1970 г. Т. признан виновным и осужден по ст. 143, ч. 1, и 201, ч. 2, УК за совершение следующих действий.

Будучи в нетрезвом состоянии, Т. пришел в столовую ГПТУ № 65, где с целью завладения имуществом, угрожая открытым лезвием перочинного ножа, приставал к учащимся ГПТУ Д., К., П. и другим, от которых требовал дать ему проездной билет на автобус и деньги, обыскивал при этом карманы их одежды.

Когда учащиеся вышли на улицу, Т. из хулиганских побуждений гнался за ними с ножом, выражался нецензурными словами, остановил К., обыскал его карманы, требовал проездной билет и деньги, ударил его ножом в область правого коленного сустава, причинив легкие телесные повреждения с кратковременным расстройством здоровья.

Исключив из приговора ч. 1 ст. 143 УК, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда БССР в определении от 12 июня 1970 г. указала, что Т. приставал к учащимся ГПТУ и требовал у них проездной билет на автобус и деньги на билет в кино «не с целью завладения имуществом, а из хулиганских побуждений. Об этом свидетельствует то, что свои действия он совершал

---

² Сборник..., с. 542—543.

в присутствии многих учащихся. К нескольким из них он обращался с одним и тем же требованием дать ему проездной билет на автобус и деньги на билет в кино, к несовершеннолетнему Д. он обращался с этим требованием два раза. Незначительный размер имущественных требований, характер действий осужденного Т. не дают оснований считать, что он совершил разбойное нападение. Его действия носили характер озорства, связанного с нарушением общественного порядка и явным неуважением к обществу, отличались особой дерзостью и связаны с применением ножа, поэтому они подлежат квалификации по ст. 201, ч. 3, УК БССР, по которой он и осужден».

При разграничении хулиганства и имущественных преступлений, совершаемых подростками, нужно учитывать особенности психики несовершеннолетних. На это обратила внимание Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда БССР в определении от 1 апреля 1969 г. по делу 17-летнего З.

З. признан виновным в том, что он днем на улице, возле кинотеатра, совершил грабеж, соединенный с насилием. Совместно с несовершеннолетним Т., дело в отношении которого прекращено следователем, и третьим неустановленным лицом З. сначала попросил у несовершеннолетнего С. 10 коп. Когда С. ему отказал, З. ударил его кулаком в подбородок. После этого С. вынул из кармана 10 коп. и отдал их З. Но окружившие С. потребовали у него еще денег, при этом З. нанес ему удар кулаком в живот. Затем вместе с Т. взяли его за руки, завернули их назад, а неизвестный их сообщник обшарил карманы С. и забрал у него еще 15 коп.

Судебная коллегия Верховного суда БССР переквалифицировала действия З. с ч. 2 ст. 142 на ч. 1 ст. 201 УК. Она мотивировала это тем, что «дети и подростки нередко отнимают друг у друга игрушки и мелкие суммы денег, не сознавая, что они совершают грабеж, представляющий большую опасность для общества, из-за озорства. И коль скоро З. нанес побои С. в людном месте, чем грубо нарушил общественный порядок, то его действия прямо предусмотрены ст. 201, ч. 1, УК».

З. Встречаются случаи смешения хулиганства и с другими преступлениями, например с посягательствами на порядок управления. Так, по приговору народного

суда Могилевского района от 15 сентября 1964 г., оставленному без изменения Могилевским областным судом, Р. осужден по ст. 201, ч. 2, и 189, ч. 2, УК. Он признан виновным в том, что, будучи в нетрезвом состоянии и находясь на работе по силосованию кормов в совхозе, потребовал у бригадира совхоза К. автомашину для поездки в больницу. Получив отказ, Р. обругал К. нецензурными словами и в присутствии рабочих стал избивать его сапогом, в результате чего причинил К. легкие телесные повреждения без расстройства здоровья.

Рассмотрев дело по протесту заместителя Председателя Верховного суда БССР, Президиум Могилевского областного суда постановлением от 19 декабря 1964 г. исключил из приговора обвинение Р. по ч. 2 ст. 201 УК, так как оскорбление, избивание бригадира было совершено не из хулиганских побуждений, а в связи с его служебной деятельностью.

По аналогичным соображениям Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда БССР определением от 30 января 1968 г. переквалифицировала с ч. 2 ст. 201 на ч. 2 ст. 189 УК действия М., который нанес удары бухгалтеру колхоза С. в связи с тем, что он отказался выдать М. в счет зарплаты 5 руб. Коллегия мотивировала изменение квалификации преступления тем, что «в соответствии с диспозицией ст. 201 УК БССР уголовная ответственность по ней наступает в том случае, когда умысел виновного был направлен на грубое нарушение общественного порядка, проявляющееся в явном неуважении к обществу. В данном же случае умысел М. был направлен на нанесение побоев С. как должностному лицу ввиду невыполнения последним его требований, которые С. мог удовлетворить в связи со своей служебной деятельностью».

4. До принятия Пленумом Верховного Суда СССР постановления № 9 от 16 октября 1972 г. судебные органы страны (в том числе БССР) исходили из того, что идеальная совокупность хулиганства и другого преступления невозможна. В соответствии с ранее данными разъяснениями Пленума действия, совершенные из хулиганских побуждений, квалифицировались или только как хулиганство или только по статье УК, предусматривающей более строгое, чем за хулиганство, наказание.

Это приводило к тому, что во втором случае неприменение ст. 201 УК выхолащивало правовую и социальную оценку такого опасного преступления, как хулиганство. Кроме того, при такой квалификации лицо, совершившее более тяжкое преступление из хулиганских побуждений, оказывалось в лучшем положении по сравнению с лицом, осужденным за особо злостное хулиганство: к первому из них применимо условно-досрочное освобождение от наказания или замена неотбытой части наказания более мягким, а в случае совершения вновь простого хулиганства оно несло бы ответственность не за злостное хулиганство (по признаку наличия судимости за хулиганство), а за простое хулиганство³.

По этим соображениям Пленум Верховного Суда СССР в п. 26 постановления № 9 от 16 октября 1972 г. разъяснил, что «более тяжкие, чем хулиганство, преступления (например, убийство, умышленное причинение тяжких телесных повреждений и др.), совершенные из хулиганских побуждений, следует квалифицировать только по соответствующим статьям УК союзных республик, предусматривающим ответственность за эти более тяжкие преступления, если законодательством союзной республики специально предусмотрена ответственность за совершение их из хулиганских побуждений⁴. В тех же случаях, когда такая ответственность не предусмотрена законом, а равно при наличии реальной совокупности такие преступления должны квалифицироваться по совокупности с хулиганством»⁵.

Наличие реальной совокупности, например, было констатировано в определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда БССР от 27 декабря 1966 г. Коллегия признала правильной квалификацию действий Д. по ст. 201, ч. 2, и 15, ч. 2, 100, п. «б», УК, поскольку 31 декабря 1965 г. Д. избил С. из хулиганских побуждений, а в ночь на 3 января 1966 г. из тех же побуждений пытался его убить. Но если бы Д. совершил только второе действие, правила о применении совокупности применять не следовало бы.

³ См. обзор «Судебная практика по делам о хулиганстве». — «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1973, № 1, с. 44.

⁴ В УК БССР такой является ст. 100, п. «б» (*примечание наше.* — И. Т.).

⁵ Сборник..., с. 543.

§ 2. Понятие злостного и особо злостного хулиганства

1. В судебной практике республики довольно часто встречаются случаи ошибочной квалификации по ч. 2 ст. 201 УК хулиганских действий, совершенных при отсутствии указанных в этой части отягчающих обстоятельств. Чаще всего это вызвано слишком широким толкованием признаков «исключительного цинизма» и «особой дерзости». Некоторые суды не учитывают того, что в ч. 2 ст. 201 УК говорится не просто о цинизме и дерзости (почти всем хулиганским действиям они присущи), а об *исключительном* цинизме и *особой* дерзости.

Например, народным судом Заводского района г. Минска 27 ноября 1967 г. был необоснованно осужден по ч. 2 ст. 201 УК Л. По приговору он признан виновным в том, что, находясь в нетрезвом состоянии, из хулиганских побуждений оскорбил нецензурными словами Л., К. и В., а затем снял брюки и показал им обнаженные ягодицы. Народный суд указал в приговоре, что эти действия Л. по содержанию являлись циничными.

Признавая такую оценку справедливой, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда БССР в определении от 7 мая 1968 г. вместе с тем указала, что подобные действия предусмотрены ч. 1 ст. 201 УК, а не ч. 2 этой статьи, как указано в приговоре. Содержащееся же в определении Минского областного суда от 12 января 1968 г. утверждение о том, что действия Л. отличались исключительным цинизмом, является необоснованным.

Верховный суд БССР переквалифицировал преступление Л. по ч. 1 ст. 201 УК и снизил ему меру наказания.

По аналогичным мотивам Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда БССР определением от 23 февраля 1968 г. переквалифицировала с ч. 2 на ч. 1 ст. 201 УК действия П., который, будучи в нетрезвом состоянии и встретив на улице С., везшую в коляске ребенка, беспричинно ударил перочинным ножом в переднюю часть коляски, в результате чего порезал ее дерматиновый верх. Не соглашаясь с содержащимся в приговоре народного суда Ивацевичского района от 11 ноября 1967 г. выводом о том, что действия П. отличались исключительным цинизмом, Верховный суд БССР указал, что «под исключительным цинизмом следует понимать

такие действия, которые характеризуются особым бесстыдством, издевательством над потерпевшим, унижающим человеческое достоинство, и т. д.», чего в данном случае не было.

Напротив, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда БССР в определении от 4 августа 1967 г. признала ошибочной переквалификацию Президиумом Витебского областного суда действий Л. с ч. 2 на ч. 1 ст. 201 УК.

Л., будучи в нетрезвом состоянии, пришел в магазин и из хулиганских побуждений в присутствии многих граждан стал отпраивлять естественные надобности на пальто гр-ки С., а в ответ на замечания граждан сквернословил. Когда Х. удалил Л. из магазина, тот продолжал ругаться и пристал к гр-ну З. За эти действия Л. осужден 25 мая 1967 г. народным судом Городокского района по ч. 2 ст. 201 УК.

Изменяя приговор, Президиум областного суда указал, что Л. грубо нарушил общественный порядок, однако его действия не были исключительно циничными или особо дерзкими.

Верховный суд БССР, указывая на ошибочность данного утверждения областного суда, пришел к выводу, что действия Л. по ч. 2 ст. 201 УК были квалифицированы правильно, поскольку они являлись исключительно циничными. С этим следует согласиться, так как в соответствии с разъяснением Пленума Верховного Суда СССР «злостным хулиганством, отличающимся исключительным цинизмом, могут признаваться хулиганские действия, которые сопровождались демонстративным пренебрежением к общепринятым нормам нравственности, например проявлением бесстыдства, издевательством над больными, престарелыми, лицами, находящимися в беспомощном состоянии и т. п.»⁶.

Еще чаще встречается неправильное понимание признака особой дерзости при совершении хулиганских действий. Трудности в разграничении обычной и особой дерзости возникают, как показывает изучение судебной практики, в основном при квалификации хулиганских действий, связанных с причинением потерпевшему телесных повреждений или уничтожением государственного,

---

⁶ Сборник..., с. 540.

общественного либо личного имущества граждан. Всегда ли в таких случаях имеется особая дерзость?

Верховный суд БССР считает, что не всегда. Можно назвать ряд постановлений Пленума Верховного суда БССР и определений Судебной коллегии по уголовным делам того же суда по отдельным уголовным делам, в которых не рассматривается как особая дерзость нанесение потерпевшему из хулиганских побуждений побоев или легкого телесного повреждения без расстройства здоровья⁷ и даже с расстройством здоровья⁸.

В последнее время понимание Верховным судом республики признака особой дерзости, по-видимому, несколько изменилось, о чем, в частности, можно судить по определению Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда БССР от 30 марта 1973 г. по делу Н.

Н. признан виновным в том, что вечером, будучи в нетрезвом состоянии, пришел в сельский клуб, где демонстрировался кинофильм. В зрительном зале Н. встал впереди сидевшего на стуле В. и заслонил ему киноэкран. В ответ на просьбу В. отойти и не мешать смотреть фильм Н. из хулиганских побуждений нанес ему кулаком удар в лицо, разбив губу и нарушив три зуба (легкие телесные повреждения без расстройства здоровья).

За эти действия Н. по приговору народного суда Пружанского района от 18 декабря 1972 г., оставленному без изменения Брестским областным судом, был осужден по ч. 1 ст. 201 УК. Постановлением Президиума областного суда от 9 февраля 1973 г. оставлен без удовлетворения протест прокурора области, в котором ставился вопрос об отмене приговора и определения кассационной инстанции ввиду неправильной квалификации преступления. По аналогичному протесту заместителя Прокурора БССР Судебная коллегия Верховного суда республики отменила все состоявшиеся по делу судебные решения и направила его на новое судебное рассмотрение в иной народный суд. Коллегия указала, что органами следствия действия Н. правильно были квалифицированы по ч. 2 ст. 201 УК, поскольку хулиганство сопровождалось

---

⁷ Постановление от 31 октября 1968 г. по делу М., определения по делам В. (26 января 1968 г.), Ф. (12 марта 1968 г.), П. (24 мая 1968 г.), Ш. (6 августа 1968 г.), М. (1 октября 1968 г.), Ш-ва (27 декабря 1968 г.), Г. (15 апреля 1969 г.), Д. (15 апреля 1969 г.) и др.

⁸ Определение от 2 февраля 1968 г. по делу М.

насилием над личностью, повлекшим телесные повреждения. При этом сделана ссылка на п. 16 постановления № 9 Пленума Верховного Суда СССР от 16 октября 1972 г.

Обратимся к этому разъяснению Пленума. В нем сказано, что «злостным хулиганством по признаку особой дерзости может быть признано такое неуважение к обществу, которое сопровождалось, например, насилием, повлекшим телесные повреждения, или глумлением над личностью, длительным и упорно не прекращавшимся нарушением общественного порядка, уничтожением имущества, срывом массового мероприятия, временным прекращением нормальной деятельности учреждения, предприятия или общественного транспорта и т. п.» (таким образом, дается лишь примерный перечень).

Если исходить из буквального текста этого разъяснения Пленума Верховного Суда СССР, то получается, что причинение при хулиганстве любого телесного повреждения (в том числе легкого, не повлекшего расстройства здоровья), а также любое уничтожение хулиганом имущества (независимо от размера причиненного ущерба) должно всегда рассматриваться как хулиганство, соединенное с особой дерзостью⁹. Но такой формальный подход к оценке действий виновного противоречил бы сложившейся (и правильной, на наш взгляд) практике Верховного суда БССР по данной категории уголовных дел и общим указаниям Пленума Верховного Суда СССР, содержащимся в п. 16 его постановления № 9 от 16 октября 1972 г. Здесь сказано, что, квалифицируя хулиганство по ч. 2 ст. 201 УК «по признаку наличия в действиях подсудимого исключительного цинизма или особой дерзости, суд должен указать в приговоре, какие конкретно действия виновного он относит к исключительно циничным или особо дерзким. При решении вопроса о признании хулиганских действий исключительно циничными или особо дерзкими необходимо исходить из оценки

⁹ Такой вывод сделан в отношении телесных повреждений в обзоре «Судебная практика по делам о хулиганстве». Здесь говорится, что «в большинстве союзных республик судебная практика пошла по пути квалификации хулиганских действий, сопряженных с причинением телесных повреждений, как злостного хулиганства по признаку особой дерзости. Пленум Верховного Суда СССР признал эту практику правильной и закрепил ее в своем постановлении» («Бюллетень Верховного Суда СССР», 1973, № 1, с. 47).

конкретных обстоятельств дела в их совокупности, учитывая характер, время и условия совершения преступления»¹⁰.

Поэтому, не оспаривая вывода Верховного суда БССР о необходимости квалификации действий Н. по ч. 2 ст. 201 УК (в связи с ними был временно прекращен показ кинофильма), мы хотели бы лишь подчеркнуть, что вопрос о наличии или отсутствии признака особой дерзости в случаях нанесения легких телесных повреждений и уничтожения имущества должен решаться в каждом конкретном случае с учетом характера нанесенного телесного повреждения и размера причиненного имущественного ущерба, а также других обстоятельств, указанных в п. 16 постановления Пленума Верховного Суда СССР.

Именно так и поступает Верховный суд республики. В определении от 24 января 1967 г. Судебная коллегия этого суда признала неправильной переквалификацию Могилевским областным судом хулиганских действий У., Г. и П. с ч. 2 на ч. 1 ст. 201 УК. Наличие признака особой дерзости Верховный суд обосновал следующим образом: «Из материалов дела видно, что У., Г., П. и Ф. (осужден по другому делу), будучи в нетрезвом состоянии, из хулиганских побуждений напали на гр-на М., шедшего по улице с девушкой, и стали избивать его руками, а когда М. упал, и ногами, сопровождая свои действия нецензурными словами. В результате потерпевшему М. были нанесены легкие телесные повреждения без расстройства здоровья.

Указанными действиями, совершенными по мотивам пренебрежительного отношения к правилам социалистического общежития и явного неуважения к обществу, виновные особо грубо нарушили общественный порядок. Их действия народным судом правильно расценены как злостное хулиганство.

Поскольку хулиганские действия были совершены группой лиц и выразились в избиении потерпевшего ногами, сквернословии, они характеризуются особой дерзостью, что влечет их квалификацию по ст. 201, ч. 2, УК БССР...».

2. Значительное место в практике Верховного суда БССР занимали вопросы квалификации особо злостного

¹⁰ Сборник..., с. 539.

хулиганства (ч. 3 ст. 201 УК), отграничения его от других менее опасных видов хулиганства и иных преступлений. Хотя по этим вопросам имеются руководящие разъяснения Пленума Верховного Суда СССР, ошибки в квалификации, вызванные сложностью понятия особо злостного хулиганства, встречаются не так уж редко. Чаще всего они выражаются в том, что применение или попытка применения «других предметов», указанных в ч. 3 ст. 201 УК, т. е. не являющихся огнестрельным оружием, ножами, кастетами или иным холодным оружием, которые особо названы в этой части ст. 201, ошибочно рассматривается как основание для ее применения, хотя эти «другие предметы» не были специально приготовлены или приспособлены для нанесения телесных повреждений, а взяты на месте преступления в момент его совершения. Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда БССР многократно приходилось исправлять подобного рода ошибки. Так, например, в ее определениях было указано на отсутствие оснований для квалификации по ч. 3 ст. 201 УК случаев хулиганства, сопровождавшихся применением или попыткой применения для нанесения телесных повреждений потерпевшему таких подобранных на месте преступления предметов, как камень (13 сентября 1968 г., дело К-го), кирпич (17 января 1967 г., дело С.), палка (25 августа 1967 г., дело К., 17 ноября 1970 г., дело С.), металлический прут (9 июня 1967 г., дело К-ва), утюг (17 января 1967 г., дело К-на).

В определении от 21 мая 1968 г. по делу Ш. правильно отмечается, что не может квалифицироваться по ч. 3 ст. 201 УК использование при хулиганстве для нанесения телесных повреждений предметов, хотя и принесенных виновным на место преступления, но находящихся при нем в связи с выполняемой работой (плотник Ш. прибежал на место преступления с топором, который им непосредственно перед этим использовался на работе).

Интересное и важное соображение содержится в определении от 4 июня 1968 г. по делу Б., который из хулиганских побуждений с криком «зарезу» гнался за потерпевшим со складным ножом, но его не раскрывал. Верховный суд БССР отметил, что ч. 3 ст. 201 УК (в числе других действий) «предусматривает ответственность за

применение или попытку применения ножа как колюще-режущего оружия, т. е. в раскрытом виде. Нераскрытый же нож ничем не отличается от другого специально не приспособленного орудия, например палки, поднятой для нанесения удара».

В определении по делу К., действия которого были необоснованно квалифицированы народным судом г. Речицы по ч. 3 ст. 201 УК (приговор от 6 августа 1968 г.), правильно обращено внимание на то, что К. только угрожал потерпевшему ножом, но не применял его и не пытался применить для причинения телесных повреждений, в связи с чем его действия не могут квалифицироваться по ч. 3 ст. 201 УК. Также не может квалифицироваться по этой части хулиганство, соединенное с применением огнестрельного оружия, ножей в отношении животных, например собак (определение от 7 августа 1970 г. по делу Л.). Разумеется, имеются в виду случаи, когда применение огнестрельного или холодного оружия в отношении животных не создавало опасности для жизни или здоровья людей.

Для применения ч. 3 ст. 201 УК не требуется, чтобы телесные повреждения потерпевшему были причинены или виновный пытался их причинить, достаточно создания опасности их причинения. В определении от 9 февраля 1968 г. признана правильной квалификация как особо злостного хулиганства действий Ш. и др., которые, будучи в нетрезвом состоянии, во время совершения хулиганских действий в месте отдыха граждан подбрасывали вверх пустые бутылки и стреляли по ним из охотничьих ружей, а также стреляли по верху голов отдыхающих, в сторону палаток, в которых они находились. Верховный суд БССР, обосновывая квалификацию действий виновных по ч. 3 ст. 201 УК, указал, что «эти действия не только нарушали общественный порядок и покой отдыхающих в то время недалеко граждан, но и представляли реальную опасность для их жизни».

Важное указание, относящееся к составу особо злостного хулиганства, содержится также в определении от 15 марта 1974 г. по делу М. Здесь признана необоснованной квалификация по ч. 3 ст. 201 УК хулиганских действий, предшествовавших умышленному убийству из хулиганских побуждений, совершенному путем выстрела из охотничьего ружья.

События развивались следующим образом. М., будучи в нетрезвом состоянии, возвращался на автомашине вместе с другими гражданами со свадьбы. Из хулиганских побуждений он хватал за волосы Р., наносил ему удары в лицо, выражался нецензурными словами, угрожал убить Р., а его сестру — Д. — выбросить из машины.

По прибытии в д. Малашки М. опять пытался избить Р., хотел вытащить его из кабины автомашины, выломал кол и бросился с ним к Р., но был остановлен своими родственниками. Затем побежал домой, взял охотничье ружье, зарядил его и произвел выстрел в жену Р., которая от полученного ранения скончалась в больнице.

Судебная коллегия по уголовным делам Гомельского областного суда признала М. виновным в умышленном убийстве из хулиганских побуждений и в особо злостном хулиганстве. Не соглашаясь с признанием хулиганства особо злостным, Верховный суд БССР указал: «Квалификацию действий осужденного по ч. 3 ст. 201 УК БССР суд мотивировал тем, что он совершил злостное хулиганство с применением огнестрельного оружия. Из дела же видно, что до того, как М. взял ружье, он никакого оружия не применял и совершил злостное хулиганство, отличающееся особой дерзостью, следовательно, его действия в этой части подлежат квалификации по ч. 2 ст. 201 УК БССР.

Согласно п. 26 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 16 октября 1972 г. «О судебной практике по делам о хулиганстве», если законодательством союзной республики предусмотрена ответственность за более тяжкие преступления, совершенные из хулиганских побуждений, то действия виновного следует квалифицировать только по соответствующей статье, предусматривающей ответственность за это тяжкое преступление.

Когда М. взял ружье, он совершил убийство из хулиганских побуждений, т. е. самостоятельное преступление, предусмотренное п. «б» ст. 100 УК БССР».

Приведенные указания Верховного суда БССР правильно ориентируют судебную практику республики в направлении строгого соблюдения требований закона, содержащихся в ч. 3 ст. 201 УК.

§ 3. Систематическое занятие бродяжничеством и попрошайничеством, а также ведение в течение длительного времени иного паразитического образа жизни

В судебной практике встречаются случаи квалификации по ст. 204 УК действий, которые не могут рассматриваться как систематическое занятие бродяжничеством или попрошайничеством, являющееся формой паразитического существования.

Так, например, по приговору народного суда Железнодорожного района г. Витебска осужден по ст. 120 и 204 УК С., который с целью уклонения от уплаты алиментов в пользу С. Р. на содержание двоих детей в течение двух лет шесть раз сменил место жительства и работы, в связи с чем трижды предупреждался органами милиции.

По протесту заместителя Председателя Верховного суда БССР Президиум Витебского областного суда постановлением от 13 ноября 1965 г. прекратил дело в части осуждения С. по ст. 204 УК ввиду отсутствия в его действиях состава предусмотренного этой статьей преступления. Соглашаясь с протестом, Президиум указал: «По смыслу диспозиции ст. 204 УК БССР ответственность за систематическое бродяжничество несут трудоспособные лица, которые не имеют постоянного места жительства или оставили его с целью уклонения от общественно полезного труда.

Из материалов дела видно, что С. является инвалидом 3-й группы, получал пенсию, являлся участником Отечественной войны, страдает тяжелым заболеванием.

С., уклоняясь от уплаты алиментов, действительно в 1963—1964 годах несколько раз менял место работы и жительства, однако всегда по новому месту жительства прописывался и устраивался на работу.

При таких данных С. неправильно признан виновным в систематическом бродяжничестве».

В результате проведенного в 1973 г. Верховным судом, Прокуратурой, Министерством юстиции, МВД БССР обобщения практики исполнения законодательства об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни, установлено, что при реше-

нии этих вопросов некоторыми органами суда допускались и другие ошибки.

Встречаются случаи ошибочного осуждения по ст. 204 УК вследствие поверхностного исследования материалов дела органами дознания и судами.

Житель Мядельского района М., 1936 года рождения, имея постоянное место жительства и семью, двоих детей на иждивении, работая в организациях Мядельского района, с 1967 г. стал уходить из дома в соседние деревни Мядельского района, а также некоторые деревни Поставского района, заходил к родственникам, знакомым и незнакомым в дом под тем или иным предлогом, выпивал с ними спиртные напитки, которыми либо его угощали, либо он приносил с собой.

Отсутствовал он таким образом по неделе-две в году и снова возвращался домой, продолжал работать, содержал семью.

В последний раз отсутствовал дома с 8. II. 1972 г. по 13. III. 1973 г., поссорившись с матерью, которая упрекала его в выпивках.

М. пояснил, что из дома он уходил потому, что у него «вдруг что-то делалось в голове», жаловался на головную боль, однако ни следователем, ни судом состояние здоровья М. не проверялось, жена и мать его по этому вопросу не допрошены.

М. не предостерегался органами милиции о прекращении бродяжничества и паразитического существования.

Поэтому следует признать, что М. необоснованно осужден народным судом Мядельского района по ст. 204 УК.

По некоторым делам органы дознания (следствия) и суды давали неправильную оценку поведению лиц, не выясняли действительный характер образа их жизни, в связи с чем иногда осуждались лица, которые, не работая в государственных и общественных организациях, занимались иной деятельностью, которую нельзя признать антиобщественной и паразитической.

Народным судом Столинского района осужден без достаточных оснований по ст. 204¹, ч. 1, УК Г., 1930 года рождения. По делу установлено, что он с 1969 года по 12 июля 1972 г. не работал (ко времени рассмотрения дела после женитьбы он поступил работать на хлебозавод). В 1969 г. у Г. умерла жена, на его иждивении осталось

четверо несовершеннолетних детей. Г. с семьей жил на средства, выручаемые от продажи семян цветочных и овощных культур, которые выращивал на своем огороде и продавал за пределами республики.

Некоторые народные суды (например, г. Бреста — при рассмотрении дел Ч. и Ф.) неправильно квалифицировали по ч. 2 ст. 204¹ УК действия граждан, ранее привлекавшихся к ответственности по Указу Президиума Верховного Совета БССР от 15 мая 1961 г. «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда и ведущими антиобщественный образ жизни». Эти суды не учитывали, что диспозиция ч. 2 ст. 204¹ УК, введенной в кодекс Указом Президиума Верховного Совета БССР от 30 марта 1970 г., говорит о судимости именно по ч. 1 ст. 204¹ УК, а не по другому закону¹¹.

В судебной практике по-разному оценивались действия лиц, которые жили в пределах одного города с районным делением или без него, но определенного места жительства не имели, скитались в случайных местах, жили за счет нетрудовых доходов, длительное время не работали.

Одни суды считали, что такие лица при наличии в их действиях соответствующих признаков должны отвечать по ст. 204¹ УК, другие осуждали их по ст. 204 УК.

Например, Л., 1926 года рождения, не имея постоянного места жительства, перемещался в пределах г. Могилева, не работал, жил за счет сбора посуды и других случайных средств.

Л. официально предупреждался органами внутренних дел о прекращении паразитического существования, и в отношении его исполком Октябрьского райсовета г. Могилева вынес решение о принудительном трудоустройстве. От выполнения этого решения Л. уклонился. Органы дознания и суд квалифицировали действия Л. по ст. 204¹, ч. 1, УК, хотя он должен был отвечать по ст. 204.

В целях совершенствования анализируемых правовых норм Президиум Верховного Совета БССР Указами от 15 августа 1975 г.¹² исключил из УК ст. 204¹ и признал утратившими силу свои Указы от 15 мая 1961 г. и 30 мар-

¹¹ СЗ БССР 1970, № 10, ст. 113.

¹² СЗ БССР 1975, № 24, ст. 379, 380.

та 1970 г., изменил редакцию ст. 204 УК. Сейчас ст. 204 предусматривает ответственность за «систематическое занятие бродяжничеством или попрошайничеством, а также ведение в течение длительного времени иного паразитического образа жизни» (ч. 1). По ч. 2 ст. 204 УК установлено более строгое наказание за те же действия, совершенные лицом, ранее судимым по ч. 1 этой статьи. Уменьшены максимальные сроки лишения свободы по обеим частям статьи. Дано легальное толкование такого понятия, как «ведение в течение длительного времени иного паразитического образа жизни».

Все это бесспорно будет содействовать более правильному применению закона, облегчит задачу органов следствия и суда по установлению признаков предусмотренных ст. 204 УК преступных действий.

С целью устранения отмеченных нами и других ошибок в оценке действий граждан, уклоняющихся от общественно полезного труда, и обеспечения правильного решения вопросов применения ст. 204 и 194 УК Пленум Верховного Суда СССР 28 июня 1973 г. принял постановление № 10 «О судебной практике по делам о систематическом занятии бродяжничеством или попрошайничеством, злостном уклонении от выполнения решения о трудоустройстве и прекращении паразитического существования и нарушениях паспортных правил»¹³.

В постановлении (п. 1) разъяснено, в частности, что «под систематическим занятием бродяжничеством следует понимать перемещение в течение длительного времени из одного населенного пункта в другой либо в пределах одного города лица, не имеющего постоянного места жительства или оставившего его и проживающего на нетрудовые доходы».

К сожалению, и после этого разъяснения некоторые суды республики применяют ст. 204 УК к гражданам, в действиях которых нет признаков систематического бродяжничества.

Такую ошибку допустил, например, народный суд Ляховичского района Брестской области в приговоре от 18 января 1974 г. по делу А., осужденного, в числе других преступлений, и по ч. 2 ст. 204 УК.

---

¹³ См.: Сборник..., с. 566—570.

А. признан виновным в том, что он, будучи ранее судимым за кражи и бродяжничество, нигде не работал, более месяца занимался бродяжничеством, в это время пьянствовал и совершал мелкие кражи.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда БССР определением от 21 июня 1974 г. признала осуждение А. по ч. 2 ст. 204 УК неправильным. Сославшись на приведенное выше разъяснение Пленума Верховного Суда СССР, она пришла к следующему выводу: «Из... материалов дела видно, что после освобождения из мест заключения 20 мая 1971 г. А. работал в колхозе. Он отработал в 1971 году 111 человеко-дней, в 1972 году 303 человеко-дня и в 1973 году работал до июля. Он постоянно проживал в д. Симоново Кореличского района Гродненской области вместе со своей семьей — женой и двумя детьми; 4 августа 1973 г. А. был помещен в больницу по поводу обострения радикулита и находился на лечении до 28 августа 1973 г.

...А. периодически злоупотребляет спиртными напитками. Его жена... показала, что, когда муж начинает пить, он уходит из дома. После выхода из больницы он начал пить, ушел из дома, через несколько дней возвратился, а затем вновь ушел.

24 сентября 1973 г. А. пытался совершить кражу в г. Новогрудке, где был задержан, а затем освобожден. 3 октября 1973 г. за попытку кражи туфель из магазина в г. Ляховичи он был задержан и привлечен к уголовной ответственности.

Из указанного выше следует, что А. имеет постоянное место жительства, период его перемещения из одного населенного пункта в другой на протяжении около месяца нельзя считать длительным.

При таких обстоятельствах в его действиях не имеется состава преступления, предусмотренного ст. 204 УК БССР».

§ 4. Вовлечение несовершеннолетнего в пьянство

Указ Президиума Верховного Совета БССР от 21 июня 1972 г. «О мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма»¹⁴ установил административную от-

¹⁴ «Советская Белоруссия», 23 июня 1972 г.

ветственность за доведение несовершеннолетнего до состояния опьянения родителями или иными лицами (ч. 1 ст. 5) и уголовную — за «те же действия, совершенные лицом, в служебной зависимости от которого находился несовершеннолетний» (ч. 2 той же статьи Указа, ст. 205¹ УК¹⁵). В связи с этим вовлечение несовершеннолетнего в пьянство, которое и ранее наказывалось в уголовном порядке (ст. 205 УК), определено в названном Указе как доведение несовершеннолетнего до состояния опьянения, совершаемое систематически (ч. 3 ст. 5). Таким образом, понятие уголовно наказуемого вовлечения несовершеннолетнего в пьянство было значительно сужено.

«Едиличные случаи распития спиртных напитков с несовершеннолетними,— говорится в определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда БССР от 7 июля 1974 г. по делу Г. и др.,— влекут административную ответственность, за исключением случаев, предусмотренных ч. 2 ст. 2 названного Указа, в которой установлена ответственность для лиц, в служебной зависимости от которых находился несовершеннолетний.

Н. и М. не находились в служебной зависимости от Г., вместе с ним они один раз распили бутылку вина. Поэтому в этих действиях Г. нет состава преступления, предусмотренного ст. 205 УК БССР».

Что же следует понимать под систематичностью доведения несовершеннолетнего до состояния опьянения? По-видимому, этот термин следует понимать в смысле совершения соответствующего действия не менее трех раз. К сожалению, четких разъяснений по этому вопросу нет.

С учетом нового понятия уголовно наказуемого вовлечения несовершеннолетнего в пьянство Пленум Верховного Суда СССР постановлением № 11 от 4 октября 1973 г. внес изменения и дополнения в свое постановление от 12 сентября 1969 г. «О судебной практике по делам о вовлечении несовершеннолетних в преступную или иную антиобщественную деятельность». В новой редакции п. 4 этого постановления гласит: «Уголовно наказуемым вовлечением несовершеннолетнего в пьянство признаются умышленные действия взрослого, направленные на во-

¹⁵ См.: СЗ БССР 1973, № 10, ст. 164.

влечение несовершеннолетнего в систематическое употребление спиртных напитков, независимо от того, совершил ли несовершеннолетний под влиянием алкоголя преступление, наступили или не наступили для него тяжкие последствия (смерть, увечье и т. п.).

При оценке единичных случаев распития взрослым с несовершеннолетним спиртных напитков суд должен, исходя из конкретных обстоятельств, цели, мотивов и при установлении единичного случая доведения взрослым несовершеннолетнего до состояния опьянения суд должен в соответствии с частью первой или частью второй статьи 5 Указов Президиумов Верховных Советов союзных республик «О мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма» решать вопрос о привлечении такого взрослого лица к административной или уголовной ответственности...»¹⁶.

Приведенное разъяснение Пленума Верховного Суда СССР внесло определенную ясность в решение вопроса о разграничении действий, наказуемых по ст. 205 и 205¹ УК. Однако сравнение первого и второго абзацев п. 4 постановления Пленума может создать впечатление о том, что для наличия признака систематичности доведения несовершеннолетнего до состояния опьянения достаточно двукратного совершения таких действий, что противоречит смысловому значению термина «систематичность». Поэтому представляется желательным разъяснение Пленумом признака систематичности для устранения различного толкования его указаний.

В судебной практике возник вопрос о том, учитываются ли при привлечении лица к уголовной ответственности за систематическое вовлечение несовершеннолетнего в пьянство случаи вовлечения в пьянство, имевшие место до вступления в действие Указа Президиума Верховного Совета БССР от 21 июня 1972 г. «О мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма». В связи с этим Верховный суд БССР в одном из обзоров судебной практики правильно указал, что для наличия в действиях лица систематического вовлечения несовершеннолетнего в пьянство не имеет значения, были ли совершены все случаи вовлечения до или после издания Указа от 21 июня 1972 г.

---

¹⁶ Сборник..., с. 562—563.

Поскольку в судебной практике (в том числе и в нашей республике) по-разному толковалось понятие «лица, в служебной зависимости от которого находился несовершеннолетний» (ст. 205¹ УК), Пленум Верховного Суда СССР разъяснил, что субъектом предусмотренного этой статьей преступления «может быть должностное лицо, а также лицо, которое в силу своих служебных, профессиональных обязанностей или согласно действующим правилам, инструкциям, положениям, а равно по поручению должностного лица, осуществляло воспитание либо обучение работающего или учащегося несовершеннолетнего и последний находился в зависимости от такого лица (начальник цеха, участка, смены, бригадир, мастер, другой работник, к которому несовершеннолетний прикреплен в качестве ученика, инструктор, мастер по производственному обучению или воспитатель, преподаватель учебного заведения и др.)»¹⁷.

В названном выше постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 12 сентября 1969 г.¹⁸, а также в его постановлении от 16 октября 1972 г. «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних и о вовлечении их в преступную или иную антиобщественную деятельность»¹⁹ разъяснены и многие другие вопросы, при решении которых суды испытывали затруднения.

§ 5. Нарушение правил безопасности движения и эксплуатации транспортных средств. Угон таких средств

Возникшие в судебной практике неясные вопросы, связанные с применением ст. 206, 206¹, 206² и 207² УК, нашли разрешение в постановлении № 11 Пленума Верховного Суда СССР от 6 октября 1970 г. «О судебной практике по делам об автотранспортных преступлениях»²⁰ и в постановлении Пленума Верховного суда БССР от 17 июня 1970 г. № 5 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушениями правил безопасности и эксплуатации транспортных средств, а так-

¹⁷ Сборник..., с. 563.

¹⁸ См. там же, с. 559—566.

¹⁹ См. там же, с. 329—335.

²⁰ См. там же, с. 546—554.

же с их угоном» (с изменениями и дополнениями, внесенными постановлением от 2 декабря 1970 г. № 10).

Поэтому остановимся только на некоторых вопросах, возникших при рассмотрении конкретных уголовных дел.

1. По приговору народного суда Мядельского района от 24 февраля 1970 г. И. осужден по ч. 2 ст. 206 УК. Он признан виновным в нарушении правил вождения автомашины, в результате чего были причинены Р. легкие, а самому И.— менее тяжкие телесные повреждения.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда БССР определением от 29 декабря 1970 г. переквалифицировала действия И. по ч. 1 ст. 206 УК. Она при этом указала, что «И. по отношению к своим преступным действиям не может быть и обвиняемым и потерпевшим, поскольку законом не предусмотрена уголовная ответственность за причинение телесных повреждений и ущерба самому себе при совершении автотранспортных преступлений».

2. Возник также вопрос о том, как надлежит квалифицировать действия лица, не достигшего 16 лет, своевольно угнавшего автомашину и совершившего автоаварию со смертельным исходом. В одном из обзоров судебной практики Верховный суд БССР разъяснил, что в соответствии со ст. 10 УК действия такого лица подлежат квалификации по ст. 104 УК как неосторожное причинение смерти потерпевшему.

3. У работников Верховного суда БССР и членов научно-консультативного совета при этом суде следственные и судебные работники нередко спрашивают: можно ли привлечь к уголовной ответственности по ст. 207² УК шофера предприятия, колхоза или иной социалистической организации, который самовольно (обычно в нерабочее время) берет из гаража или со стоянки какую-либо автомашину (как правило, закрепленную за ним) и совершает на ней поездку по своим личным надобностям, а затем ставит машину на место.

Мы считаем правильной точку зрения тех судебных органов, которые полагают, что самовольное использование автомашины в личных целях лицом, имеющим доступ к автомашине по службе или работе, нельзя рассматривать как угон автотранспортных средств²¹. Можно к это-

²¹ См.: «Бюллетень Верховного суда РСФСР», 1972, № 12, с. 11.

му добавить, что в случае причинения такого рода действиями большого ущерба и необходимости привлечения виновного к уголовной ответственности должностное лицо может отвечать по ст. 166, а частное — по ст. 196 УК. Но это исключительные случаи. Как правило же, к виновным должны применяться другие меры воздействия.

§ 6. Незаконное ношение, хранение, приобретение, изготовление или сбыт оружия или взрывчатых веществ

В судебной практике по-разному понимались некоторые признаки незаконного ношения, хранения, приобретения, изготовления или сбыта оружия или взрывчатых веществ (ст. 213¹ УК). Для обеспечения правильного, единообразного применения этих статей Верховный суд БССР изучил дела этой категории и 29 мая 1974 г. принял постановление «О судебной практике по делам о незаконном ношении, хранении, приобретении, изготовлении или сбыте оружия или взрывчатых веществ и хищении огнестрельного оружия, боевых припасов или взрывчатых веществ». Предварительно этот вопрос 10 апреля того же года был обсужден на заседании научно-консультативного совета при Верховном суде БССР. Разгоревшиеся во время обсуждения споры по ряду вопросов еще раз подтвердили необходимость дачи Пленумом Верховного суда БССР руководящих разъяснений по вопросам применения ст. 213 и 213¹ УК. Мы коснемся не только тех вопросов, которые нашли разрешение в названном постановлении Пленума, но и тех, которые были из проекта постановления исключены ввиду того, что по ним в процессе обсуждения не получила преобладания ни одна из высказывавшихся точек зрения.

1. Суды вкладывали разное содержание в понятие незаконного приобретения огнестрельного оружия, боевых припасов или взрывчатых веществ. В связи с этим Пленум Верховного суда БССР в п. 3 постановления от 29 мая 1974 г. разъяснил, что «под незаконным приобретением огнестрельного оружия, боевых припасов или взрывчатых веществ следует понимать возмездное или безвозмездное их получение путем покупки, мены, вымогательства, в качестве вознаграждения за услуги и т. д.». Таким образом, Пленум подчеркнул, что для ответственности по ст. 213 УК не имеет значения способ приобрете-

ния указанных в ней предметов, его возмездный или безвозмездный характер.

2. Суды по-разному решали вопрос о предмете рассматриваемого преступления. Одни суды расценивали ношение, хранение и изготовление обреза из охотничьего ружья как уголовное преступление. Другие же, наоборот, полагали, что поскольку закон исключает уголовную ответственность за ношение, хранение или изготовление гладкоствольного охотничьего ружья, то нет оснований считать предметом преступления обрез из охотничьего ружья. Эти различные точки зрения высказывались и при обсуждении проекта постановления Пленума Верховного суда БССР на заседании научно-консультативного совета при этом суде. По нашему мнению, Пленум занял правильную позицию по данному вопросу, разъяснив, что «изготовление обреза из охотничьих ружей, в том числе из гладкоствольных, если в результате этого утрачиваются свойства охотничьего ружья, а также их ношение, хранение, приобретение, сбыт или хищение образует состав преступления, предусмотренный ч. 1 ст. 213 либо ст. 213¹ УК БССР».

В самом деле, изготовление обреза из гладкоствольного охотничьего ружья по своей природе ничем не отличается от других случаев изготовления оружия, о котором идет речь в ст. 213 УК. Ружье при этом используется как материал для изготовления обреза и после укорачивания ствола и уменьшения размера приклада для более удобного сокрытия оружия и пользования им утрачивает свое первоначальное назначение, становится предметом преступления, указанного в ч. 1 ст. 213 УК. Иное решение этого вопроса было бы лишь на руку антиобщественным элементам, часто изготавливающим обрезы из охотничьих ружей для пользования ими во время преступных нападений на государственные учреждения, предприятия, общественные организации и отдельных граждан.

3. В судебной практике по-разному решался вопрос о том, с какого момента следует считать оконченным преступлением изготовление оружия, боевых припасов и взрывчатых веществ. С целью устранения допускаемых при решении этого вопроса ошибок Пленум Верховного суда БССР разъяснил, что при разграничении покушения на изготовление оружия, боевых припасов или взрывчатых веществ и оконченного преступления следует исхо-

дить из степени готовности оружия. Если изготовленный предмет может быть использован как оружие по своему прямому назначению, то независимо от того, что остались незавершенными отделочные работы, в действиях виновного имеется состав оконченного преступления. Пленум указал, что решение этого вопроса в конкретных случаях может быть принято с учетом заключения криминалистической экспертизы о пригодности оружия, боевых припасов или взрывчатых веществ для использования их по прямому назначению.

4. В ч. 2 ст. 213 УК (в редакции Указа Президиума Верховного Совета БССР от 4 марта 1974 г.)²² установлено, что «лицо, добровольно сдавшее огнестрельное оружие, боевые припасы или взрывчатые вещества, хранившиеся у него без соответствующего разрешения, освобождается от уголовной ответственности». В связи с включением в закон этого важного указания (его ранее в ст. 213 УК не было) возникли некоторые неясные вопросы. Распространяется ли приведенное правило только на случаи хранения огнестрельного оружия, боевых припасов или взрывчатых веществ или оно относится также к случаям ношения, приобретения и изготовления указанных предметов? Как следует поступать в случае, когда лицо, виновное в ношении или изготовлении кинжалов, финских ножей или иного холодного оружия без соответствующего разрешения, добровольно сдает это оружие органам власти?

Ответ на первый из указанных вопросов может быть, как нам представляется, только утвердительным. Ношение, приобретение и изготовление огнестрельного оружия, боевых припасов или взрывчатых веществ также связано с их хранением. Кроме того, и в этих случаях добровольная сдача названных предметов свидетельствует о нецелесообразности привлечения лица к уголовной ответственности. Иное решение вопроса противоречило бы смыслу закона, имеющего своей целью создать у виновных стимул к прекращению совершения преступных действий, указанных в ч. 1 ст. 213 УК.

По тем же соображениям не следует привлекать к уголовной ответственности и наказанию по ч. 3 ст. 213 УК лицо, добровольно сдавшее холодное оружие. Разу-

---

²² СЗ БССР 1974, № 7, ст. 126.

меется, в этом случае нельзя сослаться на ч. 2 ст. 213 УК. Соответствующее решение должно обосновываться ссылкой на ст. 48 УК. Мы полагаем, что законодатель поступил бы более правильно, если бы он предусмотрел возможность освобождения от уголовной ответственности и таких лиц непосредственно в ст. 213 УК. Ведь незаконное владение холодным оружием менее опасно, чем те же действия в отношении огнестрельного оружия, боевых припасов и взрывчатых веществ, что нашло отражение и в санкциях ч. 1 и ч. 3 ст. 213 УК.

5. В проекте постановления Пленума Верховного суда БССР имелся пункт следующего содержания: «Действия лиц, допускающих при незаконном хранении огнестрельного оружия небрежность, повлекшую тяжкие последствия, должны квалифицироваться по совокупности ст. 213, ч. 1, и 214 УК БССР». Эта точка зрения, высказанная и в литературе²³, была поддержана не всеми членами научно-консультативного совета при Верховном суде БССР. Поэтому она не нашла отражения в принятом Пленумом этого суда постановлении. Мы полагаем, что в рассматриваемом случае нет совокупности преступлений²⁴. Определенные правила хранения огнестрельного оружия установлены для лиц, которые владеют им правомерно. При незаконном хранении огнестрельного оружия о таких правилах не может быть речи, так как само нахождение оружия у виновного признается настолько опасным, что и при отсутствии тяжких последствий наказывается очень строго — лишением свободы на срок до 5 лет, т. е. намного более строго, чем небрежное хранение огнестрельного оружия (максимальное наказание по ст. 214 УК — один год лишения свободы). Следовательно, возможность наступления тяжких последствий при незаконном хранении огнестрельного оружия уже учтена самим законодателем в санкции ч. 1 ст. 213 УК.

Поэтому мы считаем правильным разъяснение по данному вопросу, содержащееся в п. 16 постановления № 7

---

²³ См., например, Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР. М., 1971, с. 468.

²⁴ Такая позиция занята нами и в Комментарий к Уголовному кодексу БССР (Минск, 1971, с. 345), в котором указывается, что «при наличии незаконного владения огнестрельным оружием небрежное его хранение охватывается ч. 1 ст. 213».

Пленума Верховного Суда СССР от 20 сентября 1974 г. «О судебной практике по делам о хищении огнестрельного оружия, боевых припасов или взрывчатых веществ, незаконном ношении, хранении, приобретении, изготовлении или сбыте оружия, боевых припасов или взрывчатых веществ и небрежном хранении огнестрельного оружия»²⁵. Здесь указывается, что «небрежное хранение огнестрельного оружия, находящегося у виновного незаконно, если это повлекло его использование другим лицом с наступлением тяжких последствий, охватывается признаками ч. 1 ст. 218 УК РСФСР и дополнительной квалификации по ст. 219 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик не требует»²⁶.

Поскольку уголовная ответственность за незаконное хранение гладкоствольного охотничьего оружия в БССР не установлена (что вряд ли можно признать обоснованным²⁷), небрежное хранение такого оружия, создавшее условия для использования этого оружия другим лицом, если это повлекло тяжкие последствия, должно наказываться по ст. 214 УК.

§ 7. Хищение огнестрельного оружия, боевых припасов или взрывчатых веществ

Немало неясных вопросов возникло в судебной практике, как уже отмечалось, и по вопросам применения ст. 213¹ УК.

1. В частности, по-разному решался вопрос о предмете предусмотренного этой статьей преступления. В связи с этим Пленум Верховного суда БССР в упомянутом выше постановлении от 29 мая 1974 г. разъяснил, что по ст. 213¹ УК квалифицируется хищение огнестрельного

---

²⁵ См.: «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1974, № 5, с. 10.

²⁶ В постановлении № 7 Пленума Верховного Суда СССР от 20 сентября 1974 г. разрешены и многие другие вопросы применения ст. 213—214 УК, которые в этом и следующем параграфах нашей работы не рассматриваются.

²⁷ Опасность незаконного владения таким оружием (применительно к ст. 213¹ УК) хорошо показана В. Тихим в статье «Ответственность за хищение оружия» («Советская юстиция», 1972, № 6, с. 19).

оружия, боевых припасов или взрывчатых веществ как из государственной или общественной организации, так и у граждан (наградное оружие, оружие, вверенное по службе), как заводского, так и кустарного производства (самодельных). Завладение огнестрельным оружием, боевыми припасами или взрывчатыми веществами, находящимися у лиц, незаконно ими владеющих, должно квалифицироваться по ст. 213¹ УК и в том случае, когда виновный был осведомлен о незаконном владении этим оружием лицом, у которого оно похищается.

2. Имеет ли значение для применения ст. 213¹ УК место нахождения похищенных взрывчатых веществ (на складе социалистической организации, в месте производства взрывчатых работ и т. д.)? Пленум Верховного суда БССР по этому вопросу разъяснил, что обращение виновным в свою пользу принадлежащих государственной или общественной организации взрывчатых веществ, которые хотя и находятся в месте ненадлежащего хранения, но не выбыли из владения организации и находятся на ее территории или оставлены на месте производства работ, признается хищением предметов (ст. 213¹ УК). Из этого правильного, на наш взгляд, разъяснения Пленума можно сделать и следующий очень важный вывод: если взрывчатые вещества (а также огнестрельное оружие, боевые припасы) утеряны, т. е. окончательно вышли из фактического владения социалистической организации, присвоение такой находки должно рассматриваться не как хищение (ст. 213¹ УК), а как незаконное хранение указанных предметов (ст. 213 УК).

3. По-разному решались вопросы о моменте окончания хищения оружия путем разбойного нападения, о квалификации хищения оружия и его последующего хранения, ношения и сбыта и др.

В целях устранения допускаемых при решении этих вопросов ошибок и единообразного применения закона Пленум Верховного суда БССР разъяснил, что: а) состав преступления, предусмотренный ч. 3 ст. 213¹ УК, считается оконченным с момента нападения с целью завладения указанными в этой статье предметами (п. 10); б) хищение и последующее ношение и сбыт огнестрельного оружия, боевых припасов или взрывчатых веществ квалифицируется по совокупности ст. 213¹ и 213, ч. 1, УК (п. 9).

Аналогично решены эти вопросы в пп. 12 и 14 постановления № 7 Пленума Верховного Суда СССР от 20 сентября 1974 г. .

Эти руководящие разъяснения нам представляются правильными. Против первого из них на заседании научно-консультативного совета при Верховном суде БССР высказывались возражения, но их нельзя признать убедительными. Действительно, на первый взгляд может показаться, что любое хищение огнестрельного оружия, боевых припасов или взрывчатых веществ, в том числе совершенное путем разбойного нападения, должно считаться оконченным преступлением с момента преступного завладения указанными предметами. В интересующей нас части диспозиция ст. 213¹ УК характеризует объективную сторону преступления как «хищение огнестрельного оружия (кроме гладкоствольного охотничьего), боевых припасов или взрывчатых веществ, совершенное путем разбойного нападения...». Но дело в том, что эта диспозиция является ссылочной, поскольку для уяснения признаков понятия разбоя нужно обращаться к тем статьям УК, в которых эти признаки указаны (ст. 89 и 143 УК). А в названных статьях разбой определяется как нападение с целью завладения имуществом, соединенное с насилием, опасным для жизни или здоровья лица, подвергшегося нападению, или с угрозой применения такого насилия. Поэтому в ч. 3 ст. 213¹, как и в ст. 91¹ УК, предусматривающей ответственность за хищение государственного или общественного имущества в особо крупных размерах, под разбоем понимается нападение, сопряженное с указанным насилием (физическим или психическим), независимо от того, удалось ли виновному завладеть соответствующими предметами.

4. В практике встречаются случаи, когда преступник при похищении государственного или общественного имущества либо личного имущества граждан одновременно, не сознавая этого, похищает огнестрельное оружие, боевые припасы или взрывчатые вещества. Можно ли в этих случаях применять ст. 213¹ УК? Суды решали данный вопрос по-разному: одни отвечали на него утвердительно, другие — отрицательно. Исходя из признаков умышленной вины, Пленум Верховного суда БССР дал следующее, правильное, на наш взгляд, разъяснение: «Хище-

ние огнестрельного оружия (кроме гладкоствольного охотничьего), боевых припасов или взрывчатых веществ может быть совершено только умышленно. Поэтому, если лицо не сознает, что оно похищает указанные предметы, то его действия не образуют состава преступления, предусмотренного ст. 213¹ УК БССР. В этом случае виновный несет ответственность за кражу государственного, общественного или личного имущества, а при оставлении обнаруженного оружия в свое пользование и по ст. 213, ч. 1, УК БССР».

Введение	3
Глава 1. Судимость и уголовно-судебная политика по отдельным категориям дел	7
§ 1. Судимость по отдельным категориям дел в БССР в 1961—1973 гг.	7
§ 2. Бездействующие статьи действующего кодекса	30
Глава 2. Квалификация преступлений против личности	37
§ 1. Умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах	37
§ 2. Умышленное убийство и умышленное тяжкое телесное повреждение, повлекшее смерть	54
§ 3. Изнасилование	62
Глава 3. Квалификация преступлений против социалистической или личной собственности	77
§ 1. Понятие хищения государственного или общественного имущества и отграничение этого деяния от других преступлений	77
§ 2. Квалификация хищений государственного и общественного имущества и корыстных преступлений против личной собственности в зависимости от способа завладения имуществом	99
§ 3. Вопросы применения норм УК, относящиеся к квалифицированным видам корыстных преступлений против социалистической и личной собственности	125
§ 4. Значение размера хищения для квалификации преступления	141
§ 5. Квалификация преступного уничтожения или повреждения государственного или общественного имущества либо личного имущества граждан	147
Глава 4. Квалификация хозяйственных преступлений	154
§ 1. Частнопредпринимательская деятельность и коммерческое посредничество	154
§ 2. Спекуляция	157
§ 3. Обман покупателей и заказчиков	163
§ 4. Изготовление, сбыт и хранение крепких спиртных напитков домашней выработки	167
§ 5. Незаконное занятие рыбным промыслом и незаконная охота	176

Глава 5. Квалификация должностных преступлений	179
§ 1. Понятие должностного преступления	179
§ 2. Квалификация взяточничества	184
Глава 6. Квалификация преступлений против порядка управления	195
§ 1. Посягательства на жизнь, здоровье и достоинство работников милиции и пародных дружинников	195
§ 2. Угроза или насилие в отношении должностного лица или гражданина, выполняющего общественный долг	200
§ 3. Злостное нарушение правил административного надзора	202
Глава 7. Квалификация преступлений против общественного порядка и общественной безопасности	204
§ 1. Понятие хулиганства и его отличие от других сходных преступлений	204
§ 2. Понятие злостного и особо злостного хулиганства	212
§ 3. Систематическое занятие бродяжничеством и попрошайничеством, а также ведение в течение длительного времени иного паразитического образа жизни	220
§ 4. Вовлечение несовершеннолетнего в пьянство	224
§ 5. Нарушение правил безопасности движения и эксплуатации транспортных средств. Угон таких средств	227
§ 6. Незаконное пошение, хранение, приобретение, изготовление или сбыт оружия или взрывчатых веществ	229
§ 7. Хищение огнестрельного оружия, боевых припасов или взрывчатых веществ	233

Горелик Иосиф Исаакович, Тишкевич Иван Станиславович
ВОПРОСЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА (ОСОБЕННОЙ ЧАСТИ)
В ПРАКТИКЕ ВЕРХОВНОГО СУДА БССР

Редактор *С. А. Быстрицкая*
Худож. редактор *В. Т. Лапицкий*
Техн. редактор *М. Н. Кислякова*
Корректор *Л. И. Синегрибова*

АТ 11012. Сдано в набор 17/VII 1975 г. Подписано к печати 20/I 1976 г. Бумага 84×108^{1/32} типогр. № 1. Печ. л. 7,5(12,6). Уч.-изд. л. 12,98. Тип. зак. 2519. Тираж 1500 экз. Цена 1 руб. 40 коп.

Издательство «Вышэйшая школа» Государственного комитета Совета Министров БССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 220600, Минск, ул. Кирова, 24.
Полиграфкомбинат им. Я. Коласа Государственного комитета Совета Министров БССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Минск, Красная, 23.

Горелик И. И., Тишкевич И. С.

Г 67 Вопросы уголовного права (Особенной части) в практике Верховного суда БССР. Минск, «Вышэйш. школа», 1976.

240 с.

Книга посвящена подробному анализу деятельности Верховного суда республики в области уголовного права. Рассматриваются руководящие разъяснения высших судебных органов БССР и СССР по вопросам Особенной части уголовного кодекса.

Издание предназначено для работников суда, прокуратуры, адвокатуры. Представляет также интерес для студентов юридических специальностей вузов.

Г $\frac{11002-032}{M 304(05)-76}$ 18-76

34С5

ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
13	2-я снизу	постановление	поставление
53	27-я сверху	их охотничьего	из охотничьего
87	7-я сверху	правилом	правом
126	22-я сверху	см. с. 132	см. с. 106
189	10-я снизу	на с. 147—148	на с. 122

В главе 1-й сноски 25, 30, 32 даны сшибочно.

Зак. 2519